

© 2013 г. М.В. ВСЕВОЛОДОВА

О ГРАММАТИКЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мы рассматриваем полные и краткие формы прилагательных (ПФ и КФ) и страдательных причастий настоящего времени, в русском синтаксисе образующие свойственную им категорию «ПФ» vs. «КФ», пока не имеющую адекватного описания в грамматике. Такой отбор объясним в статье. Даны наблюдения, реализованные в рамках модели преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Ключевые слова: адъектив, модификация, операциональный метод, система

The paper considers full and short forms of adjectives and present passive participles, forming in Russian syntax the peculiar category of «full form» vs. «short form», which still doesn't have its adequate grammatical description. The observations are made within the applied functional-communicative linguodidactic model, which conveys theoretical and practical requirements of teaching Russian as a foreign language (hereinafter referred to as RKI).

Keywords: adjective, modification, operational method, system

*Язык сложен. Нет! Язык совершенен.
Но его совершенство мы можем передать
только через сложность его описания.*

(А.Е. Кибрик. Устное выступление. 2001 г.)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Язык – структура многофакторная, и в лингвистике закономерно сосуществуют разные направления, обусловленные, в том числе, и интересами исследователя. Разные подходы часто приводят к разным выводам, имеющим / не имеющим объяснительную силу для других подходов. Но синтез разных результатов необходим. Категория ПФ и КФ прилагательных и причастий в таком аспекте – объект данной статьи.

Материал дается в следующем порядке: 1) принципы и методология анализа языковых единиц (ЯЕ); 2) адъективы как один из категориальных классов слов и соотношения подклассов (ЧР) прилагательных и причастий; 3) формы адъективов в русском и других славянских языках; 4) специфика КФ в восточно- и западнославянских языках; 5) причастия, образующие в русском языке КФ; 6) функционирование КФ и ПФ как операциональный метод различения прилагательных и причастий; 7) потенциал образования КФ в русском языке; 8) грамматическая категория ПФ и КФ; 9) полные и краткие прилагательные в позиции сказуемого.

Мы используем термин «модель языка», понимая под этим сложившееся у лингвиста в процессе решения им конкретных задач целостное представление о языке. С этой точки зрения модель не может быть правильной или неправильной. Она может быть другой, что не значит, что в модели (в том числе, и нашей¹) не может быть конкретных ошибок.

¹ В данном случае речь идет о прикладной функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, сформировавшейся как осмысление анализа структуры и функционирования русского языка в целях его преподавания как иностранного [Амиантова и др. 2001].

В 1952 г. вышла статья Н.Ю. Шведовой о ПФ и КФ прилагательных в составе сказуемого [Шведова 1952], где главное различие между этими формами определялось как выражение постоянного для ПФ и временного для КФ признака. Это не подтверждается языковым материалом, ср.: *Юбка короткая* (фасон) и *Юбка коротка* (не по размеру) – оба признака здесь постоянны; *Будь счастлива всегда, любима, И окружающими боготворима* и *Он сидел счастливый* (в данный момент). (См. также [Воейкова, Пупынин 1996; Гиро-Вебер 1996; Babby 1975].) Для нашей практики названная статья не имела объяснительной силы, что не мешает ей оставаться актуальной в других моделях. Представим результаты наших работ.

1. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Спонтанная речь гораздо шире материала, данного в словарях и грамматиках. Работа с разными частями речи (ЧР) показала: учет разных функциональных стилей выявляет систему языка и алгоритмы действия ЯЕ, которых в грамматиках нет [Всеволодова 2010]. Еще А.М. Пешковский писал о необходимости объективной грамматики, включающей все особенности функционирования ЯЕ независимо от их нормативности (всегда временной и часто субъективной) [Пешковский 2010]. Как и все гениальное, это положение А.М. Пешковского имеет широкую сферу применения.

Во-первых, оно актуально, помимо описания узальных, но не нормативных на данный момент ЯЕ, также и для традиционных объектов грамматики, не имеющих пока адекватного описания, к каким относится и категория ПФ и КФ прилагательных, а также и причастий.

Во-вторых, объективность грамматического представления должна быть аргументирована операционально. Так, различия в функционировании формально свидетельствуют о категориальных различиях таких ЯЕ, как *решаемая* (им задача), *любимый* (суп) и *растворимый*, *доказуемый*, объединяемых порой в один класс². Но исследователь языка, не отрицая наличия зон их пересечения, должен видеть и их различия³. Для химика *растворяемый* и *растворимый* – принципиально разные вещи. Ср. также различие в управлении: *доказуемый*, *исполнимый* (для кого) – *доказываемый*, *исполняемый* (кем).

В-третьих, у нас до сих пор нет понимания категориальной устроенности КФ и ПФ, не сформулированы алгоритмы выбора той или иной формы в определенном дискурсе, нет представления о грамматической системе этих ЯЕ в русском языке. Если в древнеславянском языке КФ и ПФ составляли оппозицию «определенность» vs. «неопределенность», сохранившуюся в сербском, хорватском языках, то в русском такой одной оппозиции нет.

Язык есть система. А систему, как известно, нельзя адекватно описать изнутри самой системы. Выйти же из системы конкретного языка можно двояко. В синхронии – в другой язык, о чем писал еще В. Гумбольдт: «Каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга он может, только перешедши в другой язык» [Humboldt 1841–1852] (цит. по [Потебня 2007: 32]). Второй выход – в диахронию. Мы – в меру своей компетенции – будем обращаться и к славянским языкам, и к диахронии, дабы понять специфику этой категории в русском языке.

Для выявления актуальной на сегодня категоризации ПФ и КФ адъективов важны способы их образования, синтагматика, парадигматика: вид, переходность / непереходность образующего глагола. Необходим вариант структурированной системы ПФ и КФ прилагательных. Именно эти моменты и являются предметом статьи.

² См., в частности, в кандидатской диссертации А.В. Богданова [Богданов 2011], научный руководитель С.Г. Татевосов.

³ В работе Дж. Николс [Николс 1985] дан опыт такого анализа на материале прилагательных и причастий как единой категории в позиции предиката (не обязательно сказуемого).

2. АДЪЕКТИВЫ КАК ОДИН ИЗ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ КЛАССОВ СЛОВ И СООТНОШЕНИЯ ПОДКЛАССОВ (ЧР) ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ

Как уже сказано, первый опыт осмысления ПФ и КФ [Шведова 1952] не имел объяснительной силы в нашей практике. В результате анализа ПФ и КФ прилагательных в 1968 г. вышло пособие с комментариями [Всеволодова, Спиридонова 1968] (давно недоступное), где решено далеко не все. Давая здесь алгоритмы употребления КФ и ПФ адъективов на базе этого пособия (другого в учебной литературе пока нет), дополним их материалом, которого в парадигме 1960-х гг. не было, моделями из работ других авторов. Отметим также аспекты, требующие дальнейшей проработки.

В работах последних десятилетий (практически все они вышли после 1968 г.) есть случаи, не отмеченные нами⁴. А упомянутый выше подход к адъективам без различения прилагательных и причастий [Богданов 2011] вызывает неприятие частных его положений как некорректных для модели РКИ (и вообще русской грамматики) именно в связи с категорией ПФ и КФ. Покажем наше понимание адъектива.

К адъективам мы относим ЧР, имеющие категорию падежа и согласуемые по роду и числу с определяемыми существительными. Несогласование по падежу обусловлено в ряде случаев синтаксической позицией адъектива, ср.: *Книга должна быть интересной*, где тв. п. управляет глагол *быть* (см. также [Николс 1985]). В категорию адъектива входят прилагательные, причастия – глагольные формы в категории имен, порядковые числительные и местоименные прилагательные *какой, такой, каков, таков, иной, чей, другой* и местоименное числительное *который*.

Конкретным объектом нашего рассмотрения являются прилагательные и страдательные причастия наст. вр. Другие адъективы в статье не разбираются: порядковые числительные и *иной, чей, другой, который* КФ не образуют, как и (в рамках нормы) действительные причастия.

В старославянском, старорусском и русском языке XVIII в. они были системны, см.:

*Исака простил Бог и святыи Николае, **болевиша** очима и ногама, ис Чавникова **пришедшиа**. Озарью простил Бог и святыи Николае, **болевиша** очима 4 лета; И много же воеводь, отъ Казани **идуше**, зъ гладу на пути **изомрошиа**, овии же чревною болезнью на Руси, **пришедшиа**, долго **болевиша**, **помрошиа** (Казанское взятие или сказание о начале царства Казанского и о взятии онаго); Я Деву в солнце зрю **стоящу**, Рукою Отрока **держашу** (М.В. Ломоносов. 1742); Как будто, **страждуиц**, прижимал Он к хладным персям руки (Жуковский).*

Ср. современное: *Мужчина должен быть пахуч, **читающ** и волосат* (Инт.)⁵. Страд. причастия прош. вр. образуются в массе своей от глаголов совершенного вида (СВ): *решённый, прочитанный* и системно употребляются в КФ и в ПФ в определенных синтаксических позициях: ПФ – как определение: *решённая нами задача*, КФ – как сказуемое: *задача нами решена*. Но в упомянутой концепции А.В. Богданова обсуждается соотношение страд. причастий именно наст. вр. и прилагательных. А это принципиально.

3. ФОРМЫ АДЪЕКТИВОВ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, в славянских языках есть два варианта форм прилагательных: «краткая» («именная») типа *нов, нова, ново, новы* и «полная» («местоименная»): *новый, новая, новое, новые*. Когда-то они составляли оппозицию «неопределенные» (КФ) vs. «определенные» (ПФ), охватывая все типы прилагательных, включая притяжательные, где эта оппозиция рано нейтрализовалась [Толстой 1957; Мароев 1981]. В наше время в вос-

⁴ См. [Nichols 1981; Николс 1985; Гиро-Вебер 1996] и др. Я благодарю рецензента статьи за указание на дополнительную библиографию.

⁵ Подавляющее большинство примеров взято из поисковых систем Интернета. Поэтому я позволю себе не указывать в дальнейшем на конкретные источники.

точных и западных славянских языках, где есть ПФ, в норме КФ потеряла склонение, и случаи типа *на добра коня садяся, красну девицу* и т.п. относят к «стяженным формам». Выделяют также «усеченные» формы у поэтов XVIII в., объясняя их как формы, где окончание сознательно «отброшено», и не отождествляя их с КФ, к тому времени, судя по такому подходу, исчезнувшими. Материал показал, что такая классификация требует корректировки. Этот аспект хорошо и очень корректно проанализирован А.С. Кулевой [Кулева 2008; 2009]. Тем не менее, аргументируем наше мнение.

1. Появление ПФ не могло сразу вытеснить КФ: старые и новые формы сосуществуют долго. Вхождение в язык новых форм идет постепенно. Кроме того, во-первых, КФ функционировали в XVIII в. в церковнославянских текстах, несомненно, известных поэтам. Во-вторых, КФ в речи, вероятно, были так же узуальны, как и сейчас. В-третьих, отбрасывая окончание, поэты просто использовали КФ. Как операционально доказать, что это нечто другое? Мы согласны с мнением А.С. Кулевой (со ссылкой на Г.О. Винокура): «Как представляется, рассматривать усечения только как искусственные формы вряд ли справедливо» [Винокур 2006; Кулева 2009].

2. Возможно, КФ системно функционировали и в XVIII в. в модели типа *это трудно, всё ясно* и т.п. с местоименными подлежащими (см. ниже в части 9).

Примечание. То, что здесь прилагательные, а не наречия, показывает сопоставление с польским, где эти ЧР различаются: *trudne* – полное прилагательное, *trudno* – наречие, ср.: *Jedno jest trudne do zrobienia*, букв.: ‘Одно есть **трудное** [до сделания]’ и *Uwierzyć w to jest trudno* ‘Поверить в это есть **трудно**’. КФ в белорусском: *Усё тут нова = Всё здесь ново*. Ср. характеристику этих форм в польском языке в [Bał 1987: 316]: «Именные (rzeczownikowe) формы прилагательных. Среди прилагательных выделяются в современном языке такие, которые в именительном падеже мужского рода вместо окончания -у или -и имеют нулевое окончание. Это прилагательные: *gotów, pelen, rad, wart, wesół i zdrów*. Они напоминают существительные: *len, sad, świat, wól i rów*. Это остатки прежних именных форм прилагательного, которые имели в именительном падеже для мужского рода нулевое окончание, для женского рода – окончание -а, а для среднего -о. Соответственно, говорили: *rad, rada, rado; wart, warta, warty; wesół, wesola, wesolo; zdrów, zdrowa, zdrowo*. Из именных форм ср. рода прилагательных возникли отадъективные наречия с суффиксом -о, который в то время был окончанием среднего рода: *gorąco, chłodno, miło, wesolo, zdrowo*» (Перевод наш. – М. В.) Значит, современные формы типа *nowa, nowe, nowe* суть ПФ. То же в чешском языке (см. ниже).

3. Но наверняка в речи были и притяжательные прилагательные типа *мамин, отцов*, где нейтрализация неопределенности / определенности характеризуемого имени обусловила в падежной парадигме слияние КФ и ПФ [Якубинский 1953].

4. Как известно, ПФ есть соединение КФ с древнеславянским личным местоимением / партикулой *яь*, см. [Николаева 2008]. В сербском⁶, хорватском, боснийском языках краткие и долгие окончания – показатели КФ/ПФ – по-прежнему выражают неопределенность / определенность: «Основное деление у нас по функционально-семантическому принципу на определенные и неопределенные. Определенные соответствуют полным, поскольку у них есть окончание -и (*нови, нова, ново*). В косвенных падежах у них бывают краткие и долгие окончания. Неопределенными считаются краткие, поскольку заканчиваются на согласный или -о (из -л) (*нов, нова, ново, бео, бела, бело*). Формы женского и среднего рода различаются только типом ударения. Все три рода имеют множественное число» (Д. Мирич, частная переписка). См. также [Клајн 2005].

5. КФ в свое время склонялись по образцу имен первого и второго склонения, ср. примеры: *хлѣбъ ржанъ, оумна моужа, трудомъ великомъ* [Шахматов 1957: 121–122], *на стулѣ золотѣ, выше буйны головы, из пещеры бѣлокаменны, на больше место, со вдовы чесны* [Буслаев 1959: 233] (цит. по [Копелиович 1997: 26]).

⁶ Я благодарна профессорам Новисадского университета (Сербия) Душанке Мирич и Слободану Павловичу за предоставленную информацию и материалы.

6. Показателем ПФ для восточно- и западнославянских языков в ее «первоначальном» виде является наличие конечного или интервокального йота. Возможно, в первый период функционирования ПФ прилагательных склонялись оба компонента формы, то есть в косвенных падежах ед. ч. были формы типа *добраго, добруему, [добрыјей]*.

7. В какой-то период *-j-* в некоторых формах выпал, а гласные стягивались в одну. В русском это была конечная гласная КФ: *добраго, новаго, живаго*. Так писались формы род. п. ед. ч. м. и ср. рода еще в начале XX в. В польском – гласный местоимения: *dobrego, nowego, żywego*. В украинском и западных языках исчез и конечный *j*. Форму без *j* назовем стяженной. В каждом языке это проходило по-своему [Срезневский 1893–1912; Шахматов 1957; Кузнецов 1965; Потехина 1968]. Кроме того, орфография изменялась в плане «рационального» написания, ср. современные *доброго, нового, живого*.

8. В современных западно- и восточнославянских языках парадигма прилагательных формируется двумя реализациями ПФ: 1) йотированной, 2) стяженной формой.

9. Только в русском им. п. всех родов и обоих чисел сохранил *j*: *новый, новая, новое, новые*. Уже в белорусском им. п. м. р. представлен стяженным вариантом *новы*, хотя все остальные *-j-*формой: *Вуліца шырокая; Паліто новае; Актуальныя праблемы паланістыкі*. В украинском, наоборот, *j* сохранился в им. п. м. р., ср.: *український синтаксис, блакитний колір* (голубой цвет), но в ж., ср. роде и мн. числе – стяженные формы: *блакитна лагуна, блакитне небо, блакитні очі*. В польском, словацком, чешском языках здесь стяженная форма, ср. польск. *nowy dom, nowa tара, nowe palto, nowe dotу*. В чешском здесь долгая гласная *novú, nová, nové, nové* – результат стяжения.

10. *J-*форму во всех падежах в русском сохранил только ж. р.: *новая, новой* (из *новыјей*) к *новой, новую, с новой, о новой*. В других восточных и западнославянских языках *j-*форма для род., дат., тв. и пр. п. ж. р. тоже сохранилась. В м. и ср. роде и во мн. ч. в косвенных падежах в русском выступает, как известно, стяженная форма.

4. СПЕЦИФИКА КРАТКОЙ ФОРМЫ В ВОСТОЧНО-И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Основной в восточно- и западнославянских языках сейчас является ПФ, от которой в этих языках образуется / не образуется КФ, исторически первичная.

Но, возможно, формы типа *рад, виноват, прав, сыт* и т.п. как и указанные выше слова польского языка, суть исконные КФ.

Как отдельная грамматическая категория КФ функционируют только в русском языке, системно образуясь от многих, но не от всех прилагательных. В других восточно- и западнославянских языках КФ реализуются выборочно. Так, в белорусском языке в м. р. выступают очень немногие прилагательные: *хіцер, дуж, жыў, здароў, спакоен, ясен, чуцён, відзён, павінен, рад, гатоў* и др.; в ж. и ср. р. выступают и другие: *Мне ўсё тут любя, дорага, прыгожа*. «Краткие формы прилагательных представляют непродуктивную категорию в грамматической системе современного белорусского языка. Эти формы образуются от сравнительно небольшой группы качественных прилагательных, причем даже и в этих немногочисленных случаях возможности образования кратких форм часто ограничены определенными фонетическими и морфологическими условиями (характером основы)» [Граматыка 1962] (Перевод М.И. Конюшкевич). Но коллеги отмечают, что «теперь на волне пуризма <...> в текстах оппозиционно настроенной молодежи краткие формы уже крайне редки» (М.И. Конюшкевич, частная переписка). В польском КФ имеют только некоторые слова м. р.: *rad, kontent, wart, winien, ciekaw, godzien, gotów, laskaw, pelen, pewien* (в выражениях типа *jest pewien*), *syт, świadom, wesół, zdrów: Był rad ze spotkania; Jest winien mu wdzięczność* [Tokarski 1978: 137; Бак

1997: 316; Encyklopedia 1999: 308]⁷. Поскольку стяженные формы им. п. ед. ч. ж. р. и мн. ч. адъективов совпадают со старославянскими КФ (ср. польск: *nowa, nowe*), то ср. р. *nowe* хорошо вписывается в этот ряд. То же в укр. *блакитне небо – блакитне очи* (голубое небо – голубые глаза). И наши КФ поляки воспринимают как ПФ, ср. системные ошибки: **У меня есть один таков вопрос; *Она была женщина наблюдательна*.

В восточно- и западнославянских языках КФ в норме выступает только в им. п. Случаи типа *красну девицу, к добру молодцу* суть застывшие выражения с КФ (см. также [Вақ 1997: 316]). Но в русской спонтанной речи косвенные падежи КФ встречаются.

Считается, что КФ употребляются только в функции именного сказуемого. В польской грамматике их называют предикативными [Encyklopedia 1999: 308], но отмечают нормативное употребление ряда КФ в позиции собственно определения: *Odcinek ulicy zamienił się w kanał **pelen** wody!* ('Отрезок улицы превратился в канал полон воды'). *Człowiek **pewien** czas wytrzymał przeciążenia, ale do czasu* (= 'определенно время'). «В современном украинском языке различают полные формы прилагательных: *винний* – виновный; *певний* – определенный; *ясний* – ясный и т. д., которые могут склоняться, и краткие, или стяженные: *винен, певен, ясен* и т. д., которые не склоняются. КФ используются с четко выраженной ориентацией на достижение определенного художественно-образительного эффекта, объясняются стремлением к сознательной стилизации, типичны для поэтических и фольклорных текстов. В составе последних рассматриваются как морфологические архаизмы: *Як і шли ми **зелен** яром к **зелен** гаю, солов'ї нам ткали пісню диво-дивну* (Б. Олійник)» (А.А. Загнитко, частная переписка, см. также [Безпояско и др. 1993; Загнитко 2009]). Как видим, в украинском языке КФ не склоняются и в позиции определения.

В русском, помимо сказуемого, они системны и как обособленное определение:

Тиха, печальна, молчалива. Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой (Пушкин); *И месяц плывет, и тих, и спокоен* (Лермонтов); *Бел и пушист, лежал под ногами снежный ковер*.

Употребление их как определения не нормативно, но в речи встречается, ср.:

*С начала недели в Румынии установилась ***жарка** погода. Ну, кто сказал, что это **самая красивая** девушка Иркутска, я и получше видел. Увидев ***красиву** девушку, не забывай любимую. Победитель конкурса получит ***нову** куклу Барби.*

Таким образом, только русские адъективы формируют два грамматически значимых класса: ПФ и КФ. А практика РКИ показала, что отношения этих форм многофакторны и требуют анализа большого языкового материала, в том числе, и спонтанной речи. Об употреблении КФ и ПФ см. ниже, а сейчас сопоставим прилагательные и причастия.

5. ПРИЧАСТΙΑ, ОБРАЗУЮЩИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КРАТКИЕ ФОРМЫ

Как известно, кроме прилагательных и местоимений *каков, таков*, КФ образуют и страдательные причастия: наст. вр. *любить – любім* и прош. вр. *решишь – решён*. В Интернете встречаются ненормативные употребления КФ действительных причастий типа *идуций – шедший*, см. выше: *пахуч, ***читающ** и волосат; Минувя третий по счету* (вагон), *он заглянул в купе к проводникам; Вероятно, ему приглянулась проводница, ***читавша***. Но ср. современный болг.: *Полипреводачката – **говорящ** преводач от/на европейските езици*.

Примечание. Отметим, что в чешском языке есть причастия с *-ом-*. В польском нет *m-* причастий. Вместо них – аналоги наших страд. причастий прош. вр. Причастия НСВ в контексте формы глагола выражают все три времени – наст.: *Vo cały projekt metra **jest** robiony* *od*

⁷ Я благодарю за материалы наших коллег профессора Гродненского университета им. Янки Купалы М.И. Конюшкевич, профессора Донецкого национального университета, чл.-корр. Украинской академии наук А.А. Загнитко, доцента Донецкого университета А.В. Ситарь, профессора Института восточнославянских языков Опольского университета Чеслава Ляхура.

złej strony букв. ‘проект есть сделанный’ = делается; прош.: *remont był dość dawno robiony* ‘Ремонт был достаточно давно сделанный’ и буд.: *za chwilę będzie robiony remoncik* ‘будет сделанный ремонтик’. Причастия СВ выражают прошедшее: *Luk był zrobiony wcześniej* ‘люк был сделанный раньше’; *Każdy hotel jest zrobiony na jakiś niepowtarzalny styl* ‘Каждый отель есть сделанный в каком-то неповторимом стиле’ и будущее время: *Wewnątrz góry (!) będzie zrobiony duży podziemny parking* ‘будет сделанный большой паркинг’.

В русском языке в собственно страдательном обороте в функции сказуемого выступает КФ страдательных причастий прош. вр., которые так же свободно выступают и в форме буд. вр.: *дом построен / был построен в прошлом веке; дом будет построен.*

Примечание. Заметим, что термины «настоящего времени» / «прошедшего времени» для страд. причастий не вполне корректны. Они в норме соотносятся в первую очередь с видом глагола и свободно обслуживают время предложения в соответствии с видовой характеристикой. Причастия типа *читаемый, любимый*, образуемые от форм НСВ, системны во всех трех временах при прямом употреблении времени: *Есенин унес из отдела свою непричесанную грудку стихотворений, <...>, за время его отсутствия она неоднократно была читаема в отделе разными лицами* = читалась; *Эта книга <...> читаема и сейчас* = читается; *Она ещё долго будет читаема* = долго будут читать. Прош. и буд. время у причастий прош. вр. типа *написанный, решенный*: *задача была решена / решена / будет решена*. Но в узусе есть и НСВ: *Там стойка передняя была варена в 3х местах, лонжероны были варены и т. д. и т.п.; Соответственно будет варена новая заплатка с соблюдением всех технологий; «Телетузики» под наркотой деланы*. (Тип склонения по классификации А. Зализняка – 1*а.) Мы считаем, что собрать соответствующий материал для проверки системности такого употребления необходимо. В отличие от страдательных, действительные причастия соотносятся именно со «своим» временем и в контексте другого времени выступают в переносном употреблении типа: *подошел к сидящему на лавке человеку* = который сидел; *Спросишь человека, открышего тебе дверь, дома ли Иван* = который открывает. Очевидно, категория времени у русских причастий по отношению к действ. и страд. залогу формируется несколько по-разному.

Страд. причастия настоящего времени, как отмечают грамматик, в сказуемом не употребляются. Основное средство выражения пассива – страдательные глаголы. Но это не совсем так.

Формы пассива выступают либо как **предикативная**, либо как **определятельная** или **обстоятельственная** ЯЕ. Его форма в предикате зависит от: 1) вида глагола, 2) от не учитываемых в официальной грамматике, но имеющих большую объяснительную силу выявленных Г.А. Золотовой модификаций в синтаксическом поле предложения (в синтаксической парадигме в нашей терминологии): грамматической (здесь – время) и структурно-семантических (модальная, авторизационная, отрицательная) модификациях [Золотова 1982; Всеволодова 2000: 215–224]. Покажем это на страдательных причастиях наст. вр., когда в активе выступают глаголы НСВ.

5.1. Предикативная структура

Представим основные модификации.

5.1.1. Временные модификации – настоящее, прошедшее и будущее время

В норме главным средством выражения пассива считается форма НСВ глагола с *-ся*: *Ким решает задачу – Кимом решается задача; Работу мы вели летом – Работа велась нами летом; Дом они будут строить здесь – Дом ими будет строиться здесь.*

1) Однако только КФ страд. причастий (но не глаголы на *-ся*) в позиции сказуемого и с именем субъекта в тв. п. выступают вместо глаголов группы «любви и ненависти», имеющей три подкласса: а) *любить, обожать, боготворить*; б) *уважать, почитать, чтить, ценить*; в) *ненавидеть, презирать, жалеть* [Крючкова 1979]. Они и только они во всех трех временах образуют страдательные обороты:

Ее любят, **она любима**; **Нами ты была любима** и для милого хранима (Пушкин); **Она будет любима**; **Стюардесса по имени Жанна, обожаема ты и желанна**; **Фильм был обожаем** и женской аудиторией и мужской; **Она была боготворима** толпами поклонников и поклонниц; **Собаки породы канне корсо были ценимы и уважаемы** более тысячи лет; **В Азии очень почитаема «Тибетская книга мертвых»**; **Особенно он будет почитаем** женщинами; **Он и сам был чтим** младшими; **Он был презираем**; **Корыстолюбивец будет презираем** в народе и **ненавидим** друзьями; **Ведь мы жалеемы Жестоким Хроносом**⁸.

2) Но системны формы с **-им**, **-ем** и от других глаголов:

Духовной жаждою **томим**, в пустыне мрачной я влачился (Лермонтов); **Человек был судим** в 1991 году; **Я нежностью к тебе была хранима**; **Посты, кои соблюдаемы** всеми общинниками; **Девушки, чей рацион сочен чесноком, луком и луком-пореem, в огромной степени оберегаемы** от бедерного остеоартрита; **Они в основном узнаваемы и поддерживаемы** на выборах; **Нужно следить за тем, чтобы черта была проводима** в направлении наружу; **Он был привлекаем** к суду за долги; **Высокая сила передачи сырья создаваема** вакуумной помпой.

Возможно, КФ пассива в этой позиции более системна, нежели считается.

3) Причастия на **-ом-**:

Я был несом рекою рока; **Она была несом ветром**; **Саул всегда был ведом толпой**; **Наш покойник был везом** на дрогах; **У врача я спросить не догадалась, за что теперь грызюма** мамой; **До осколков добей, до драк, Чтобы снова была искома** Волчья прыть в чerede собак (М. Цветаева); **К былым годам я памятью влеком** (М. Волошин); **Отец Сергей у Толстого был «жгом огнем блудным»**; **Чада были секомы** за эти вымышленные вины (Ф.К. Сологуб); **И были зовомы** все, некогда бывшие и успокоившиеся к исполн.

В первом и третьем случаях **-ся**-глагол не выступает⁹. Интересно выяснить, с чем это связано: возможно, с типом глагола. Таких сведений наша грамматика пока не дает. А налицо определенные условия выбора формы пассива и, значит, это норма.

5.1.2. Модальные модификации во всех трех временных формах

1) Возвратный глагол НСВ: **Студенты должны / были должны / будут должны решать задачу – Задача должна / должна была / должна будет решаться студентами.**

2) КФ причастия наст. вр.: **Проблема «выбора» форм реактивного состояния может быть решаемая психиатрами** = может решаться; **Цвет точек должен быть определяем** в соответствии с классификатором оттенков = должен определяться; **Такие суждения должны быть считаемы истинными**; **Какие вспышки могли быть наблюдаемы в античности?**; **Ополчение не могло быть используемо** Кутузовым.

5.1.3. Отрицательно-модальные модификации

1) Возвратные глаголы – с «не» перед модальным словом во всех трех временах: **Ливийский вопрос не должен решаться силой**; **Этот вопрос не должен был решаться политически**; **С точки зрения шиитов, вопрос о верховной власти не может решаться голосованием**; **Бланк техосмотра не должен будет возиться в автомобиле.**

⁸ Рецензенты отмечают окказиональность таких употреблений и указывают на необходимость названия конкретного источника. Но, во-первых, в живой речи эти причастия достаточно системно употребляются, а сам класс причастий в русской речи разговорной формой (кроме страд. прич. прош. вр. типа *сданный, стиранный*) не является. Во-вторых, данные глаголы не образуют пассива с **-ся**. Для нас важно, что эти формы есть и употреблены в текстах отнюдь не окказионального уровня. Все они взяты из Интернета. Конкретные источники для меня лично не имеют значения.

⁹ Впрочем, см. у Державина в стихотворении, посвященном жене: *То с нею в карты я ревулюя, то ею в голове ищуся* = 'она ищет (вшей) у меня в голове'.

2) КФ причастий наст. вр. – тоже с «не» перед модальным словом: *Вопрос не может быть решаем по принципу да-нет; Вопрос о росте церковного землевладения не мог быть решаем огульно отрицательно; Вопрос о виновности подсудимого не может и не должен быть решаем присяжными под контролем общественного мнения.*

Отметим, что никаких модальных смыслов сами по себе показатели страдательного залога (и возвратные глаголы, и причастия) не несут, но системно присоединяют модальный модификатор, то есть образуют модальную модификацию (внутрисинтаксическая модальность – отношения между актантом и предикатом) в синтаксическом поле предложения: 1) модальность здесь характеризует действие, но не объект; 2) в норме системна только КФ и не нормативны структуры типа **Текст может быть читаемый / читаемым учителем вслух на уроке.*

5.2. Определительный компонент

В позиции определения или в причастном обороте причастия наст. вр. выступают свободно, норматив – ПФ: *Каждая задача, решаемая нами, это новая задача; В Израиле к власти приходили то правые, то левые; У левых была просоветская ориентация, но строи́мый ими социализм все-таки имел человеческое лицо.*

5.3. Обстоятельственный компонент

В деепричастном обороте системна как раз КФ страд. причастия:

Всё хорошее, будучи используемо неправильно, может стать источником страдания = когда используют / используется неправильно; Еду, будучи везома водителем; Такой человек способен управлять собой, не будучи управляем другими; Он не во всем подвластен художнику и, будучи создаваем им, в каком-то смысле включает его самого; Киево-Печерская Успенская Лавра не теряла своего значения, будучи возглавляема самим Митрополитом Киевским и Галицким. Большое количество пациентов теряют свои кондиции, будучи изучаемы докторами.

ПФ выступает в тв. п.:

Мы желаем быть выраженными через вас, не будучи почитаемыми, не будучи изучаемыми как далекие объекты; Он более 20 лет был депутатом Борского городского совета, будучи избираемым несколько раз подряд!; Даже будучи разбираемой, распиливаемой и сжигаемой, ядерная ракета остается Военной Тайной.

Таким образом, в модальной, отрицательно-модальной модификациях и в деепричастном обороте более системна именно КФ страдательного причастия.

6. СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ КРАТКОЙ И ПОЛНОЙ ФОРМ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как видно из данного выше материала, страд. причастия наст. вр. формируются суффиксами *-ем-*, *-им-* и *-ом-*. В упомянутой работе [Богданов 2011], где причастия рассматриваются вместе с деепричастиями типа *непереводимый* (текст), *растворимый* (кофе), *несгораемый* (шкаф), выделяются три класса адъективов в соответствии с семантикой суффиксов:

1) **Стандартный класс**, адъективы которого могут иметь модальную либо ситуативную интерпретацию. Это большинство причастий и отглагольных прилагательных с *-м-* (М-адъективы у автора) типа: *трудно переводимый с английского термин* (= термин, который трудно перевести); *весьма запоминаемые строки* (= можно легко запомнить); *весьма предсказуемые фильмы* (= сюжет которых можно предсказать); *переводимые им стихи* (= которые он переводит); *часто повторяемый им рефрен*

(= который он часто повторяет); специально *раздуваемая Кремлём шумиха* (= специально **раздувают** шумиху). Но модальную интерпретацию имеют только три первых прилагательных, а три последних суть причастные страдательные обороты, лишённые какого-либо модального смысла, с агентивными компонентами. Это причастный страдательный оборот, аспект представления самого действия. М-а д ъ е к т и в (причастие) здесь соотносится с НСВ глагола, тогда как в первых трех примерах налицо М-а д ъ е к т и в ы, соотносимые с СВ и характеризующие определяемый ими объект как «такой, с которым можно / или который может совершить действие, названное данным глаголом», ср.: *несгораемый шкаф = не может сгореть*. На наш взгляд, объединение категорий модальности и ситуативности в одну в данном случае неправомерно.

2) **Редуцированный класс**, адъективы которого не могут иметь модальную семантику, то есть выступают только как ситуативные. В качестве примеров приводятся: *легко любимый папа* и *весьма значимые фигуры*. Но это две принципиально разные ЯЕ. *Легко любимый* = кого легко можно полюбить; то есть это модальное прилагательное. В Интернете с «папа» только этот сомнительный пример из [Богданов 2011], ср. встретившееся модальное прилагательное: *Ты очень нежный и так легко любимый... Всю жизнь готова быть с тобой* (= ‘тебя легко любить’). В примере *весьма значимые фигуры* = ‘фигуры, которые много значат’, нет смысла модальности и возможна замена на действ. причастие: *весьма значащие фигуры*, о чем автор не говорит. Основания их объединения в один семантический класс, на наш взгляд, не имеют объяснительной силы.

3) Класс адъективов на *-ом*, судя по списку, приведенному автором, включает словоформы: *влекомый, ведомый, искомый, несомый* и *???весомый*. Какое отношение имеет прилагательное *весомый* (= ‘много весящий или важный’) к страд. причастиям? Последние, как известно, образуются в основном от переходных глаголов. (Исключение в норме составляют глаголы руководства, требующие тв. п.: *руководимый, управляемый, командуемый, заведомый, дирижируемый*, судя по всему, ранее управлявшие вин. п.) Почему нет в таком случае словоформы *знакомый*? Как показано выше, страд. причастий на *-ом* значительно больше. Специфику этого класса автор видит в неприсоединяемости к данным адъективам наречия *весьма*: **весьма искомые результаты* [Там же: 14–15]. Но ср. примеры, встречающиеся в естественном общении: *у Вас, конечно, есть еще альбом «Дельфин и Русалка», потому как тоже весьма и весьма искомый материал; Весьма искомый коллекционерами, этот альбом теперь переиздан; Это очень и очень искомый материал!* Вообще, приводимые в работе запреты на сочетаемость (как показатели специфики суффикса) часто неактуальны, как, например, в следующих случаях (в работе они даны как невозможные): *Практически у каждого из воспитателей в патронате – свой опыт, часто значимый не только для их воспитанников. Его восприятие часто бывает зависимым от дизайна*. Судя по количеству примеров в Интернете (а его роль в нашем общении сейчас уже невозможно отрицать), это совершенно узуальные для русского языка сочетания, и понять, почему они отнесены автором к «невозможным», я не могу. Где указаны правила сочетаемости слов *часто* и *весьма* с теми или иными глаголами и их формами? И, видимо, материалы, положенные в основу работы А.В. Богданова, были недостаточно полными. Повторим, что причастия в русском языке, кроме страдательных причастий прошедшего времени типа *сварен, убит*, в просторечии не употребляются. Приведенные выше примеры – несомненно, речь образованных людей. Оценивать ее как «разговорную» вряд ли корректно. Речь существует, в первую очередь, для разговора, это естественное общение, по очень удачной характеристике нашей речи в работе [Булыгина, Шмелев 1999]. И язык нашего естественного общения и есть, на самом деле, та структура, которая должна составлять основу объективной грамматики и быть объектом ее систематического изучения.

Положение о семантических различиях суффиксов, образующих причастия, можно рассматривать как ошибочное. Утверждения о единстве страд. причастий и прилагательных для нашей модели языка некорректны. Аргументируем наше утверждение.

Примечание. Некоторые коллеги ссылаются на то, что уже у А.А. Потебни говорится о переходе причастий в прилагательные. Но он упоминает действительные (а не страдательные) причастия, указывая, что в членной (то есть полной) форме «поставленные атрибутивно легко переходят в прилагательные, напр. русск. *текучая вода, сумасшедший человек*» [Потебня 1957: 150]. Это очень интересный и важный для восточнославянских языков аспект данной проблемы. Дело в том, что действительные причастия настоящего времени в южнославянских языках образуются с помощью суффиксов *-уц/-юц* и *-ац/-яц* (см. выше болг. *говоряц*); в западнославянских (в кириллическом написании) *-уц/-яц* (польск. *-qc-*), а в восточнославянских они должны образовываться с *-уч/-юч, -ач/-яч*. Но, как известно, в северо-восточной Руси (в будущей России) буквенную письменность, пришедшую на Русь вместе с христианством, восприняли не как церковную, а как письменный способ выражения своей, русской речи (переводов с одного языка на другой до середины XVII в. не было, и грамматику в школах учили по церковнославянским текстам, за неимением учебников заучивая тексты наизусть, что продолжалось фактически семь столетий). К моменту введения Петром I гражданского шрифта южнославянские причастия и отчасти деепричастия (ср. русск. *будучи, умеючи, идучи, едучи* и южнославянские *умея, сидя*) вошли в русский язык. При этом причастия на *-иц* оттеснили формы на *-иц* в прилагательные, ср.: *сидячий, ходячий, певучий, могучий* (ср.: *могущий* что-л. сделать). Таких пар нет ни в одном славянском языке. Нашему *сидячее место* в польском соответствует *miejsce do siedzenia*. В юго-западной Руси, как известно, основой речи и письма была «проста мова», на которую церковнославянский язык не влиял. В современном украинском языке действительных причастий настоящего времени нет вообще, но есть прилагательные типа *горячий*. (Это, возможно, объясняется тем, что еще несколько столетий по принятии христианства был общий русский язык.) А в белорусском, который в свое время 250 лет существовал без письменности, отмечаются собственно восточнославянские причастия на *-иц*: *бягучы* (бегущий) и деепричастия на *-учы/-ючы: бегучы* [Граматыка 1962: 127] (ср. в русской спонтанной речи: *быстро-быстро бегучи по дорожке*). Как видим, переход причастий в прилагательные – явление сложное, и требует детального анализа.

Каждый русский транзитив дает свою, одну из трех форму причастия, и, следовательно, – если исходить из концепции Богданова, – каждая группа глаголов почему-то может в причастии выразить только вносимое данным суффиксом значение. Но «выбор» суффикса (и здесь поминаемая автором «Русская грамматика» абсолютно права) – это только морфонология и к смыслу отношения не имеет. Вот конкретный материал.

В грамматике алгоритм образования этих причастий от V_{inf} достаточно сложный. Как объяснить инофону, почему от одинаковых V_{inf} *читать* и *держать* образуются разные формы причастий: *читаемый*, но *держимый*? В практике РКИ используется другой алгоритм (принятый и В.А. Белошапковой [Белошапкова 1989: 511]): причастие образуется от «**мы-формы**» глагола (3 л. наст. вр.) ср.: *читаем – читаемый, любим – любимый*. (В глаголах с корнями *-да-, -зна-, -ста-* сохраняется от V_{inf} суффикс *-ва-*: *давать – даём – даваемый, узнавать – узнаём – узнаваемый, доставать – достаём – доставаемый*. Есть единичные случаи двойного образования, ср.: *мучимый* и *мучаемый* от глагола *мучить*: *Если, мучимый страстью мятежной, Позабылся ревнивый твой друг...* (Н. Некрасов); *Мучаемый беспомощностью, терпел*. Все такие случаи в грамматиках не отмечены.) Определить спряжение не нужно. При этом:

1. Суффикс *им-* выступает и после гласных: *стрóимый, кро́имый*, и после согласных: *производíмый, любимый*; он может быть как ударным, так и безударным.

2. Йотированный суффикс *-jem-* выступает обычно при интервокальном *j* (между гласными) и **всегда безударный**. Если же суффикс *-ем-* (без *j*) выступает в *мы-форме* после согласной, то иногда и в глаголе (см.: *я колеблю, мы колеблем, ты колеблешь, вы колеблете, он, она колеблет, они колеблют*), и в причастии он выступает после *л-эпентетикум*: *По Росцелину, универсалии существуют только как колеблемый речью воздух; И сразу проснулся, терблемый за плечо испуганной и сонной женой*. Глаголы, в причастиях которых появляется *л*, еще нужно собрать: некоторые глаголы имеют *л-эпентетикум* и в *мы-форме*: (*Мы колеблем пути сети*), другие – нет (*А мы тербим ушко, когда спать хотим!*). От таких глаголов более системным является причастие с *-им-*:

ров / 750мл; Колодец, **роемый** до неисчерпаемой общей воды. См. выше: **биемый, едомый**.

Что касается отглагольных прилагательных на **-им/-ем-**, то в нашей модели языка их некорректно объединять со страдательными причастиями семантически, поскольку:

1. Они несут семантику модальности в себе и характеризуют не действие, а определяемый ими объект, ср.:

*Таким образом, в процессе растворения частицы (ионы или молекулы) **растворяемого** вещества под действием хаотически движущихся частиц растворителя переходят в раствор, образуя качественно новую однородную систему. По растворимости в воде все вещества делятся на три группы: 1) хорошо **растворимые**, 2) **малорастворимые** и 3) **практически нерастворимые**. Последние называют также **нерастворимыми** веществами.*

См. также: *И по тропам, вовек **неисследимым**, вся жизнь уйдет к бессветной стороне* (Бальмонт). Это модальные прилагательные (далее МП).

2. В отличие от причастий, МП образуются не только от переходных, но и от непереходных глаголов: **нерастворимый** < растворяться, **несгораемый** < гореть; и от глаголов СВ: **предсказуемый** < предсказать, **допустимый** < допустить.

3. Вместе с тем системны оморфы, когда обе реализации внешне совпадают, ср.: **Читаемый** нами текст был достаточно труден и Игра команды **читаема**, все предсказуемо. Но это не делает их одной ЧР. Их синтаксические потенциалы различны.

4. МП системно выступают в сказуемом, как в КФ (*Надо быть уверенным, что задача **решаема**; Одежда прочна, **несминаема***), так и в ПФ (*Текст **читаемый**, и цвета приятны для глаз; И задача **решаемая**, и работать возможно; Ткань **несминаемая***).

5. В модальной модификации МП выступают как в КФ (*Текст **должен быть читаем** и понятен; Задача **должна быть решаема** в принципе*; ср. причастие: *Задача **должна быть решаемая** обучаемым*), так и в ПФ в тв. и им. п. (*Текст **должен быть читаемым** / читаемый; Задача **должна быть решаемой** / решаемая*)¹⁰.

6. МП выступают и в авторизационной модификации: *О чудо! текст **оказался читаемым***¹¹; *Здесь мне задача **показалась решаемой***. С глаголом *оказаться* возможен и им. п.: *Вопрос **оказался решаемый**; Задача не простая, но **оказалась выполняемая***. См. обособление: *Задача сложная, но, как мне **показалось, выполняемая***.

7. В отрицательно-модальной, авторизационной и отрицательно-авторизационной модификациях (в двух последних причастия не отмечены) отрицание выступает как приставка МП:

*Текст **может быть нечитаемым**, но заголовок и изображение должны быть настоящими; Текст **может оказаться нечитаемым** по цвету; Насколько задача **может быть нерешаемой**, настолько же она может быть решаемой элементарно; Задача **оказалась нерешаемой**; Вторая задача **может оказаться нерешаемой**.*

8. И причастия, и МП системны в деепричастных оборотах и в КФ:

*Маленькая страна, **будучи уязвима** для некоторых видов санкций, обладает естественным оружием контрсанкций; Самолет, **будучи неуправляем** в полете, разбился*

и в тв. п.:

*Автомобиль, **будучи неуправляемым**, обычно съезжает с проезжей части; Будучи **растворимым** в воде, витамин С не накапливается в живых тканях до токсичного уровня.*

9. МП системно распространяются наречиями *легко, трудно, вполне, принципиально*, ЯЕ типа *в принципе* и т.п., а также обстоятельством причины: *Из-за отсутствия отступа, красной строки текст **трудно читаем**; Вам нужен **легко читаемый текст**; Эта задача **вполне решаема** для тора; Задача, **в принципе нерешаемая** в рамках этой*

¹⁰ Дж. Николс пробует найти объяснения выбора падежа и формы в случаях, когда возможны им. и тв. п. или КФ и тв. п. Пока представляется, что это случаи синонимии.

¹¹ Как специфическую для употребления именно ПФ прилагательного при связках модель этого типа выделяет Гиро-Вебер [Гиро-Вебер 1996: 74].

системы. При причастиях системны место, время, причина, инструмент: *Хочется, чтобы **читаемые в классе** произведения стали любимыми; Я оставляю пример, **решаемый на уроке, незавершенным**; Плод **этрога, покупаемый к празднику**, должен быть без повреждений; И за **то** поделом **был секом помелом**.*

10. Во многих МП употребим заимствованный (и уже поэтому вряд ли просторечный) суффикс **-бельн-**:

*Думаю, вполне **решабельная** задача; Единственный почти **нерешабельный** вопрос – когда; Курсивный шрифт, да еще жирный – практически **нечитабельный**; Был такой вполне **читабельный** рассказ; Возник ряд производных слов на базе русских глагольных основ (**решабельный, смотрибельный, промокабельный, рисовабельный, читабельный**) (Сологуб).*

Ср. медицинские термины: *Большой **операбелен**; **неоперабельная** опухоль мозга.*

11. В других языках МП и страд. причастия выражаются разными ЧР (см. таблицу).

Таблица

Соотношение формантов страдательных причастий настоящего времени и модальных прилагательных в русском, польском, немецком и английском языках

Форма	Язык			
	русский	польский	немецкий	английский
мод./прил.	(не)растворимый	(nie)ropuszczalny	(un)löslich	(in)soluble (dis)soluble
мод./прил.	(не)решимая задача	(nie)rozwiązalne zadanie	(un)lösbare Aufgabe	an (in)soluble problem/sum (арифметическая)
мод./прил.	с трудом читаемый текст	trudny do czytania tekst	kaum lesbarer Text	(an) illegible text
мод./прил.	абсолютно нечитаемый текст	niewożliwy do czytania tekst	total / absolut unlesbarer / unleserlicher Text	(a) totally / absolutely / completely illegible text
мод./прил.	совершенно непереводимый текст	Zupełnie nie przetłumaczalny tekst	total / absolut nicht übersetzbarer (unübersetzbarer) Text	(a) totally / absolutely / completely untranslatable text
причастие	растворяемый нами порошок	rozpuszczany przez nas proszek	durch / von uns aufzulösendes / zu lösendes Pulver	the powder being dissolved by us
причастие	решаемая нами задача	Rozwiązywane zadanie	durch / von uns zu lösende Aufgabe	the problem being solved by us
причастие	читаемый вслух текст	czytany głośno tekst	laut zu lesender (laut gelesener) Text	the text being read aloud
причастие	переводимый на уроке рассказ	tłumaczone w ciągu lekcji opowiadanie	im Unterricht zu übersetzende Erzählung	the story being translated at the lesson

Но мы не отрицаем и наличия зон пересечения между этими разрядами адъективов. Главное в сравнении причастий и прилагательных в рамках категории ПФ и КФ в том, что причастия в ПФ и КФ сохраняют свою семантику, выступая как одна из форм базового глагола: *читающий, читавший, читаемый / читаем* (кем), то есть так же, как не меняют лексическое значение, например, формы *читать* – *читаю, читал, буду читать*. А многие прилагательные в ПФ и КФ могут иметь разное лексическое значение: *она хорошая – она хороша́* (= красива); *он плохой* (плохой человек) – *больной плох* (состояние); *их поступки плохие – их дела пло́хи* (у них беда) и т.п. В модели РКИ это особенно важно.

Представим следующие аспекты: потенциал образования КФ; системность употребления КФ разных родов и чисел в сказуемом; условия дополнительной дистрибуции как фактор выбора ПФ/КФ.

7. ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАНИЯ КФ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Здесь важны два момента: 1) разряды прилагательных, образующих КФ; 2) причины возможности / невозможности образования КФ.

7.1. Разряды прилагательных, образующих краткую форму

Считается, что КФ есть только у качественных прилагательных, образующих формы степеней сравнения типа *высокий / выше – высок, высока, высоко, высоки*. Действительно, этот разряд прилагательных достаточно свободно, но не без исключений, образует КФ. Но кроме него системно образуют КФ:

– многие относительные прилагательные: Ср.:

Линия АВ перпендикулярна линии CD; Линии параллельны; Индивид, по Кьеркегору, самоценен и возвышен, но он же одинок и беспомощен в этом мире; Влюбленные обычно быстроноги; У меня мыслительные процессы скачкообразны; Знаменитая скульптура «Давид» работы Микеланджело имеет дефект. Давид косоглаз; Волки оседлы и живут семьями; Ворона перелётна.

Системно (см. выше) КФ образуют МП:

Машины пятого поколения обучаемы; Шестиногий робот несгораем; Ангар быстровозводим; Важнейшие области мозга млекопитающих восстанавлимы; Ей сказали, что она оперируема; Некоторые виды эмоций практически неуправляемы, некоторые – управляемы любым ребенком; Если нефть возобновляема, то она бесконечна?; Достижимо ли физическое бессмертие?

– всегда в КФ в позиции сказуемого выступают строевые слова – экспликаторы в описательных предикатах (коллокатах у Ю.Д. Апресяна), образуемых от прилагательных, и в некоторых других конструкциях: *Присущ ли женщине азарт?* См. ниже модель (2.1).

– притяжательные прилагательные употребляются (наряду с полными типа *отцовский*), как правило, от имен родственников и имен собственных, в том числе и в позиции определения. Этот разряд, благодаря своей семантике, изначально относился к определенным, почему и сохранил в некоторых падежах КФ:

Снова мамин голос слышу; Мамино слово как песни капели; А мамыны глаза; Мамина кухня; Да я без мамина голоса и два дня не выдержу; Есть ли необходимость отлучить мою дочку от мамыны груди?; Блины по мамину рецепту; Про мамину радость; В мамине животике растет детёныш; Зять – дочернин муж, сестрин муж, золовкин муж; Отцов дом цел; Прихожу, а он на порожах сидит у отцова дома; И я пришла, как блудный сын к отцову дому; Прямо в отцов дом вернулся; Ребеночка одевали в отцову рубашку; У меня рядом с отцовым домом живёт бабулька; Катеринины же думы об отцове работнике Семене; А глаза-то братовы!; Озадачил мой приезд ужасно братову жену; А одна девочка из братовых друзей оказалась девочкой Машей; Потом электруха ушла поиграть к братовым друзьям; Братнин дом; Братнины штаны; Как сиротеть без чудниц дому братнину?; Взял

охапку снопов из своей доли и отнес на братнину половину; Мужу сестрину – вино; Саша потерял сестрину ручку; Санька прячет в сундук тёткины вещи; Илона подняла тёткину сумку; Из тёткина сундука...; Несколько месяцев назад жена Мишина друга погибла; Серега берет в руки Мишину книгу.

Ср. частотные:

Из раздумий меня вытащил Дяди Мишин голос; Тети-Машина дочка, видно, умела шить; Хоть ей давно минуло девяносто, судачили соседки у крыльца: – Крепка еще, и доживёт и до ста. Не видно бабы Дунина конца.

В грамматике они как КФ не рассматриваются. Однако в косвенных падежах в норме кроме КФ системны реализации и ПФ:

Простые рецепты маминей тетрадки; Из теткиной сумки; Вдобавок к теткинному совету; Иванушка-дурачок и говорит братниным жёнам; Всякое утро утирать лицо братниным платком; Вдруг издалека кто-то дяди Мишиным голосом ответил; Переночевать мы решили в дедушкином доме.

В спонтанной и детской речи системна реализация j-формы:

** Маминая тушеная капуста; Андрей у меня придумал «*Асиняя», «*маминая», «*папиная»; Помню сумочку, *маминую; Согласился помочь, полез в *маминую сумку; У малыша *папиная моторика; Ищем *папиную тётю; *Папиные дочки; Гоша: «И вообще, ты *дядина *Вовиня!»; Данное полотно переключается с полотном «*Бабушкиный сад»; Это *дедушкиный ноутбук.*

Как видим, КФ работают в рамках всех трех разрядов прилагательных. Но в притяжательных это, очевидно, собственно прототипические краткие формы.

7.2. Образование полной / краткой форм прилагательных

В настоящее время именно от ПФ образуется КФ, а не наоборот. В норме считается, что КФ можно образовать далеко не от всех ПФ: например, не образуют КФ *коричневый, голубой* и т.п. Но такие образования есть, см.: *Увижу, что глаза твои коричневые опять; Стали дали голубы*. См. также: *Этот мотоцикл железен; Поля стеклянны, межи деревянны* (загадка – окно и рамы); *Мы молоды, злы, деревянны; Щётки стеклоочистителя автомобильны для Шевроле Каптивы; Техника международна; Как слог хирургичен, как изобличителен тон!*

Возможна позиция определения: *На том же древе сидит железен муж; Фотоальбом «Апельсинова свадьба, июль 2011»; Деревян дом; Серилал «Голубы дали»; Голубы короткие шорты с рюшами.*

Не все из этих примеров нам нравятся. Но, во-первых, здесь есть народная загадка, во-вторых, судя по стилю и лексике, практически все примеры – это не неграмотная речь. А то, что эти формы есть, уже говорит об их системности. Именно это нам важно увидеть и показать. В-третьих, ненормативные употребления в последних четырех примерах в позиции определения как раз очень интересны: пусть это неправильно с точки зрения современной нормы, но что мы можем сказать о будущем? Мы должны знать, что есть в нашей речи. И думать над этим.

Но и при нормативности КФ она может иметь ограниченное употребление. Так, при наличии КФ для прилагательных *жаркий, холодный, трудный* отмечены словоформы м. и ж. рода и мн. ч.: *День был жарок, воздух сух; Ах, как ночь была жарка; Дни были жарки, ночи холодны*. Форм ср. р. найти не удалось из-за омоморфизма этих КФ и наречий [Гиро-Вебер 1996: 73], ср.: *жаркое – жарко*. См. единичное: *Утро было холодно, но погожее*.

Ряд прилагательных в норме сохранили КФ: *рад, прав, виноват, согласен, намерен, готов, должен* – во всех родах и числах. Хотя в просторечии есть ПФ: *Я сильно радый; Мы радые предложит вам: талреп оцинкованный, талреп грузовой; Я такая радая!; Тиффа, радое дитя!; Так что мы обе правые получаемся, и я согласная насчет плюшек – не годятся; Да не виноватый я!*

Ненормативность, думается, показатель вторичности.

Если для причастий можно представить общие для всего класса алгоритмы функционирования ПФ и КФ независимо от их лексического значения, то с прилагательными дело обстоит гораздо сложнее. Права М. Гиро-Вебер, что «в выборе формы прилагательного играют роль и морфология, и лексика, и синтаксис» [Гиро-Вебер 1996: 66]. Однако материал грамматик не всегда адекватен действительности. Так, вслед за Н.Ю. Шведовой автор отмечает невозможность образования КФ с приставками *раз-* и *пре-* типа *развесёлый, предобрый*. Но они системны:

*<...> его башку подведем мы под топор, будь он трижды **расхитёр**; **Раскрасива** и умна и внимательна она; И всем был он хорош-**расхорош**: белый, светлый, пушистый; Играла степь, хороша-**прехороша**; Очи мои, смотрите <...> на Того, Кто **Предобр** и **Пренежен!**; Но много **премудр** серебролюбец Лаван, И жалость ему незнакома (А. Ахматова); Мой словарный запас **преогромен**; Ах, ах! <...> до чего **пресладок** глас твой (В. Шишков); Вы тоже очень симпатичны – *Добры, милы и **преотличны!****

Говоря далее о прилагательных, будем помнить, что во многих моделях системны и причастия, в первую очередь, страдательные прош. вр. Дж. Николс описывает функционирование согласованных и несогласованных, а также КФ и тех и других как «прилагательных». Далее говорится о ЧР прилагательных, поскольку мы рассматриваем и случаи, неактуальные для причастий (например, различия в семантике ПФ и КФ).

8. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Материал показал, что можно выделить три типа моделей с прилагательными, когда выступают: 1) только ПФ, 2) только КФ, 3) возможны обе формы, но в зависимости от типа высказывания и от конкретного лексического значения прилагательного в той или иной форме предпочитается либо КФ, либо ПФ. Представим систему оппозиций.

Структуры с прилагательными в позиции сказуемого дают первую оппозицию на основе разделения «возможность употребления только одной или обеих форм»: (1) «Модели, допускающие одну из форм» vs. (2) «Модели, допускающие обе формы». Подмножество (1) дает оппозицию на основе разделения «тип включаемой формы»: (1.1) «ПФ» vs. (1.2) «КФ». Подмножество КФ (1.2) дает оппозицию по признаку «наличие / отсутствие распространителя»: (1.2.1) «КФ с распространителем» vs. (1.2.2) «КФ без распространителя». Подмножество (2) дает оппозицию по основанию разделения «Определяющий фактор»: (2.1) «Регистр текста» vs. (2.2) «Различия в значениях ПФ и КФ». Соответственно, видим в (2.1) оппозицию двух регистров текста: (2.1.1) «Информативный» vs. (2.1.2) «Генеративный». Подмножество (2.1.1) представлено оппозицией типов высказывания: (2.1.1.1) «Высказывание-сообщение» vs. (2.1.1.2) «Высказывание-оценка». В (2.1.2) оппозиция: «Суждение о единичном» vs. «Обобщение о классе объектов» (2.1.2.2). См. схему.

Схема. Дендрограмма оппозиций моделей предложения с ПФ и КФ прилагательных

Выделено 44 модели. Вероятно, список не полон, и сам принцип категоризации может и должен быть в чем-то переосмыслен. Это задача, которую предстоит решить. Представим ниже материал по моделям (М-).

Примечание. Гиро-Вебер [Гиро-Вебер 1996] категоризирует употребление ПФ и КФ бисинхронным методом Поля Гарда [Garde 1988], выделяя две модели – **А** (ПФ) и **В** (КФ). Мы тоже выбрали дихотомию, но дихотомию многоуровневую. Этот метод математической логики, впервые примененный в лингвистике Н.С. Трубецким в его «Фонологии» [Трубецкий 1960] и позже для нужд синтаксиса разработанный Т.П. Ломтевым [Ломтев 1972], позволяет в единой системе учесть все признаки разных рангов [Маркус 1963]. В основе разделения на типовые содержательные структуры лежат лексические группы прилагательных, типы и формы распространителей. Но внутри подмножеств возможен ряд неопозитивных группировок, выделенных по другим основаниям. С этим явлением мы встретились ранее при описании категорий именной каузативности [Котвицкая 1990; Лебедева 2005; Всеволодова, Ященко 2012] и именной локативности [Всеволодова, Владимирский 2009], где выявились разные типовые ситуации.

9. ПОЛНЫЕ И КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЗИЦИИ СКАЗУЕМОГО

9.1. Конструктивно обусловленное употребление полной формы¹²

Здесь мы выделяем пять нормативных моделей с адъективом-сказуемым и одну с определением, что важно для славян, часто употребляющих в этой модели КФ.

М-1. В предикатной функции [Арутюнова 1976] при родовом слове [Николаева 2004; Всеволодова 2012]:

Москва – город большо¹й¹³; Иван – человек ум¹ный; Физика – наука сло¹жная; Переводить стихи – тру¹дное дело; Это – обы¹чное явление; Ветры здесь – явление обы¹чное; Хоро¹ший человек твой отец; Ум¹ная она женщина.

О порядке компонентов в словосочетании и акцентуации см. в указанных работах. И при классификаторе [Вольф 1982]: *Гнев – чувство опасное; Депрессия – состояние неприятное.* Семантически главным здесь выступает адъектив, а существительное – строевое слово и может быть опущено. Но без него это уже модель подмножества 2: *Москва большая / велика; Иван умный / умён; но: Гнев опасен; Депрессия неприятна.* Возможность ПФ нужно выяснить.

М-2. В нормативной речи – в составной форме суперлятива (со словом *самый*):

Ялта самая красивая; Какой язык самый трудный в изучении, а какой самый лёгкий?; Знаете, что есть самое важное для нас в нашей жизни?; Какие животные в мире самые мелкие?

Гиро-Вебер указывает на невозможность случаев типа **Она – самая терпелива* [Гиро-Вебер 1996: 69]. Но в речи такие случаи есть, в том числе и как определение:

*Все известные миллионеры писали, что первый миллион самый *труден; Она там самая *красива; Ленка ее верная и самая *терпелива подруга; Какой самый *красив город в Литве?; Телец – самый *упрям знак Зодиака?*

В учебниках этого не должно быть, но лингвисты об этом знать должны! Все эти употребления не нормативны и суть некодифицированные модификации ПФ.

М-3. При глаголах передвижения или состояния:

Дети вернулись совсем больные / совсем больными; Ребёнок родился здоровый / здоровым; Маша выросла похожей на мать; Приборы лежат мокрые; Дети никогда не лежали мокрыми.

¹² Большинство примеров взято из практического пособия [Всеволодова, Спиридонова 1968], но также и из Интернета.

¹³ Цифрами в слове мы указываем тип интонационной конструкции по концепции Е.А. Брызгуновой: ИК-1, ИК-2 и т. д. В случае переноса ремы в инициальную позицию и некоторых других выступает ИК-1 смысловое (п/ж) [Бухарин 1986].

КФ, наряду с ПФ, встречается в устойчивых сочетаниях *жив и здоров, цел и невредим, ни жив ни мёртв*:

Мама вернулась жива и здорова; Я рад, что вы все вернулись, живы и здоровы; Он сидит цел и невредим; Олеся возвращается цела и невредима; Солдат сидит ни жив, ни мёртв: что-то будет!; Братья стоят ни живы́, ни мертвы́.

См. более редкую в таких сочетаниях ПФ: Альберто Гордони *целый и невредимый* появился в том же самом месте; А потом приехал генерал и сказал на смотре: «Поздравляю с началом учений! Главное – вернитесь *живые и здоровые!*» Но ср.: В селе нашем Солёном *стоит высока и стройна, Да, это наша церковь; Больно велика отросла борода.* Гиро-Вебер считает глагол окказиональной связкой [Там же: 74]. В нашей модели это копредикат – два сказуемых. Дж. Николс рассматривает эти сочетания вместе с примерами типа *Его привели пьяного* [Николс 1985: 355].

М-4. В позиции предиката при сравнении с *как, точно, будто, словно*: *Она на рисунке как живая; Ты плачешь точно маленькая; Он будто больной; Платье после этой стирки словно новое.*

М-5. Гиро-Вебер выделяет модель с «типическими» связками, такими как *являться, становиться, оказаться* и т.п., требующими ПФ в тв. п. Но в норме тв. п. необходим только при связке *являться*: *Эта проблема является очень важной и актуальной.* Другие допускают и КФ: *Но что говорить, делать, если близкий человек вдруг оказался тяжело болен?* Как отмечено выше, ПФ обязательна только при связке *являться*.

М-6. При глаголах *есть, имеется* (логический бытийный тип [Арутюнова 1976]). ПФ выступает (как мы упредили выше) в функции определения: *У него есть интересные идеи* (ср.: *У него интересны идеи, а результаты так себе*); *В нашей реке есть глубокие места; В этих плодах имеются ценные минеральные соли и витамины.* Здесь можно добавить, что предложения со связкой *есть* означают, что не все объекты характеризуются названным признаком, *есть* и другие; а предложения с нулевой связкой характеризуют все объекты, ср.: *В нашем городе есть узкие улицы* (= *есть* и широкие) и *В нашем городе узкие улицы* (= *все*).

9.2. Конструктивно-обусловленное употребление краткой формы

9.2.1. КФ с распространителем – словом, словосочетанием, придаточным предложением

М-7. Распространитель – придаточное или вторая часть бессоюзного предложения со значением обусловленности. Адъективы: *виноват, взволнован, горд, доволен, достаточен, заинтересован, изумлён, интересен, рад, расстроен, счастлив, убеждён, уверен, удивлён*:

Виноват, что опоздал; Сам виноват – опоздал и не успел что-то сделать; Мы горды, что наши ребята победили; «Мы свободны, мы горды – мы наемники!»; Все уверены: ты справишься; Это количество воды достаточно, чтобы полить цветы.

См. местоименно-соотносительный вариант:

Отец заинтересован в том, чтобы сын поступил в университет; Работа интересна тем, что в ней впервые применён такой метод; Мы уверены в том, что Кадра выйдет из группы на чемпионате Европы; Такое количество достаточно для того, чтобы изучить процесс рождения Вселенной.

М-8. Распространитель – V_{inf} . Адъективы – модальные слова, в том числе с отрицанием: *бессилен, волен, вынужден, готов, должен, достоин, намерен, обязан, свободен, склонен, согласен, способен*, показатели эмоционального состояния: *горд, рад, счастлив*:

Я бессилён помочь ему; Вольны быть вместе; Он достоин получить звание лауреата; Я не готов обсуждать эту тему; Мы согласны помочь вам; Я свободна выбрать, что мне

думать; Новички склонны верить в это; Ветер способен решить энергетические проблемы Земли; Я горд помогать людям; Я рад быть членом команды и счастлив продолжать работать с детьми.

М-9. Распространитель – как кто, что (обусловленность). Прилагательные: *дорог, знаменит, интересен, любопытен, примечателен*: *Он известен как исполнитель народных песен; Эта книга дорога мне как память о друге; Этот город интересен как древняя столица государства.* В вопросе распространитель: **Чем интересен этот город?; Чем примечательна была поездка?; Чем дорог обществу этот писатель?; Чем он известен?**

М-10. Распространитель – названия действий.

1) *в чём.* Адъективы: *горяч, (не)осторожен, привередлив, разборчив*: **Неосторожен в знакомствах, горяч в работе, непривередлив в еде.**

2) *на что.* Адъективы: *способен, готов*: **Он способен на подвиг; Я готова на любые жертвы.**

М-11. Распространитель – $N_{тв}$ со значением признака самого субъекта или предмета, принадлежащего субъекту и конкретизирующего признак, названный адъективом в том числе с отрицанием: *беден, богат, болен, замечателен, известен, интересен, опасен, похож, примечателен, силен, слаб, удобен, характерен, хорош*:

Страна богата нефтью; Сестра больна ангиной¹⁴; Наш край известен песнями; Он слаб здоровьем; Грипп опасен осложнениями; Этот хлеб богат витаминами В и Е; Высокогорный пояс беден растительностью; Его речь бедна мыслями и словами; Этот период обилён источниками и материалами.

М-12. Распространитель – названия:

1) параметров [Судзуки 2008] (высота, габариты, длина, плотность, протяженность, размер и т.п.) – **по чему**:

Словарь невелик по формату; Котёл достаточен по мощности; Антропоиды различны по размерам; Клинкер уникален по плотности; Гарда невелика по габаритам; Участок невелик по площади; Почему штормовые волны столь различны по высоте?; Эти улицы одинаковы по длине; Такие микрокатоды соразмерны по площади с субпикселями.

2) параметров и характеристик при словах *стар, молод, высок, низок, крепок, слаб, силен* – **чем**:

Кто крепок и силен умом и духом, тот над людьми и властелин!; Почти все аланы высоки ростом и красивы, они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей; Молод годами, да стар умом; Этот отель очень невелик размерами; Он был слаб ногами, но не умом; Суворов был невысок ростом, узкоплеч, тщедушен.

3) категориальных признаков (архитектура, вкусы, жанр, знак, композиция, мировоззрение, направленность, окраска, рисунок, привычки, состав, спектр, строение, структура, убеждения, фасон, форма, цвет и др.) – **по чему**:

Заряды противоположны по знаку; Рассказ оригинален по сюжету; Дед старомоден по своим привычкам; Памятник интересен по композиции; Декоративный камень уникален по рисунку и оттенку; Сооружения храма необычны по архитектуре и конструктивному исполнению.

М-13. Распространитель – названия действий и состояний: *воздействие, жизнь, здоровье, исполнение, решение, объяснение, обработка* и др. – в форме **для чего**: *Теорема трудна для понимания; Сумма достаточна для покупки машины; Ваши замечания важны для доработки проекта; Климат здесь благоприятен для земледелия.*

¹⁴ В неславянских языках есть либо глагол *болеть* (в кит.), либо прилагательное *больной* (англ. *ill*, нем. *krank*), не вводящие название болезни. Оно вводится глаголами типа *иметь, получать*.

М-14. Распространитель – названия лиц, зоонимов, веществ, предметов, явлений в форме **для кого-чего**. Прилагательные: *безвреден, безопасен, бесполезен, благоприятен, важен, вреден, губителен, достаточен, доступен, обязателен, опасен, полезен, удобен* и др.:

Новое лекарство безопасно для людей; Эти лучи губительны для всего живого; Влажность в помещении достаточна для растений; Пребывание здесь небезопасно для детей; Этот пластик прозрачен для ультрафиолетовых лучей; Для нового вируса доступна почти вся «паутина»; Для вашего ребёнка обязательны занятия спортом.

М-15. Распространитель – названия объекта отношения или действия в форме **кому-чему**. Прилагательные: *близок, безразличен, внимателен, готов, инертен, равнодушен, склонен, способен, чувствителен*:

Глаз человека чувствителен к жёлтому цвету; Андрей неравнодушен к музыке; Хозяйка была к нам очень внимательна; Я не способна к математике; Мы готовы к обсуждению проблемы; Учёные близки к объяснению этого явления; Иван склонен к возобновлению опытов.

М-16. Распространитель – названия реянта в форме **с кем-чем**. Прилагательные: *близок, вежлив, груб, дружен, знаком, любезен, приветлив, согласен*:

С удачей в делах чтоб ты был дружен; Как один не знаком со всеми, так и все не знакомы с одним; Бывает, я груба с тобой; Вашингтон не согласен с предложением России по ПРО; Лишь 1 из 200 школьников в Израиле знаком с теорией Дарвина.

М-17. Падежная форма имени обусловлена валентностью прилагательного:

1) **полон, достоин** чего: *Ваша корзина полна подарков; Борозды полны воды; На мой взгляд, Софья, безусловно, достойна любви Чацкого; Достойны ли мы отцов и дедов?*

2) **рад, верен, знаком, известен, вёдом, близок** кому-чему: *Бесконечно рада поездке по садам Китая; Верны традициям Университета; Основная цель рекламы известна каждому; Боги очень близки людям; Нам ведомы тайны Абсолютного.*

3) **спокоен** за кого-что: *Я спокоен за будущее своих детей. Теперь я спокойна за нашу планету.* (Ср. глагол – антоним этого прилагательного: *Я волнуюсь за сына.*)

4) **счастлив, горд, доволен** чем: *Мы горды достижениями наших учителей и учеников; Я счастлив приездом сюда (К. Бальмонт); Анна довольна своими детьми.*

5) **(не) виноват, (не) повинен, (не) прав, (не) уверен** в чём: *Виноват в аварии водитель машины; Человек и его деятельность вовсе не повинны в угасании рода карпозубиков; Мы не уверены в верности союзников; Во многом этот человек прав.* См. без распространителей: *Правы, не правы рэперы крутые, где вы?; Мама всё равно права; «Кто прав, кто виноват» качай и слушай у нас бесплатно.*

М-18. Прилагательные: *бездоказателен, безошибочен, важен, верен, выгоден, доказателен, интересен, ошибочен, правилен, приемлем, слаб, сложен, труден, существен, тривиален* и т.п. Распространители называют сферу проявления признака. Это наречия на **-ски** типа *фактически, исторически, экономически* или на **-но** типа *организационно, позиционно, научно*:

Программа теоретически безупречна; «Комплекс» ошибочен тактически; Замеры фактически безошибочны; Город исторически важен для региона; Использование атомных электростанций очень выгодно экономически; Всегда ли язык математически точен?; Модели в книге синтаксически правильны; Отель практически безупречен; Принципы его организации были педагогически верны; Психологически здоров тот, кто в ста похожих ситуациях, действует каждый раз по-разному; Американский взгляд на эту проблему, по меньшей мере, научно неверен и политически некорректен; Такой код позиционно независим и действительно перемещаем; Вариант технически и организационно возможен.

Список наречий здесь не является исчерпывающим.

М-19. Адъективы – реляторы, выражающие отношения в пространстве: *параллелен, перпендикулярен*; во времени: *одновременен, современен, разновременен* [Дулина 2010];

отношение к одному / разным классам: *аналогичен, подобен, (не)родствен / родственен*; взаимозависимость, равенство / неравенство: *пропорционален, (не)равен, равновелик*.

1) Отношение одного объекта – $N_{им}$ к другому – $N_{дат}$:

Рюш не параллелен окружности; Вечность, в которой я современен Сократу и Христу; Считается, что оценка должна быть пропорциональна усилиям; Боковая поверхность равновелика сумме оснований.

2) Взаимоотношение объектов – $N_{мн.ч.}$:

Наши шестиугольники равновелики; Изменения, происходившие в период Возрождения в цивилизации и культуре Европы, – заметны, важны, и, в то же время, противоречивы, неоднородны, разновременны; Пусть, например, элементы первой и второй строк определителя пропорциональны.

М-20. Конверсные конструкции с перцептором (субъектом восприятия) в дат. п.:

Ему не страшно ни высота, ни стужа (= он не боится); Детям понятен смысл поговорки (= дети понимают); Правда может быть людям неприятна (= Люди испытывают неприятные чувства); Пришельцы с севера знают снег, холода, им знакомы береза, ясень, бук, им знакомы волки, медведи, знакома лошадь.

М-21. Экспликаторы в описательных предикатах-2, где компоненты дескрипции формируют подлежащно-сказуемую пару [Всеволодова, Кузьменкова 2003; Всеволодова 2012]: Это слова *свойствен, свойственен, присуц*, отрицательный модификатор *чужд* кому-чему, *типичен, характерен для* кого-чего:

Оле свойственна скромность ◀ Оля скромная; Страх свойствен только трусам; А не свойственен некоторый инфантилизм мышления; Планирование присуце всем сферам деятельности банка; Присуц Любаше и сарказм; Грех, который вам/для вас больше всего характерен: зависть; И я поэзии не чужд; А чужд ли Украине русский язык?

Слово *чужд* свободно образует конверсивы:

Ему чужда англомания; Он чужд мелочности; Боязнь – ему чужда; Он чужд боязни; Паника типична для толпы; Для Подмосковья типичны смешанные леса ◀ В Подмосковье много смешанных лесов; Для Германии и Дании характерен широкий охват социальной сферы государством; Для прибора характерна стабильная работа.

М-22. Условия проявления признака:

Особенно полезна при гипертонии нежирная морская рыба; Шустёр в воздухе, а на земле беспомощен; В морозный солнечный день лес особенно красив; В этом платье она очень привлекательна; Без хозяйки квартира неуютна.

9.2.2. Прилагательные без распространителя

Вернее было бы сказать, что в данных моделях КФ выступают и в отсутствие распространителя, в принципе здесь возможного.

М-23. При подлежащих – местоимениях типа *это, то, одно, другое, что, вот что*, *всё* и адъективах типа *первое, второе, последнее, остальное*:

Диагноз подтвердился, и это важно; Несомненно одно: он эту встречу выиграл; Интересно другое: поедет или не поедет мы на экскурсию; То, что вы рассказываете, очень серьёзно; Работа начинается; Всё остальное несущественно.

Ср. примеры с распространителем: *Это интересно в другом плане; Всё остальное для работы несущественно*. КФ системна и при *был, будет*: *Все остальное было несущественно; Теперь интересно было бы другое – если бы Аксёнов оказался истинным провидцем; А вот что будет правильно – понятия не имею*. И при авторизационных связках: *Это считается красиво или просто дань моде?* Но эти же прилагательные при акцентированном подлежащем способны выступать в ПФ, ср.: *Это всё мы уже знаем. Одно¹ новое. А именно... . Здесь всё¹ трудное*. Гиро-Вебер относит к этому

разряду, во-первых, только предложения с нулевой связкой [Гиро-Вебер 1996: 77], но, как видим, здесь возможны *был* и др. Во-вторых, – инфинитивные предложения типа *продолжать обучение во время войны (...) было бы неправильно* – на той основе, что V_{inf} здесь традиционно считается подлежащим. Не обсуждая вопрос о позиции V_{inf} , напомним: другие славянские языки показывают, что здесь наречие, а не адъектив, ср. польск. *Czytanie było trudne – Czytać było trudno*. Наконец, сюда же отнесены предложения с девербативами типа *Решение союза драться за сохранение прежних прав неудивительно* [Там же: 72]. Но ср.: *Изначально решение задачи неправильное; Седьмой пуск – частично успешный: один боевой блок не найден*. А КФ системна и при *был, будет, был бы*:

Действия были правильны; Учебный процесс должен идти от интересов ребёнка – тогда учёба будет успешна; Вариации на тему октопуса были бы результативны.

М-24. При определении к подлежащему, выраженном местоимениями *такой, всякий, каждый, любой*; прилагательными *аналогичный, подобный, похожий*; сочетаниями *такого типа, такого рода*:

Такое объяснение само по себе не ново; Как правило, подобные задачи довольно просты; Такого рода случаи, к сожалению, достаточно частотны; Такого рода люди смелы и находчивы; Такие события редки и непредсказуемы; Такое решение будет оптимально и очень выгодно; Подобные задачи были бы трудны и сейчас.

Но возможна и ПФ: *Такое упражнение не только увлекательное, но и развивает фонематический слух ребенка; Подобные случаи были необычайно мощными и убедительными.*

М-25. МП: *Это множество исчислимо; Задача нерешима; Животворные силы природы неиссякаемы; Дорога туда непроходима*. То же при связке: *Результаты голосования для многих были непредсказуемы*. МП со значением оценки выступают здесь также и в ПФ, ср.: *Дорога туда труднопроходимая, и я не пытался преодолеть её*. ПФ – при обозначении класса, сорта, разряда, к которому относится субъект: *Кофе в пакете растворимый; Кисели быстрорастворимые, на фруктозе; Корпус у машины оттекаемый*.

М-26. Отпричастные прилагательные¹⁵ с названием лица при выражении состояния:

Он не раз пытался убедить себя, что влюблён (А. Чаковский) ◀ влюбился; Мы восхищены ◀ восхищаемся; Зрители были растроганы; Я был тронут; Мама огорчена; Решу ли я эту задачу? Я не уверен; Все были шокированы; Чиновники коррумпированы; Он женат; Они разведены.

См. ПФ: *Лишний килограмм, наеденный за праздник* – страд. причастие; *В это время байбак сытый, наеденный* и *довольно жирный* – отпричастное прилагательное.

М-27. В препозиции к подлежащему с определением любого типа:

Тиха украинская ночь (Пушкин); Чист и прозрачен свежий воздух; Мы очень мало знаем о ритме, ещё не ясна общая природа ритма¹⁶; Прекрасно стремление к познанию; Интересна работа по определению возбудителей ряда заболеваний.

¹⁵ В польском языке такие формы как *wypoczęty* (отдохнувший, букв. ‘отдохнутый’), *umówiony* (‘договорённый’ – договорившийся, условившийся), *najedzony* (‘наеденный’ – сытый, наевшийся), образованные и от непереходных глаголов по модели страд. причастий (специальной формы в польском нет) польской грамматикой относятся к причастиям.

¹⁶ Мы не знаем, какие модели возможны в отсутствие в норме КФ, например, *жаркий, голубой*. Возможно, это модель типа: *Южное лето жаркое; Июньское небо голубое*. О наличии их КФ в речи см. выше. ЯЕ типа *июньское небо, весенняя Москва* во многих языках (в английском, иранских) не образуются. Им соответствуют *небо в июне, Москва весной*. То же для ЯЕ типа *московская весна, южное лето* – *весна в Москве, лето на юге*.

Употребление ПФ превращает эти предложения в назывные: *Тихая украинская ночь*; *Чистый и прозрачный свежий воздух*.

В роли определения может быть придаточное предложение и причастный оборот:

Счастливы человек, у которого так сложилась судьба (= счастливый, ср. при прямом порядке слов: *Человек, у которого так сложилась судьба, счастливый*; см. М-41); *Нелен спор о том, что «выше» – Джотто или Тициан* (И. Эренбург); *Интересны станки, на которых обрабатываются эти детали*; *Прочна любовь, прошедшая такие испытания*.

При прямом порядке слов возможны обе формы:

Любовь, прошедшая такие испытания, прочна/прочная; *Спор о том, что «выше» – Джотто или Тициан, – нелен/нелепый*; *Украинская ночь тиха/тихая* = Украинские ночи тихи/тихие.

М-28. Прилагательные *близкий, видный, далёкий, редкий, слышный, частый, хороший*, коррелирующие с наречием: *Дом уже близок* (= Дом уже близко); *Дожди здесь редки* (= идут редко); *Здесь часты землетрясения* (= бывают часто); *Станция ещё видна* (= Станцию еще видно); *Голоса уже не слышны* (= Голосов уже не слышно).

М-29. В придаточном определительном с *который, чей*:

Это условие, выполнение которого обязательно; *Так, в двух строках Багрицкий сказал о поэтах, чьи судьбы очень различны*; *Гессен показывает поэта зрелым, чей ум был дерзок, смел и могуч*; *Мало есть людей, которые были бы всегда достойны называться людьми*.

Ср. с распространителем: *Мы пришли к тебе за помощью в делах, которые ведомы богам, – ответил сероглазый дворянин*. При был, будет возможен тв. п.:

чей ум был дерзким, смелым и могучим; *После выполнения задания (инструкции которого были четкими и понятными), сразу же получил оплату*; *Следует произвести декомпозицию модели на несколько уровней детализации, представление каждого из которых будет ясным и удобочитаемым*.

М-30. В уступительном с *как ни*: *Метеор, как ни мал, весит несколько тонн*; *Как ни труден путь – следуй ему*; *Как ни голодны были волки, они убежали, поджав хвосты*.

М-31. В форме императива при связке *будь, будьте и будем*. Гиро-Вебер выделяет здесь формулу вежливости типа *будьте добры, будьте любезны*, лозунга *будь готов* и стереотипного пожелания *будь здоров, будь счастлив*, относя их к «устойчивым выражениям» [Гиро-Вебер 1996: 70]. Дж. Николс выделяет их, как зависимые от наклона глагола [Николс 1985: 365]. Но эту форму можно рассматривать и как наклонение самого прилагательного, поскольку в форме императива стоит связка, а не полнозначительный глагол¹⁷. Это одна из его синтаксем, и употребление адъектива здесь много шире, ср.:

Как говорится, будь уверен – в руках твоих все возможности!; *Будь внимателен к другим – они отражают тебя*; *Будь аккуратен на спусках и подъемах*; *Будьте прилежны и трудолюбивы, слушайте родителей и учителей*; *Будьте тактичны, но не мягки*.

И в мы-форме: *Приветствуем вас на страницах интернет-журнала «Будем здоровы!»*; *Будем осторожны!* Также – старославянский императив с *да*: *Не жалея, да не жалеема будешь*; *Не судите, да не судимы будете*; *Да будут памятью хранимы*; *Да будем уверены, что творим во имя Твое, Всевышний Единый!*

¹⁷ Как известно, в языках мира прилагательные относятся либо к именным, либо к глагольным формам, как, например, в корейском языке: корейцы воспринимают глагол и прилагательное как выразители признаков субъекта. Очевидно, эти классификации имеют зоны пересечения. Наличие для прилагательных деепричастных реализаций и модального класса в русском языке свидетельствует о правомерности такого подхода. Но ведь и формы русского глагола – причастия, о которых идет речь в данной статье, относятся у нас к категориальному классу склоняемых и согласуемых форм – к именам. Если глагольные формы могут иметь именную реализацию, то и прилагательные могут иметь глагольные реализации, в частности, императив.

Эта модель – зона пересечения со следующим разрядом, поскольку ПФ здесь тоже возможна, и не только в тв. п., как отмечает Дж. Николс [Там же: 366], но и в им. п.:

Будь веселый всегда, не грусти никогда; Будь спокойная и невозмутимая как самурай, и всё в твоей жизни будет хорошо; Ну, будьте хорошенькие, будьте ласковые (К. Булычев); *Будь добрым, не злись, обладай терпением; Будьте добрыми и человечными.*

Это также зона пересечения регистров, где возможен информативно-логический: **Будьте спокойны. И кризис скорее закончится** = Если будете спокойны,...; и волютивный (по Золотовой) регистр – побуждение: **Будь добр, покажи в России дороги.**

9.3. Структуры, допускающие употребление кратких и полных прилагательных

9.3.1. Подмножество (2.1). Сохранение в КФ значения ПФ

(2.1.1) Информативный регистр предложения. В сообщении и в оценке могут выступать одни и те же прилагательные. Различие – в типе дискурса. В сообщении даются новые для адресата сведения. В оценке – реакция на действительность или ответ на вопрос.

М-32. (2.1.1.1) Высказывание-сообщение о референтном субъекте / классе субъектов. Употребительны обе формы:

Книга интересная – Книга интересна; Задача сложная – Задача сложна; Оля красивая – Оля красива; Это растение засухоустойчивое – Это растение засухоустойчиво; Петербург действительно такой чистый и такой красивый, как о нём рассказывают? – Да, Петербург действительно прекрасен и действительно чист; А зарплата у нас одинаковая. – А зарплата у нас одинакова.

Это относится и к предложениям с авторизационными связками, где возможны все три формы:

Она казалась красива, мила и скромна; Автору она казалась красивой; А сколько надо выпить, чтобы баба-яга показалась красивой?; Вот ухоженная девушка считается красивой?; А неряшливая красавица тоже красивая считается?; Произведения Ф.И. Тютчева и А.А. Фета долгое время считались трудны для восприятия подростками и не включались в школьную программу; Я пришел в этот Мир, и этот Мир показался мне гадок; После этого фильтр считается готов; И тем, кого заставляют идти, сам путь кажется труден, тернист и горек; Бывает, что у любимого платья становится узок воротник.

См. вводное слово: Долгое время Дубовской был известен как автор картины «Притихло», которая, считается, похожа на картину Левитана «Над вечным покоем».

Возможны усилительные местоимения: *такой, какой* при ПФ и *так, как* при КФ, часто выносимые в фокус ремы в инициальной позиции¹⁸: **Тако¹й** этот город **большой!**; Ну **така¹**я она **показалась красивая**; **Так трудна¹** казалась **поначалу задача!**; **Та¹к** она **показалась ему красива!** В работе одного из польских коллег когда-то был дан алгоритм: при начальном *такой* – ПФ, при *так* – КФ. Но алгоритм здесь обратный. Самое интересное, что в ряде наших пособий для иностранцев тоже дается такое указание.

Возможны распространители – именные группы-дескриптивы: *в каком отношении, с какой точки зрения*; ср. КФ:

Попытки такого выделения в научном отношении несостоятельны; Строительство завода здесь невыгодно в экономическом отношении; В педагогическом отношении гораздо более ценен психологический эффект делового успеха; Ваша позиция бессмысленна или ошибочна с научной точки зрения; Учет этих факторов с точки зрения педагогики необходим; Находки наших археологов очень интересны с точки зрения истории.

ПФ, в частности, при наличии связки: **Новейшая история Индонезии в политическом отношении была авторитарной; С педагогической точки зрения наиболее важным**

¹⁸ См. примечание 13.

является <...> создание церковной среды, церковного быта. Но см. и без связи: Это определение правильное, но с педагогической точки зрения недостаточное. Им. п. возможен и при **был, будет**: Сама идея прививки с медицинской точки зрения будет **ошибочная**; Расчет в экономическом отношении **был неверный**. (См. другую точку зрения у Гиро-Вебер.) Нужна дополнительная работа.

М-33. (2.1.1.2) Высказывание-оценка о референтном субъекте, часто с переносом ремы. Нейтральное высказывание – ПФ:

*Краси¹вая женщина; Что ты скажешь о Лиде? – У¹мная девушка; Да, я знаю эту историю. Случай **исключи¹тельный**; Это орхидеи? **Краси¹вые** цветы; Оторвалась пуговица? **Невелика¹** беда! Пришьём.*

Здесь КФ как системный «заместитель» прилагательного (не)большой, ср.: Ботинки для меня **большие** (обычно на три и больше размеров) – Ботинки мне **велики** (до двух размеров). Экспрессивный вариант – КФ: **Силё²н** мужик; **Хитё²р** старик; **Хоро²ш** друг! (с упреком, укором); **Баба здорова²!**

М-34. То же, но с грамматической оппозицией «Согласование с Вы по числу»: **Вы красивы и умны** vs. «Согласование с Вы по полу»:

Вы красивая и умная / Вы красивый и умный; Вы такая бледная, прекрасная, обаятельная... Мне кажется, ваша бледность проясняет тёмный воздух, как свет... Вы печальны, Вы недовольны жизнью (А. Чехов).

В просторечии системна ПФ мн. ч. как «вежливая» при обращении к одному человеку типа **Вы *красивые; Вы *умные**, ср. аналогичное **Вы *молодцы!** вместо **Вы молодец!**

(2.1.2) Генеративный регистр предложения. Это всегда логическое обобщение, суждение об «абсолютных» признаках обобщенного субъекта. Можно выделить два случая.

М-35. (2.1.2.1) Высказывание-суждение о философской, физической и т.п. сущности единичного по своей категории или степени обобщенности субъекта. *Физики пришли к выводу, что в дихотомии «материя – сознание» **первично** сознание, а материя **вторична**; Истинное искусство всегда **многопланово**; Публика **преходящая**, народ **вечен** (К. Аксаков); Жизнь **коротка**, искусство **вечно**. См. выше: **Гнев опасен. Депрессия неприятна**. Именно о таких предложениях-высказываниях авторы говорят как об «универсально-значимых истинах» [Babby 1975: 192], отмечая их «вневременной характер», что проявляется в отсутствии у них временной парадигмы [Гиро-Вебер 1996: 72]. Действительно, по отношению к конкретному, референтному явлению или объекту употребительна и ПФ: **Жизнь у нас тут прекрасная; Если всё сделаем так, жизнь здесь будет нормальная; Публика здесь отзывчивая; Народ в нашем селе трудолюбивый.***

М-36. (2.1.2.2) Высказывание-обобщение о классе субъектов. Для предметных имен КФ и ПФ, как и ед. и мн. ч. имени, равнозначны, если невозможно референтное понимание субъекта.

*Хлорофилловое зерно **недолговечно / недолговечное**; – Хлорофилловые зёрна **недолговечны / недолговечные**; Берёза **неприхотлива / неприхотливая** – Берёзы **неприхотливы / неприхотливые**; Итальянец – **добродушен / добродушный** и охотно улыбается – Итальянцы **добродушны / добродушные** и охотно улыбаются.*

9.3.2. Подмножество (2.2). Основные случаи вариативности значений.

Ниже даны частотные в узусе случаи. Но их, думается, больше. Нужен сбор материала.

М-37. «Конкретность» vs. «Обобщенность». **Какие краси¹вые цветы!** (конкретно эти) – **Как краси¹вы цветы!** (все, любые); **Краси¹вая женщина!** (конкретная) – **Краси¹ва женщина!** (о женщинах вообще); **Она¹сный полёт!** (конкретный) – **Она¹сен полёт на самолёте** (всегда). Это, возможно, след категории определенности / неопределенности.

М-38. Абсолютность vs. относительность признака: *Комната маленькая* – Зал для такого собрания будет *мал*; *Юбка длинная / короткая* (о фасоне) – *Юбка длинна / коротка* (мне); *Каблуки высокие* (тип каблуков) – *Каблуки высоки* (для такой долгой прогулки).

М-39. Дружественный vs. отрицательный модус: прилагательные аксиологической оценки (хорошо / плохо) по отношению к лицу в КФ более экспрессивны. *Ты смешной!* *Ты глупый!* – можно сказать человеку, к которому хорошо относишься, которого любишь. *Ты смешон!* *Ты глуп!* – резко отрицательная оценка.

М-40. «Характеристика ситуации» vs. «Характеристика предмета / события». Адъективы: *важный, излишний, невозможный, неизбежный, ненужный, нужный, обязательный, опасный.*

Книгу я тебе не дам. Книга нужна (в данный момент) – *Толковый словарь! Книга нужная!* *Пожалуй, я её куплю* (может пригодиться); *Тут уж пояснять не надо.* *Комментарии, как говорится, излишни* – *Это примечание к статье нужно снять. Лиш¹ный комментарий!* *Все кругом кричали, что-то стреляло. Тишина была невозможна!* – *Не было слышно ни звука. Тишина была невозможная!* (= очень тихо); *У ребёнка грипп. Пока всё в порядке, но опасны осложнения* (= возможны) – *После гриппа могут начаться бронхит или воспаление лёгких. Опасные осложнения.*

М-41. «Состояние» vs. «Характеристика»:

Он счастлив (сейчас) – *Он счастливый* (= везет в жизни); *Стакан упал, но остался цел* – *Стакан целый*, *нигде ни щербинки*; *Он был горд* и *очень доволен*: *всё получилось* (почему был горд) – *Дед был гордый и своенравный*; *Он был зол*: *я отказался от его предложения* (почему был зол) – *По характеру он был злой*; *Сейчас Иван уже совсем здоров* и *завтра придет* – *Ребенок у меня совершенно здоровый.*

Примечание. При конструктивно обусловленном употреблении КФ или ПФ эти оппозиции не работают, ср.: *Счастлив человек, у которого так сложилась судьба* (= счастливый); *Иван сидел счастливый, глаза светились* (= был счастлив); *Он стоял гордый и довольный.*

М-42. Отпричастные прилагательные при характеристике состояния органов: «Физиологическое» vs. «Эмоциональное» состояние органа, части тела и др.: *Орган атрофирован* ◀ *атрофировался*; *Глаза воспалены* ◀ *воспалились*; *Печень больного увеличена* ◀ *увеличилась*; *Позвоночник у мальчика искривлён* ◀ *искривился*. В принципе, морфологически это то же явление, что и *женат, уверен, разведены*. Но при подлежащем типа *голос, глаза, взгляд, улыбка, лицо, письмо* адъективы эмоционального состояния лица – только в ПФ. *Внезапно в ночи раздался голоса. Голоса были возбуждённые* (Н. Столярков); *Я встретил его взгляд; глаза восхищённые*; *Письмо было удивлённое.*

М-43. «Норма» vs. «Просторечие»: *Я виноват* (норма) – *Я виноватый* (прост.); *Он согласен* – *Он *согласный*. Возможна частица *так*: *И я вам *благодарная, Иван Трофимыч, так я вам *благодарная* (Б. Васильев). См. выше: *радый, правый*.

М-44. Диктумное значение vs. модус и ЛСВ: *Ты хороший* (диктумная оценка) – *Ты тоже хороиш!* (отрицательная оценка); *Как хороиш¹ были розы* (= красивые); *Та шляпа мне мала, а вот эта хороиш²* (= по размеру); *Мне оказалась хороиш³ самая плоха⁴я шляпа.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Повторим, что данный выше материал разработан в рамках прикладной, функционально-коммуникативной модели языка, Это начало разработки данной темы, и мы далеки от каких-либо обобщений и, тем более, от введения нашей концепции в, так сказать, официальную научную парадигму. Но если брать понятие лингвистической парадигмы как совокупность разных моделей и подходов, то это один из таких подходов к языку, одна из составляющих современной лингвистической парадигмы. Мы видели

свою задачу в том, чтобы представить сам материал и возможный подход к нему, обусловленный практическими целями.

2. Для нас принципиально важно, что КФ прилагательных образуются не только от качественных, но и от относительных прилагательных, а формы притяжательных прилагательных типа *мамин, отцов* суть сохранившиеся собственно КФ. К таким же «реликтам» можно отнести слова типа *рад, готов, должен* и некоторые другие.

3. Как показывает материал, и ПФ и КФ адъективов занимают в русском языке практически равнозначимые позиции. Если страд. причастия работают, в первую очередь, в конверсивах, в страдательных оборотах, или в соотносимых с ними по значению конструкциях, где КФ или ПФ, как правило, обусловлены синтаксической позицией адъектива, то прилагательные, выступая в позиции определения (в том числе и обособленного) и в позиции сказуемого, в целом ряде случаев могут употребляться в разных формах под действием дополнительных условий, пока до конца не упорядоченных.

4. Наш повседневный язык количественно много богаче языка художественной литературы, и без учета всего корпуса языка (и говоры) мы не увидим действительную его систему, не поймем принципы его функционирования как живого механизма с алгоритмами, обеспечивающими успешность его действия, то есть его совершенность. Это не означает смещения нормы и ненормативных на данный момент единиц и употреблений. Речь идет о необходимости учитывать в процессе исследований явления всего языка, что позволит предвидеть возможные изменения нормы и понимать их причины.

5. Тот факт, что именно в русском языке мы пока не можем четко сформулировать функции КФ и ПФ прилагательных в предикативной позиции, что факторы, влияющие на выбор формы, могут быть не только грамматическими, но и констатитивными, модусными, лексическими и т.д., говорит о сложности и многогранности этой категории.

6. Используемая нами дихотомическая поранговая система употреблений ПФ и КФ прилагательных по своей структуре аналогична системам значений описанных в учебной литературе функционально-семантических и функционально-грамматических категорий и подтверждает полевою устроенностью языка, ср. большое количество разнообразных характеристик в рамках конструктивно-обусловленных случаев употребления (что характеризует, как отметил в свое время А.В. Бондарко, центровую часть категории) и фактически дву- и даже одноранговые оппозиции в правой стороне системы. Случаи в подмножестве (2.2) связаны с семантикой конкретных словоформ. Как показывает наш опыт, семантика сама по себе, без соотнесенности с синтаксемами или именными группами дихотомическому разбиению пока не поддается [Всеволодова 2012].

7. Представленная система – это только первоначальные подходы к нашей категории. Недостатков здесь больше, чем достоинств. Нужно работать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиантова и др. 2001 – Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Безпояско и др. 1993 – О.К. Безпояско, К.Г. Городенська, В.М. Русанівські. Граматика української мови. Морфологія. Київ, 1993.
- Белашапкова 1989 – В.А. Белашапкова (ред.). Современный русский язык. 2-е изд. М., 1989.
- Богданов 2011 – А.В. Богданов. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Бульгина, Шмелев 1999 – Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Буслаев 1959 – Ф.И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Бухарин 1986 – В.И. Бухарин. Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М., 1986.

- Винокур 2006 – Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 2006.
- Воейкова, Пупынин 1996 – М.Д. Воейкова, Ю.А. Пупынин. Предикативная качественность // Теория функциональной грамматики. Т.5. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Вольф 1982 – Е.М. Вольф. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Всеволодова 2000 – М.В. Всеволодова. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова 2010 – М.В. Всеволодова. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова 2012 – М.В. Всеволодова. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2012. № 1.
- Всеволодова, Владимирский 2009 – М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 3-е изд. М., 2009.
- Всеволодова, Кузьменкова 2003 – М.В. Всеволодова, В.А. Кузьменкова. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 5.
- Всеволодова, Спиридонова 1968 – М. Всеволодова, Л. Спиридонова. Употребление полных и кратких прилагательных. М., 1968.
- Всеволодова, Яценко 2012 – М.В. Всеволодова, Т.А. Яценко. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 3-е изд. М., 2012.
- Гиро-Вебер 1996 – М. Гиро-Вебер. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Т. 5. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Граматыка 1962 – Граматыка беларускай мовы. У 2 ч. / АН БССР; рэд. акадэмік Ан БССР К.К. Атраховіч (Крапіва), М.Г. Булахаў. Ч. 1. Марфалогія. Мінск, 1962.
- Дулина 2010 – А.Н. Дулина. Категория простых предложений с временными реляторами в современном русском языке // IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык. Исторические судьбы и современность. МГУ, 20–23 марта 2010 г. М., 2010.
- Загнитко 2009 – А.П. Загнитко. Сучасний синтаксис і фразеологія: особливості структурних і семантичних зв'язків // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г. Сковороди. Вип. 27. Харків, 2009.
- Золотова 1982 – Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Клајн 2005 – Иван Клајн. Граматика српског језика. Београд, 2005.
- Копелиович 1997 – А.Б. Копелиович. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. Владимир, 1997.
- Котвицкая 1990 – Э.С. Котвицкая. Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения, как содержательная единица языка (и ее речевые реализации): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Крючкова 1979 – М.Л. Крючкова. Особенности немотивированного глагольного уравнения в современном русском языке. М., 1979.
- Кузнецов 1965 – П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
- Кулева 2008 – А. С. Кулева. Усеченные прилагательные в контексте истории языка русской поэзии // В.Н. Калиновская (отв. ред.). Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. СПб., 2008.
- Кулева 2009 – А.С. Кулева. К вопросу о происхождении усеченных прилагательных в соотношении с историей имени прилагательного // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009.
- Лебедева 2005 – Е.К. Лебедева. Принципы функционально-коммуникативной грамматики и проблемы категории причинных отношений в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 3.
- Ломтев 1972 – Т.П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Маркус 1963 – С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Мароевич 1981 – Р. Мароевич. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных // Вопросы языкознания. 1981. № 5.
- Николаева 2004 – Т.М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 2004.
- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих единиц»). М., 2008.

- Николс 1985 – *Дж. Николс*. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.
- Пешковский 2010 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2010.
- Потебня 1968 – *А.А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
- Потебня 2007 – *А.А. Потебня*. Мысль и язык. М., 2007.
- Срезневский 1893–1912 – *И.И. Срезневский*. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
- Судзуки 2008 – *Рина Судзуки*. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Толстой 1957 – *Н.И. Толстой*. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957.
- Трубецкой 1960 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1960.
- Шахматов 1957 – *А.А. Шахматов*. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шведова 1952 – *Н.Ю. Шведова*. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке // Учен. зап. МГУ. Вып. 150. Русский язык. М., 1952.
- Якубинский 1953 – *Л.П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.
- Babby 1975 – *L.N. Babby*. A transformational grammar of Russian adjectives. The Hague; Paris, 1975.
- Bąk 1997 – *P. Bąk*. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1997.
- Encyklopedia 1999 – *S. Urbańczyk, M. Kucaly* (red.). Encyklopedia języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1999.
- Garde 1988 – *P. Garde*. Pour une méthode bisynchrone // Travaux du Cercle Linguistique d'Aix-en-Provence. 1988. № 6.
- Humboldt 1841–1852 – *W. von Humboldt*. Gesammelte Werke. Berlin. 1841–1852. Bd 1–7.
- Nichols 1981 – *J. Nichols*. Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkeley, 1981. (University of California publications. Linguistics. V. 97.)
- Tokarski 1978 – *J. Tokarski*. Fleksja polska. Warszawa, 1978.

Сведения об авторе:

Майя Владимировна Всеволодова
 МГУ им. М.В. Ломоносова
 mvsevol@mail333.com

Статья поступила в редакцию 26.06.2012.

© 2013 г. А.А. ЭНДРЕСЕН

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ ИЛИ ПОЗИЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ? МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКИХ ПРИСТАВОК *о-* И *об-* В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ: КОРПУС И ЭКСПЕРИМЕНТ*

Статья посвящена нетривиальному вопросу русской морфемике – вопросу о взаимном статусе приставок *о-* и *об-*. До сих пор его решение сводилось к анализу лексического материала, представленного в толковых словарях. Замеченные противоречия в употреблении приставок привели к выдвигению гипотезы о морфологическом расщеплении изначально единой морфемы [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998]. В данной статье приводятся результаты проверки этой гипотезы на материале а) данных Национального корпуса русского языка и б) психолингвистического эксперимента. Результаты обоих исследований полностью не укладываются в предсказания тестируемой гипотезы. На основе детального когнитивного описания системы подзначений приставок, ответов информантов на стимулы эксперимента, а также статистического анализа собранных данных я выдвигаю альтернативную гипотезу о нестандартной алломорфии и предлагаю считать *о-* и *об-* алломорфами единой морфемы. Изучение этого частного вопроса русской морфемике заставляет пересмотреть традиционное понимание алломорфии и обратиться к забытым идеям американских структуралистов о неадекватности бинарного (+/-) представления языковых единиц.

Ключевые слова: русский язык, приставки, глаголы, алломорфия, эксперимент, корпус

This article examines an interesting phenomenon in Russian morphology: the behavior of the prefixes *о-* and *об-*. Do these prefixes constitute two distinct morphemes or are they allomorphs of a single morpheme? Previous discussion in scholarly works has been limited to lexical data provided in dictionaries. A number of controversial uses of these prefixes were discovered and led to the hypothesis that the original single morpheme has split into two distinct morphemes. This article summarizes the results of two empirical tests of this hypothesis: first, against a comprehensive dataset extracted from the Russian national corpus; secondly, via a psycholinguistic experiment. The results of both studies do not fully match the predictions of the split hypothesis. I offer a detailed analysis of the radial network of submeanings expressed by the two prefixes, an independent account for the subject responses to experimental stimuli, as well as statistically robust analyses of both studies. On this basis I propose an alternative hypothesis of a single morpheme with non-standard allomorphy and argue for a unified account of *о-* and *об-*. The study of this particular problem of Russian morphology encourages us to reevaluate the traditional understanding of allomorphy coined in absolute terms and to revisit a number of forgotten ideas of American structuralists about the inadequacy of the binary (+/-) representation of linguistic units.

Keywords: Russian, prefixes, verbs, allomorphy, experiment, corpus

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Норвежского совета по научным исследованиям и университета г. Тромсё. Я благодарю Л.А. Янду, Т. Нессета, Ю.Л. Кузнецову, А.Б. Макарову, С.В. Соколову, а также Т.В. Черниговскую за ценные замечания, а всех участников эксперимента за их время и инициативу. Отдельное спасибо двум анонимным рецензентам, чьи рекомендации и вопросы помогли мне доработать статью. Результаты исследования были представлены на XL Международной филологической конференции в СПбГУ в 2011 г., на летнем семинаре Норвежской ассоциации когнитивных лингвистов (NORKOG) в Осло и на IV Международной конференции по когнитивной лингвистике (UK-CLC) в Лондоне в 2012 г.

ВВЕДЕНИЕ

Представляют ли приставки *о-* и *об-* одну морфему или разные морфемы в современном русском языке – вопрос далеко не такой простой, как может показаться. Неудивительно, что он имеет столь долгую и разнообразную историю изучения и решался не только российскими лингвистами [Марков 1970; Аверьянова 1974; Алексеева 1978; Кронгауз 1998; Иткин 2007; Добрушина 2009], в том числе неоднократно на страницах этого журнала [Нефедьев 1994; 1995; Кошелев 2004б], но и за рубежом [Hougaard 1973; Roberts 1976; 1981; Andrews 1984; Shull 2003; Baydimirova 2010; Baayen et al. 2013].

Причина столь широкого интереса к употреблению данных приставок заключается в нетривиальном взаимодействии фонологических и семантических факторов, определяющих их употребление. С одной стороны, как справедливо отмечает М.А. Кронгауз, использование данных приставок в рамках парадигмы одних и тех же глаголов предполагает идентичность значения этих приставок: ср. *обо-брать* – *о-беру*, *о(б)-бить* – *обо-бью*, *обо-знать* – *об-гоню*, *о-переться* – *обо-прусь*, *об-жечь* – *обо-жгу*, где *обо-* чередуется и с *о-*, и с *об-* [Кронгауз 1998: 132, 141]. В данном случае выбор приставки определяется на основе морфонологического контекста, а именно в зависимости от начальных фонем мотивирующей основы, к которой присоединяется приставка: начальных согласных основы и наличия беглой гласной. Более того, существуют такие пары глаголов, как *об-стричь* и *о-стричь*, *об-строгать* и *о-строгать*, *об-клеить* и *о-клеить*, в которых семантический вклад приставок *о-* и *об-* можно признать практически идентичным. Все эти наблюдения позволяют считать *о-*, *об-* и *обо-* позиционными вариантами одной морфемы.

С другой стороны, как показывают глаголы типа *о-красить*, *об-крадывать*, *обо-красть*, все три приставки могут сочетаться с одной и той же начальной группой согласных глагольной основы и одним и тем же местом ударения (нужно подчеркнуть, что эффект просодики в данном случае до сих пор не изучался). Сравните также варианты одной лексемы *о-бежать* и *об-бежать*, где *о-* и *об-* находятся в отношениях свободного варьирования. Вариант *об-бежать* характеризуется как более разговорный, *об-* здесь появляется незакономерно, однако все же достаточно часто в разговорной речи. Это говорит о том, что между *о-* и *об-* (а также *обо-*) нет идеальных отношений дополнительной дистрибуции, которыми, как правило, характеризуются алломорфы. Однако это еще не все. В русском языке существуют такие минимальные пары глаголов, в которых семантика *о-* и *об-* оказывается различной: *о-делить* – *об-делить*; *о-судить* – *об-судить*, *о-греть* – *обо-греть* и др. Семантические различия при этом часто интерпретируются как указывающие на то, что перед нами не алломорфы, а различные морфемы с различными значениями.

Принято считать, что для признания некоторых формантов алломорфами должны выполняться два условия: 1) идентичность значения и 2) отношения дополнительной дистрибуции [Matthews 1974: 116; Bauer 2001: 14; Haspelmath 2002: 27]. В случае русских приставок *о-* и *об-* мы сталкиваемся со следующей дилеммой: их семантика может быть абсолютно одинаковой, но подчас оказывается неожиданно различной, а распределение, хоть и имеет фонетические основания, все же не укладывается в узкие рамки дополнительной дистрибуции. Получается, что традиционные критерии выделения стандартных алломорфов соблюдаются далеко не всегда, данные языка приводят к прямо противоположным обобщениям, тогда как интуитивно ощущаемая близость *о-* и *об-* соседствует с рядом различий, которые невозможно отрицать.

Вопрос о взаимном морфонологическом статусе этих приставок решался в литературе по-разному: одни исследователи видели в них фонологические варианты единой морфемы [ГРЯ 1952: 589–592; Исаченко 1960: 148; Townsend 1968: 127; Roberts 1976; 1981; Барыкина и др. 1989; Анна А. Зализняк, Шмелев 2000: 83; Timberlake 2004: 404], другие отстаивали идею выделения двух самостоятельных морфем *о-* и *об-/обо-*

[РГ 1980: § 851]. Эти две позиции были частично совмещены в рамках гипотезы морфологического расщепления, согласно которой противоречия в синхронном распределении приставок *о-* и *об-* объясняются через исторический процесс дивергенции вариантов изначально единой морфемы **об-*. В результате, в современном русском языке мы уже имеем дело с двумя различными морфемами *О-* и *ОБ-*, которые различаются и семантически, и фонологически.

Нельзя не признать элегантность этой гипотезы, тем более что ее сторонники обосновали ее в рамках истории языка [Марков 1970; Алексеева 1978], провели анализ минимальных пар приставочных глаголов (таких как *осудить* и *обсудить*, *оледенеть* и *обледенеть* и т. п.) [Andrews 1984], определили семантическую специфику морфем *о-* и *об-*, а также иерархию их алломорфов и фонологические условия выбора последних [Кронгауз 1998: 131–148]. Тем не менее, несмотря на все эти достижения, вопрос о взаимном статусе *о-* и *об-*, по замечанию И.Б. Иткина [Иткин 2007: 84], до сих пор остается дискуссионным. До сих пор проводятся исследования, доказывающие или учитывающие семантическую общность этих приставок [Кошелев 2004а; Добрушина 2009], и, наоборот, в литературе появляются аргументы в защиту их разноморфемности [Иткин 2007: 85]. Это означает, что вопрос о соотношении *о-* и *об-* еще далеко не исчерпан, а точнее, не решен. Причину этого я вижу в том, что гипотеза морфологического расщепления еще не была основательно протестирована. Именно эту цель ставит перед собой данная статья.

В настоящей статье представлены результаты тестирования гипотезы морфологического расщепления. Тестирование осуществлялось двумя различными способами. Во-первых, был проведен систематический анализ лексического материала, а именно всех глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] и Грамматическом словаре А.А. Зализняка (по [Зализняк 2009]). Во-вторых, гипотеза морфологического расщепления была протестирована экспериментально на механизмах активного словопорождения носителей современного русского языка. Результаты обоих исследований частично поддерживают положения данной гипотезы, но в гораздо большей степени ей противоречат и позволяют выдвинуть альтернативное решение – гипотезу о единой морфеме с нестандартной алломорфией, предполагающую глобальный пересмотр традиционного понимания взаимоотношений алломорфов.

Настоящая статья организована следующим образом. В разделе 1 приводится характеристика гипотезы о морфологическом расщеплении, а также рассматриваются ее слабые стороны и предсказания. Раздел 2 посвящен исследованию корпусных данных и включает информацию о методике сбора и анализа глаголов, описание семантической сети подзначений приставок *о-*, *об-* и *обо-* в терминах когнитивной лингвистики, а также статистический анализ распределения приставочных глаголов в рамках предложенной модели полисемии. Раздел 3 описывает дизайн и проведение психолингвистического эксперимента и анализирует полученные результаты с точки зрения ожиданий, сформулированных в соответствии с гипотезой морфологического расщепления. В разделе 4 результаты обоих исследований суммируются и рассматривается их несоответствие гипотезе морфологического расщепления, вместо которой предлагается альтернативный анализ, признающий возможность нестандартной алломорфии при когнитивной целостности и одноморфемности приставок *о-*, *об-* и *обо-*. Развивая идею нестандартной алломорфии, я обращаюсь к забытым ключевым идеям американских структуралистов о неадекватности абсолютизированного бинарного (+/–) представления языковых единиц и связываю их с перспективами переосмысления отношений алломорфов в свете новых теорий и критериев.

Материалы проведенного исследования доступны на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>, где можно найти размеченную базу данных проанализированных глаголов, анкеты и стимулы, использованные в эксперименте, а также программы статистического анализа для корпусных и экспериментальных данных.

Прежде чем перейти к следующему разделу, необходимо сказать несколько слов о терминологии. Термин «приставка» используется в данной статье как нейтральный, преждевременно не приписывающий формантам *о-*, *об-* и *обо-* никакого взаимного морфологического статуса. Для характеристики последнего в статье используется противопоставление терминов «морфема» (*О-* vs. *ОБ*) и «алломорф».

1. ГИПОТЕЗА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ

1.1. Сторонники и разработка идеи

Гипотеза морфологического расщепления была выдвинута в работах [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998] и основывается на идее об историческом процессе дивергенции фонологических вариантов изначально единой морфемы. Результатом явилось семантическое обособление приставок *о-* и *об-* в современном русском языке: за приставкой *об-* закрепилось пространственное значение кругового движения (*ехать* – *объехать*), а приставка *о-* вошла в состав конфликсов¹ *о-...-ить* и *о-...-еть* со значением изменения объекта, придачи ему или приобретения им нового свойства (*жестокый* – *ожесточить*; *камень* – *окаменеть*).

Наблюдение о современной продуктивности *о-* и *об-* в двух различных словообразовательных моделях (образование глагола *об-злодать* по модели *об-лететь* и *о-виноват-и-ть* по модели *о-светл-и-ть*) было впервые описано в работе [Марков 1970] и с тех пор стало центральным аргументом гипотезы морфологического расщепления. Различное участие приставок в живых словообразовательных процессах представлено в статье В.М. Маркова как главный критерий их морфемной самостоятельности, тогда как существованием целого ряда переходных явлений, «пережиточных форм и значений», предлагается пренебречь [Марков 1970: 3–7]. Учитывая ценность наблюдения В.М. Маркова, можно согласиться с тем, что, чтобы уловить активную в языке тенденцию, лингвист действительно может позволить себе отвлечься от сосуществующих параллельных явлений, однако распространение полученного вывода на весь состав данных является уже довольно проблематичным. Тем более, что для носителей языка «пережиточные формы» составляют равноправную часть их языкового опыта и компетенции, и абстрагироваться от них носители не могут.

Впервые выдвинутая в [Марков 1970] идея о формировании самостоятельных морфем из фонетических вариантов была развита в проведенном под руководством ученого кандидатском исследовании [Алексеева 1978], которое представляет собой обширный и детальный анализ материала древнерусского языка и прослеживает участие приставок *о-* и *об-* в отглагольном и отыменном словообразовании начиная с самых ранних памятников письменности и заканчивая художественной и публицистической литературой 1970-х гг. Подробная хронологизация процесса семантического и морфологического расхождения приставок *о-* и *об-*, к сожалению, не приводится. Подтверждается тезис В.М. Маркова о том, что фонологическая обусловленность вариантов *о-* и *об-* была далеко не последовательной уже на раннем древнерусском этапе [Марков 1970: 5; Алексеева 1978: 6]. При этом обнаруживается ключевая тенденция: «Ряд префиксальных глагольных конструкций, мотивированных в древнерусском языке глаголами» (*багрити* – *обагрити*, *богатити* – *обогатити*, *добрити* – *одобрити*, *жесточити* – *ожесточити*, *живити* – *оживити*, *зарити* – *озарити*, *росити* – *о(б)росити*, *свободити* – *освободити*, *своити* – *освоити*), впоследствии оказывается тесно соотношенным с именами (например, *богатый* – *обогатити*) и входит в новый словообразовательный тип, тогда как

¹ Двухкомпонентная морфема, участвующая в приставочно-суффиксальном способе образования [Земская 2006: 85; Немченко 1979: 39], обозначается в русскоязычной лингвистической литературе по-разному: «конфлекс» – согласно традиции Казанской лингвистической школы (см. библиографию в [Марков 1970: 7]), «циркумфлекс» – согласно И.С. Улуханову и Московской лингвистической школе [Улуханов 1996: 132].

многие изначально мотивирующие глагольные основы выходят из употребления или становятся маргинальными [Там же: 6]. Несмотря на то, что, как утверждается, формирование самостоятельных морфем происходит уже в древнерусском языке [Там же: 10], до сих пор для многих глаголов типа *орумянить* и *озеленить* сохраняется возможность двоякой словообразовательной соотнесенности: и с глагольной основой (*румянить*, *зеленить*), и с именной или адъективной основой (*румяный*, *румяна*; *зеленый*) [Там же: 12]. Этот факт наличия переходных явлений, однако, не мешает А.П. Алексеевой констатировать самостоятельность, разноморфемность и четкое противопоставление *о-* и *об-* в современном русском языке.

Масштаб таких случаев, в которых глаголы с фактитивной ('сделать каким') и инхотативной ('стать каким') семантикой мотивируются не только именной производящей основой, но и глагольной, очевидно, был недооценен. Это, вероятно, объясняется тем, что за пределами своего исследования А.П. Алексеева оставляет все глаголы², в которых приставка имеет только «чистовидовую функцию» [Там же: 12], а среди этих намеренно неучтенных глаголов наибольшая доля приходится именно на глаголы с фактитивным и инхотативным значением. Так, приставкам в глаголах типа *оглохнуть* и *обеднеть* отказано в наличии значения, поскольку они образуют видовые корреляты, или естественные перфективы (по терминологии [Janda 2007]), от основ *глохнуть* и *беднеть*. То, что отсутствие значения у приставки в таких случаях является иллюзией, было убедительно доказано на обширном материале русских приставок в работах [Янда 2012; Endresen et al. 2012; Janda et al. 2013], а применительно к «чистовидовому» использованию *о-* и *об-* это обсуждалось уже в статье [Roberts 1976: 65, 66]; подробное доказательство см. в [Baydimirova 2010: 56–58]. Получается, что выводы диахронического исследования [Алексеева 1978] основаны на существенно суженном объеме материала. Несомненно ценное наблюдение о частичном противопоставлении *о-* и *об-* абсолютизировано, акцент делается на их контрасте, тогда как анализ переходных и менее понятных случаев сведен к минимуму.

Независимо и совсем в других терминах гипотеза о морфологическом расщеплении была выдвинута американской исследовательницей Эдной Эндрус [Andrews 1984]. Эндрус провела детальный анализ шестидесяти минимальных пар приставочных глаголов типа *оделить* – *обделить*, *осудить* – *обсудить* и др. Акцент на контрастных употреблениях *о-* и *об-*, вероятно, объясняется в данном случае структуралистским представлением о языке как о системе противопоставлений. Результатом анализа отобранного материала стал вывод о том, что *о-* и *об-* представляют собой разные морфемы с разными инвариантными значениями. Исключительно тонко подмеченные Эндрус индивидуальные семантические различия между близкими синонимами суммированы в очень абстрактную формулировку двух инвариантов. Согласно Эндрус, обе морфемы *О-* и *ОБ-* объединяет полное вовлечение объекта и охват его действием, обозначенным глагольной основой. При этом *ОБ-* выражает более конкретный охват действием, который не выходит за пределы ситуации, тогда как *О-* является маркированным префиксом и дополнительно выражает последствия воздействия на объект, выходящие за пределы самого действия, ср.: *обледенеть* 'покрыться льдом снаружи' vs. *оледенеть* 'стать холодным, как лед, и снаружи, и внутри' [Andrews 1984: 482]. Семантическое расщепление *о-* и *об-* на две морфемы, по наблюдениям Эндрус, имело место уже в начале XIX в., а к концу XX в. приставки еще более разошлись.

² Нельзя не отметить, что количество таких глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-* очень велико. В современном русском языке эти приставки, взятые вместе, занимают четвертое место по количеству образуемых ими видовых коррелятов (естественных перфективов) после *по-*, *с-*, и лишь слегка уступая *за-*, имея 226 видовых пар, согласно базе данных Exploring Emptiness, созданной в университете г. Тромсё [Endresen et al. 2012: 243]; а в церковнославянском языке *о-* и *об-*, взятые вместе, образовывали больше перфективов (191), чем любая другая приставка, обходя *по-* (176), *у-* (163), *св-* (146) и др., согласно данным [Stonski 1937: 66–100]. О видовых различиях в церковнославянском см. [Eckhoff, Janda (в печати)].

Замечу здесь, что похожее утверждение о большей абстрактности и метафоричности глаголов с приставкой *о-* и, наоборот, конкретности и часто даже разговорности и просторечности параллельных вариантов с *об-* мы находим в [ГРЯ 1952: § 911] и в исследовании [Аверьянова 1974], ср.: *осыпать ласками, упреками, подарками* vs. *обсыпать пудрой, песком*; *охватить взглядом* vs. *обхватить руками*; *обежать (*оббежать) глазами присутствующих* vs. *обежать / оббежать вокруг дома*). Однако в данных работах это не считается основанием для разведения *о-* и *об-* на две разные морфемы.

Большим вкладом в обоснование гипотезы морфологического расщепления стала подробная разработка фонологической ее части, а также систематизация накопленных идей в работе [Кронгауз 1998: 131–148]. Согласно его версии расщепления, взаимодействие семантического и фонетического критериев выбора приставки организовано следующим образом. Главным фактором является семантика: за *ОБ-* закреплено пространственное значение (*ехать – объехать*), тогда как *О-* выражает изменение объекта, наделение его или приобретение им нового признака (*жестокий – ожесточить*). Далее выбор конкретной приставки определяется уже фонетическими условиями. Согласно М.А. Кронгаузу, морфемы *О-* и *ОБ-* имеют одинаковый набор алломорфов (*о-, об-, обо-*), но разную их иерархию и разные принципы их фонологического распределения [Там же: 141–143]. Схематически систему семантического разграничения морфем и фонологического распределения их алломорфов можно представить следующим образом³.

Таблица 1

Гипотеза морфологического расщепления: морфемы *О-* и *ОБ-* и их алломорфы

Единая морфема * <i>ОБ-</i>	
Морфема 1 <i>ОБ-</i>	Морфема 2 <i>О-</i>
Значение	
Пространственное: 'движение вокруг'	Факитивное: 'изменение объекта'
Пример	
<i>ехать – объехать</i>	<i>жестокий – ожесточить</i>
Иерархия алломорфов	
<i>об-</i> >> <i>обо-</i> >> <i>о-</i>	<i>о-</i> >> <i>об-</i> >> <i>обо-</i>
Правила выбора алломорфа	
<i>/об/</i> → [об] / всегда, кроме: <i>/об/</i> → [обо] / _ СС, если *бСС <i>/об/</i> → [обо] / _ СьС, где ь → ø <i>/об/</i> → [о] / _ б, п	<i>/о/</i> → [о] / всегда, кроме: <i>/о/</i> → [об] / _ V, в, й, л, н, р, м <i>/о/</i> → [обо] / _ СС, если *бСС <i>/о/</i> → [обо] / _ СьС, где ь → ø

Выбор алломорфа зависит от начальных фонем основы, к которой присоединяется приставка. Фонетические контексты различаются по степени их проблематичности для реализации главного алломорфа морфем *О-* и *ОБ-*.

³ В таблице 1 принят ряд условных обозначений: СС соответствует сочетанию согласных, с которого начинается производящая основа, V обозначает начальный гласный производящей основы, ь обозначает беглый гласный (*обжечь – обожгу*).

Главный (не обусловленный контекстом) алломорф морфемы ОБ- – это, конечно, *об-*. Он проблематичен и заменяется на *о-*, если основа начинается с губных *б* или *п*, а также заменяется на *обо-*, если группа начальных согласных основы невозможна с предшествующим *б* (*обо-жраться*, *обо-гнуть*)⁴ или содержит чередование беглого гласного с нулем звука (*обо-драть* – *об-деру*).

Главный алломорф морфемы О- – это *о-*, он реализуется всегда, если основа начинается не с гласного (*о-жесточить*, но *об-острить*). Начальные сонанты *й*, *л*, *н*, *р*, *м* и лабиодентальный *в*, как правило, вызывают появление алломорфа *об-*, однако далеко не всегда (ср.: *оагниться*, *олицетворить*, *онеметь*, *оросить*, *омолодить*, *овеществить*). Если один из приведенных согласных является еще и частью сочетания согласных, несоместимого с предшествующим *б*, или содержит чередующийся беглый гласный, то теоретически может появиться алломорф *обо-*. Так, согласно М.А. Кронгаузу, алломорф *обо-* появляется у морфемы О- в глаголе *оболгать*, где в корне есть чередование *о* с нулем звука (*ложь* – *лгать*), кроме того, труднопроизносимое сочетание *блг*, вероятно, не соответствует русской фонотактике [Кронгауз 1998: 147].

1.2. Слабые стороны гипотезы морфологического расщепления

Несмотря на стройность выдвинутой гипотезы, нельзя не заметить ряд ее слабых сторон. Прежде всего, существует немало контрпримеров в лексиконе русского языка, в которых выбор приставки противоречит предсказаниям гипотезы: так, например, в глаголах *окольцевать*, *окружить*, *огородить* и др., несмотря на семантику кругового движения и отсутствие каких-либо проблем с начальными *к*, *кр* и *г*, используется О-, а не ожидаемая ОБ-.

Кроме того, гипотеза морфологического расщепления не предсказывает таких минимальных пар, в которых глаголы являются близкими синонимами: например, *об-клеить* – *о-клеить*, *об-стричь* – *о-стричь*, *об-строгать* – *о-строгать*, *обкопать* – *окопать* и др.

В ряде глаголов (например, *обделать*, *обмерить* ‘обмануть, отмерив меньше, чем нужно’, *обмануть*, *оползти*) пространственное значение кругового движения и фактивное значение совсем не очевидны.

В целом, богатая полисемия приставок *о-*, *об-* и *обо-* представлена достаточно упрощенно, отсутствует детальный семантический анализ исчерпывающего списка приставочных глаголов. Все многообразие выражаемых значений сведено к противопоставлению значения кругового движения и фактивного значения изменения объекта посредством сообщения ему нового признака.

И, наконец, обращают на себя внимание противоречивые утверждения следующего рода: с одной стороны, предлагается считать, что расщепление уже произошло и его результаты обозримы в современном русском языке [Кронгауз 1998: 147], с другой стороны, утверждается, что процесс расщепления до сих пор продолжается и полностью не завершен [Там же: 139], а морфемы О- и ОБ-, несмотря на их расщепление, сохраняют тесную связь [Там же: 138]. Безусловно, это позволяет объяснить наличие контрпримеров в лексиконе: в одних глаголах (в работах нет уточнений) приставка сохраняется еще со времен до произошедшего расщепления, а другие глаголы, возможно, еще не охвачены данным процессом. Однако в таком объяснении не хватает конкретности, и оно скорее ослабляет силу выдвинутой гипотезы, чем подкрепляет ее.

⁴ С объяснением данных примеров М.А. Кронгаузом, однако, трудно согласиться, поскольку сочетание *бгн* все-таки можно найти в глаголах *обгнуть* и *обгнобить*. Выбор *обо-* в *обожраться* и *обогнуть* скорее может быть связан с беглым гласным основы, проявляющимся в *обжираться* и *огибать*. Более того, объяснение появления *обо-* в словах *обокрасть* и *обознаться* невозможностью сочетаний *бкр* и *бзн* явно дискриминируется контрпримерами типа *обкрадывать* и *обзнакомить*.

К тестированию гипотезы морфологического расщепления на корпусном материале, а также посредством эксперимента я стремилась подойти максимально объективно. Поэтому был собран и проанализирован весь объем материала (исчерпывающий список глаголов, засвидетельствованных в корпусе, а также все ответы информантов), а задачей исследования было получить выводы, которые могли бы быть применимыми не для отдельной части данных, а для всей их совокупности и разнообразности.

1.3. Предсказания гипотезы морфологического расщепления

Проверка справедливости идеи о морфологическом расщеплении и разноморфемности приставок *о-* и *об-* требует непредвзятого подхода к ней как к гипотезе. Для тестирования этой идеи на правах гипотезы от нас требуется сформулировать ее положения в терминах предсказаний и ожиданий, которые было бы возможно проверить эмпирически.

Гипотеза о морфологическом расщеплении имеет диахроническую и синхроническую части. Нас интересует последняя, а именно, можно ли говорить о разноморфемности приставок *о-* и *об-* в современном русском языке.

Заявленное семантико-морфологическое противопоставление (пространственная vs. фактитивно-инхоативная семантика, глагольное vs. именное словообразование) приставок *о-* и *об-*, согласно гипотезе морфологического расщепления, составляет центральный механизм, определяющий их распределение в приставочных глаголах современного русского языка. Предполагается, что «пережиточные» явления, выступающие как наследие предшествующих этапов развития языка и не укладывающиеся в ожидаемое противопоставление морфем, должны составлять гораздо меньшую и незначительную часть материала. Кроме того, предполагается, что значение кругового движения и фактитивно-инхоативное значение не связаны друг с другом. По названной причине эти два значения признаны настолько разными, что они не могут быть описаны в рамках полисемии одной морфемы, и, соответственно, могут составлять семантику исключительно разных морфем.

На основе предложенного М.А. Кронгаузом распределения алломорфов двух морфем мы можем выделить три типа фонетических контекстов:

1. Если основа глагола начинается с **гласного**, возможна только приставка *об-*, то есть действие семантического фактора оказывается скрыто;
2. Если основа глагола начинается с **шумного** согласного (за исключением *н*, *б* и лабиодентального *в*), возможны и *о-*, и *об-*, тогда выбор приставки определяется желаемой семантикой;
3. Начальные **сонанты** и **согласные *в*, *н*, *б*** допускают вариацию, фонетический и семантический факторы в данном случае конкурируют, а выбор приставки определяется фактором-победителем.

Получается, что наиболее показательные для проявления механизма семантического разграничения фонетические контексты обозначены под номером (2). Именно они будут ключевыми при составлении и проведении эксперимента.

Следует отметить, что алломорф *обо-* в работах по гипотезе о морфологическом расщеплении, как правило, осмысляется как принадлежащий морфеме ОБ⁵. Это учтено при тестировании гипотезы.

В следующем разделе я перехожу к описанию проверки гипотезы на лексическом фонде современного русского языка, тогда как раздел 3 описывает экспериментальное тестирование гипотезы на активных механизмах выбора приставки при образовании новых слов носителями русского языка.

⁵ За исключением М.А. Кронгауза, см. выше об *обо-* как о возможном алломорфе морфемы О- [Кронгауз 1998: 147], с чем справедливо спорит И.Б. Иткин [Иткин 2007: 85].

2. КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁶

2.1. Цель и новизна

Целью исследования лексического материала было протестировать гипотезу морфологического расщепления на максимально обширных данных. В чем была необходимость проводить очередной лексический анализ приставочных глаголов с *о-*, *об-* и *обо-* после работы, проделанной в [Roberts1976; Кронгауз 1998; Кошелев 2004б]?

Во-первых, до сих пор объем рассмотренного материала был ограничен данными, представленными в толковых словарях. Здесь же представлен первый анализ данных [НКРЯ].

Во-вторых, для сопоставления приставок *о-*, *об-* и *обо-* необходима достаточно дробная классификация подзначений приставок, а также анализ их взаимосвязей с точки зрения их возможной принадлежности к единой системе полисемии. Можно ли установить связь между пространственным и фактивным значениями или их ничего не связывает? Возможны ли оба значения для обеих приставок *о-* и *об-*? Каким образом распределяются и взаимодействуют остальные значения этих приставок?

Обратившись к вопросу о взаимосвязи различных значений, можно обнаружить, что применительно к приставкам *о-* и *об-* он не решен. К. Робертс предлагает детальную систему подзначений трех приставок, однако некоторые выделяемые им значения соответствуют скорее общей семантике глагольных лексем, чем значению самой приставки (ср. значение приставки V^{13} 'fear, caution' в глаголах *опасаться*, *остерегаться*; значение V^{10} 'Birth of animals' в глаголе *опороситься* [Roberts 1976: 69]). Анализ глаголов, проведенный К. Робертсом, показывает, что каждое из выделяемых им дробных подзначений может выражаться всеми тремя приставками. При этом связь «пространственных», «модальных» и «аффективных» подгрупп не объясняется, хотя это могло бы стать центральным аргументом в пользу полисемии и одномерности. А.Д. Кошелев [Кошелев 2004б] выделяет три абстрактных концептуальных значения, каждое из которых может быть выражено каждой из трех приставок, однако вопрос об их взаимосвязи, к сожалению, не ставится. М.А. Кронгауз [Кронгауз 1998] основывается на семантическом анализе, приведенном в ряде словарей и академических грамматик, где значения даются в виде списка и вопрос об их взаимосвязи опять же не поднимается.

Поиск и мотивация возможных связей между значениями приставок *о-* и *об-* отличают мой анализ приставочных глаголов от предшествующих. Предлагаемая в настоящей статье модель семантики этих приставок построена с помощью понятийного и терминологического аппарата когнитивной лингвистики. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на проблему. Вместо сведения богатой полисемии к абстрактным инвариантам и списковому перечислению значений, когнитивный подход к полисемии позволяет представить ее в виде радиальной сети взаимосвязанных и взаимомотивированных значений, организованных иерархически вокруг центрального прототипического значения, основанного на человеческом опыте пространственных отношений и моторики человеческого тела (подробнее об этом см. [Кронгауз 1998: 74–79; Рахилина 1998: 297–299; Янда 2012: 15]). Прототипическое значение мотивирует большинство остальных значений посредством когнитивных механизмов метафоры и метонимии. Описание семантики русских приставок в рамках когнитивного подхода позволяет не только установить когнитивную взаимосвязь различных значений в рамках единой модели полисемии, но и сравнить лингвистические единицы, описываемые в рамках единой радиальной семантической сети. Для этого я применяю метод профилирования радиальной категории, впервые предложенный в исследовании русских приставок *вы-* и *из-* [Nesset et al. 2011]; см. также [Янда 2012].

⁶ Полное описание проведенного исследования и его результатов [Baydimirova 2010: 40–61] можно найти на английском языке на сервере университета Тромсё <http://www.ub.uit.no/munin/handle/10037/2767> и на сервере Национального корпуса русского языка http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&Itemid=106.

Здесь же эта методика используется для тестирования семантических пересечений и расхождений приставок *о-*, *об-* и *обо-* с учетом пятнадцати выделяемых подзначений каждой из трех приставок.

Хочется отметить, что положения когнитивной лингвистики в целом во многом близки⁷ традициям Московской семантической школы, представленным в [Апресян 1995; 2005; 2009]. Прежде всего я имею в виду признание главенства семантики, учет широкого, по возможности максимального, языкового материала, а также идею системности семантических связей языковых единиц в словаре. Общим является для обоих направлений и интерес к полисемии, и идея иерархической организации подзначений. При этом различаются метаязыки описания. Тем не менее, учитывая сходство направлений, можно предположить, что анализ корпусного материала, проведенный в русле московской семантической школы, мог бы дать похожие результаты, однако проверка этого тезиса выходит за рамки настоящей статьи.

2.2. Сбор данных

Мною был проведен анализ всех глаголов совершенного вида с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, зафиксированных в [НКРЯ] и Грамматическом словаре А.А. Зализняка в соответствии с их значениями, отмеченными в пяти толковых словарях [Ушаков; МАС; Ефремова 2000; Кузнецов 2000; Ожегов, Шведова 2001]. Глаголы были собраны на основе базы данных частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2010], созданного на материале современного подкорпуса НКРЯ, то есть текстов с 1950 по 2007 г. (объем выборки словаря составляет 92 млн словоупотреблений).

Были проведены следующие процедуры. Во-первых, чтобы избежать дублирования данных, рефлексивы, в которых постфикс *-ся* не меняет лексического значения глагола, а только делает глагол непереходным, были соединены в одну лемму с соответствующим глаголом без *-ся*⁸ (например, *обеспокоить* и *обеспокоиться* были представлены как одна лексема *обеспокоить(ся)*). В остальных случаях рефлексивы представлены как отдельные лексемы (например, *оговориться*).

Глаголы типа *обезумить* включены в базу данных как содержащие префикс *о-* в соответствии с [Townsend 1968: 143], а не префикс *обез-*, как предложено в [Пацюкова 2009].

Количество лемм, которые глагол представляет в базе данных, соответствует не количеству его словарных значений, а количеству значений, выделяемых в рамках моей модели полисемии приставок *о-*, *об-* и *обо-*.

Изначально база данных включала 924 глагола, в окончательном виде она составила 1037 глаголов и доступна в формате Excel на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>.

2.3. Когнитивная модель полисемии: Радиальная сеть значений и их взаимосвязи

В результате работы с корпусными данными была составлена семантическая радиальная сеть, включающая пятнадцать взаимосвязанных словообразовательных подзначений, организованных вокруг пространственного прототипа. Оказалось, что семантику всех трех приставок можно описать в рамках единой семантической модели.

Как показал анализ лексического материала, каждое из выделенных значений может быть выражено любой из трех рассмотренных приставок (см. Рисунок 1)⁹. Представ-

⁷ На сходство данных направлений неоднократно указывалось в литературе, см. [Рахилина 1998: 278; Янда 2000: 15; Janda 2010: 4].

⁸ В этом мой анализ отличается от анализа [Кронгауз 1998], где все рефлексивы рассматриваются как отдельные лексемы.

⁹ Полученный результат также поддерживается и исследованием [Roberts 1976; 1981], где было показано, что ни одно из значений, выделенных у приставок *о-*, *об-* и *обо-*, не специализировано ни для одной из них.

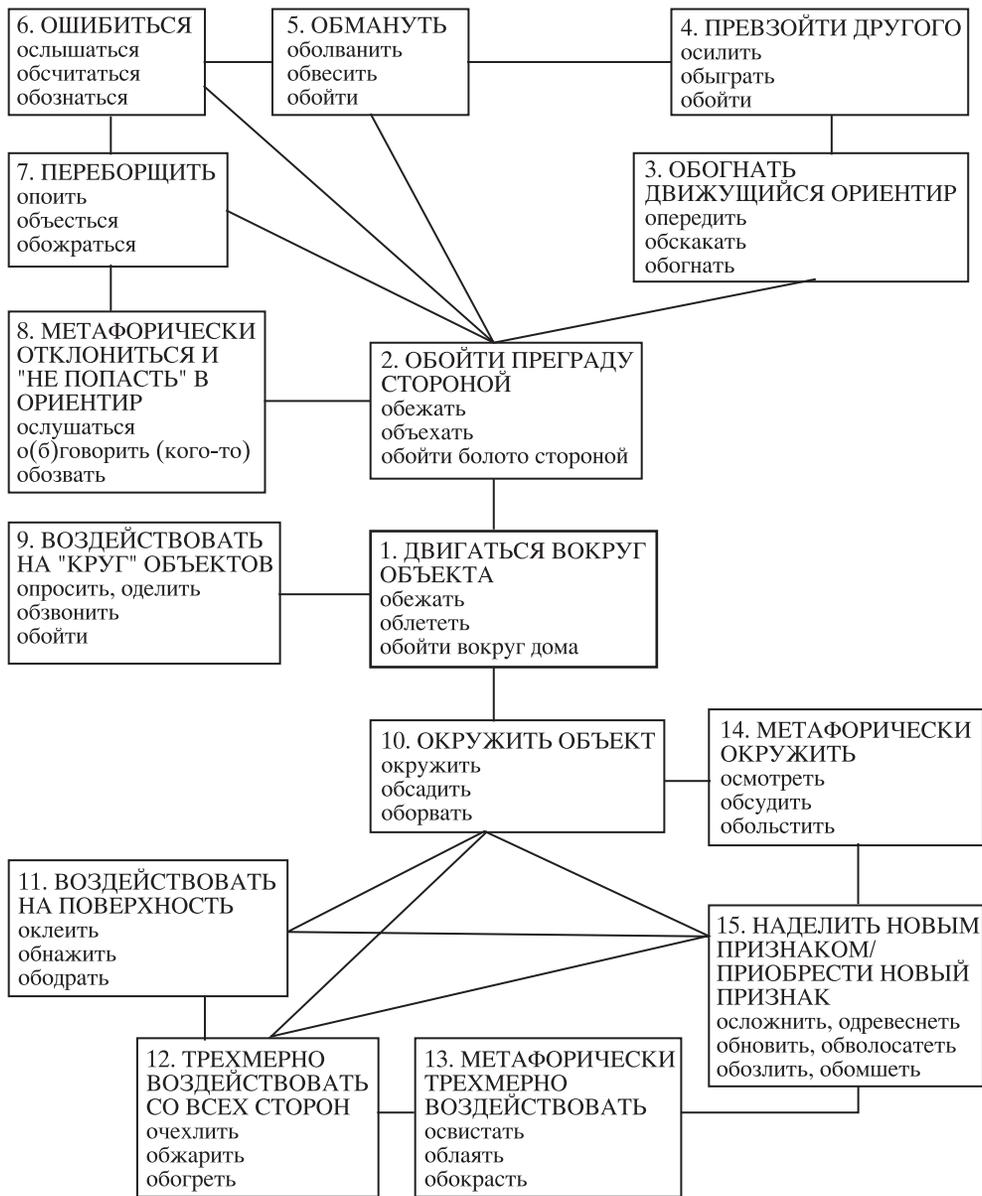

Рис. 1. Радиальная сеть значений приставок *о-*, *об-* и *обо-*

ленная модель полисемии описывает значения именно приставок, а не образованных при их помощи глаголов. Значения приставок были выявлены на основе сопоставления значения приставочного глагола и значения его производящей основы (например, *облететь* < *лететь* + *об-* в значении Двигаться вокруг объекта; *обзвонить* < *звонить* + *об-* в значении Воздействовать на «круг» объектов).

Значения разграничиваются в соответствии с теоретическими положениями когнитивной лингвистики [Taylor 1995: 65–141]. Одни значения предстают как базовые, другие являются производными от них при помощи когнитивных механизмов – метафоры и метонимии. Метонимия обычно отвечает за фокусировку на части исходной

ментальной схемы¹⁰ (image schema), то есть за редукцию ментальной схемы, а метафора переносит исходную ментальную схему из области пространственных отношений в более абстрактные области времени, человеческих отношений, эмоций, качеств и т. п.

Важно отметить, что предлагаемая на рисунке 1 радиальная сеть значений объединяет и пространственные, и фактивные значения в единую модель полисемии и показывает, как они взаимосвязаны.

В центре радиальной сети находится прототипическое значение приставок *о-*, *об-* и *обо-* 1 Двигаться вокруг объекта, которое хорошо представлено в глаголах движения *облететь*, *о(б)бежать*, *обойти* (*вокруг дома*) и др., образованных от глаголов однонаправленного движения *лететь*, *бежать*, *идти*. Это значение соответствует ментальной схеме 1 (см. Рисунок 2), в рамках которой движущийся объект (Trajector) совершает движение вокруг неподвижного ориентира (Landmark), и описанная траектория представляет собой полный круг.

Все остальные значения приставок *о-*, *об-* и *обо-* прямо или опосредованно связаны с прототипическим пространственным значением Двигаться вокруг объекта и на нем основаны. Сначала я приведу краткий обзор приставочных значений, который показывает, как организована радиальная сеть, а потом рассмотрим каждое значение подробно.

Радиальная сеть значений разбивается на две части (графическое изображение в данном случае условно) – верхнюю (значения 2–8) и нижнюю (значения 10–15). Они по-разному интерпретируют пространственный прототип кругового движения. Значение 9 не примыкает ни к верхней, ни к нижней части и подразумевает сложный множественный ориентир (см. ниже).

Значения 2–8 акцентируются на дистанции с ориентиром и дистанцировании от него, ср.: огибание стороны пространственной преграды (*обойти болото стороной*), оставление ориентира-преграды в стороне от траектории субъекта, опережение соперника (*опередить*, *обогреть*), а также значение допущенной ошибки, случайной (*оговориться*) или нарочной (*обсчитать* ‘неодать сдачи’), как метафорическое непопадание в цель, то же самое оставление ориентира в стороне от проходимого субъектом пути.

Значения 10–15 идут по другому пути и развивают полученную от прототипа идею тесного контакта с ориентиром-объектом и воздействия на него, ср.: воздействие на поверхность (*оклеить*, *ободрать*), окружение (*обсадить*, *окружить*) и охват объекта в пространстве (*обжарить*, *очехлить*, *обовишеветь*), метафорическое окружение (*обсудить*, *описать*, *обольстить*) и охват объекта действием (*облаять*, *освистать*, *обокрасть*) и, далее, новым свойством, качеством, предметным и конкретным (*округлить*, *обратить*, *облицевать*, *обледенить*, *обнажить*) или абстрактным (*опечалить*, *обвинить*).

Рассмотрим подробнее, как значения приставок вытекают одно из другого.

Значение 2 Обойти преграду стороной происходит из прототипического значения Двигаться вокруг объекта посредством метонимического переноса, потому что траектория полного круга в данном случае редуцируется до его части, полукруга (ментальная схема 2), или, более того, ее округлость вообще нейтрализуется (ментальная схема 3) и остается главный смысл – пространственное несовпадение с преградой-ориентиром, оставление его за пределами траектории движения, непопадание в точку ориентира. Это значение обнаруживается во многих тех же глаголах движения, что и прототип, но в специальном контексте: *обехать* (*болото*, *опасное место стороной*), *облететь*, *обнести* ‘пронести мимо кого-то, обходя гостей’, а также в глаголах *обогнуть*, *обтечь* независимо от контекста. Редукция исходной траектории полного круга мотивирует все остальные значения в верхней части радиальной сети.

Значение 3 Обогнуть движущийся ориентир основывается на значении Обойти преграду стороной с той разницей, что теперь ориентир тоже движется, как и сам субъект действия: *обогнать*, *обскакать*, *опередить*, *обойти*:

(1) – Помни, что он рождён от кости той знаменитой Исэк-Кырган, которую не могла *обойти* на скачках ни одна лошадь в степи [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)]¹¹.

¹⁰ Возможен также термин «топологическая схема», см. [Рахилина 1998: 307].

¹¹ Все примеры в статье приводятся в соответствии с НКРЯ.

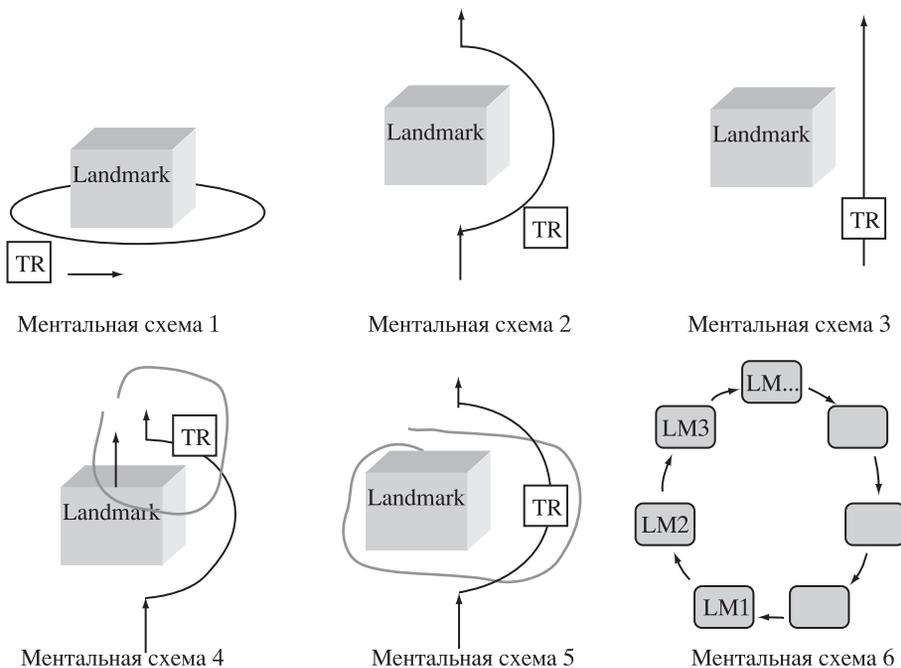

Рис. 2. Ментальные схемы, реализующиеся в значениях приставок *о-*, *об-* и *обо-*

В значении **Обогнать движущийся ориентир** фокус внимания находится только на части траектории (в данном случае это специфическая интерпретация той же ментальной схемы 2, или *construal* [Langacker 2008]), а именно на опережении, как показано в ментальной схеме 4 на рисунке 2.

Значение 4 **Превзойти другого** является метафорическим переносом пространственного значения **Обогнать движущийся ориентир** в область разных видов деятельности, в которых присутствует соперничество людей: *обыграть* ‘победить кого-то в игре’, *обцеловать*, *обловить*, *обороть* (ср.: *необоримое желание*), *осилить*.

Ментальная схема 5 (рисунок 2), фокусирующаяся на моменте отклонения от ориентира, непопадания и несовпадения с ориентиром, мотивирует сразу несколько значений (5–8):

Значение 5 **Обмануть** как «ошибка», сделанная нарочно, для своей выгоды (*обсчитать кого-то*, *обделить*, *обхитрить*, *обвесить*, *обмерить* ‘отмерить намеренно неверно’, *объегорить*, *о(б)лапошить*, *обмануть*, *обдурить*);

Значение 6 **Ошибиться** как случайно сделанный просчет (*ослышаться*, *обсчитаться*, *оговориться*, *обознаться*, *опечататься*, *описаться*, *осечься*, *ошибиться*, *опростодилиться*);

Значение 7 **Переборщить** как «ошибка», сделанная в ущерб себе по причине пропуска нужного правильного предела действия (*объесться*, *обожраться*, *облопаться*, *обтрескаться*, *о(б)лупить*, *обкуриться*, *обхохотаться*, *оборжаться*, *обчитаться* ‘переборщить в чтении’, *обреветься*, *обиептаться*, *обмечтаться*, *обвороваться*, *обыскаться*, *облениваться*, *обузить* ‘слишком заузить’, *обкорнать* ‘слишком много обрезать’);

Значение 8 **Метафорически отклониться и «не попасть» в ориентир** (*обозвать* ‘дать другое имя, использовать кличку вместо имени, «непопадание» в правильное имя’, *оговорить кого-то* ‘оклеветать’, *оболгать кого-то*, *оклеветать*, *ослушаться*).

Значение 9 **Воздействовать на «круг» объектов** основано на ментальной схеме 6. Оно непосредственно связано с прототипическим значением 1 **Двигаться вокруг объекта**, как

показано на рисунке 1, очень продуктивно и хорошо описано в литературе как, например, «тотальное действие» [Кошелев 2004б: 68]. Приставка привносит это значение глаголам движения как однонаправленным (*обойти, облететь, обнести всех*), так и ненаправленным (*оббежать, облазить, объездить*), а также глаголам, описывающим различные виды деятельности (*опросить, обстирать, обитопать, обзвонить, обзанимать*). Объекты-ориентиры, охватываемые действием, все представляются как имеющие одинаковый статус и образуют некий «круг», по которому, как по траектории, движется субъект, охватывая их своим действием.

Все остальные значения представляют ментальную схему 1 и мотивируются прототипическим круговым движением, однако через посредство значения 10 Окружить объект, которое вводит идею тесного контакта с объектом-ориентиром и воздействия на его свойства.

Значение 10 Окружить объект – это пространственное значение. Оно фокусируется на внешних пространственных краях объекта, к которым может нечто присоединяться (*обсадить дом цветами, обвязать, о(б)городить, обмуровать, обстроить, обложить, обставить, обвить, обшить, обмотать*) или, наоборот, отсоединяться (*обкусать, обглодать кусок, о(б)копать, обрывать, объесть по краям, обкрошить, обломать края*), в зависимости от лексического значения мотивирующего глагола. Интересно, что для некоторых глаголов возможны оба направления воздействия: ср.: *огрести* ‘сгрести вокруг или с чего-нибудь, подбирая и выравнивая’ [Ожегов, Шведова 2001].

Важно заметить, что в глаголах с двойной глагольно-именной мотивированностью *опоясать, окружить, ограничить, обнаитовить, обмежевать, о(б)чертить, обуздать, окольцевать, окантовать* приставка одновременно имеет и значение пространственного окружения объекта, и в то же время факитивное значение ‘наделить новым свойством’. В некоторых глаголах, несмотря на отсутствие глагольной мотивирующей основы, пространственное значение окружения в приставке все равно налицо: *окаймить, обрамить, оцепить, окучить*.

Если при значении приставки 10 Окружить объект в сфере воздействия оказываются внешние края и границы объекта-ориентира, то в значении 11 Воздействовать на поверхность воздействие захватывает всю поверхность объекта, а в значении 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон воздействие происходит со всех сторон, в трехмерном масштабе всего объема объекта. Часто в одном и том же глаголе приставка может выражать и значение 11, и значение 12 в зависимости от ситуации (например, *обрызгать* и *острогать* можно только поверхность объекта, а можно и объект со всех сторон). Однако, несмотря на это, можно разграничить Воздействовать на поверхность в глаголах типа *оклеить, отереть, обрить, ошкурить, ошлифовать, отесать, оплевать, ободрать, обтоптать, обшелушить, озеркалить, окрасить, обить (чем-то), огравировать, оцарапать, окропить святой водой, опалить, ошпарить* и Трехмерно воздействовать со всех сторон в глаголах типа *обжарить, обжевать, обклевать, облипнуть, обсосать, облить, обрасти, обмерить, обобрать, обстрелять, о(б)щипать, обхлестать, оцарапать, обклеить, обцеловать, обвешать, облизать, обварить, обвалать, обвертеть, обволочь, обвялить, обгрызть, обкусать, облепить, обмусолить, опутать, обнюхать, обогреть, окутать, общипать*.

Замечу, что есть много приставочных глаголов, мотивированных не глаголом, а именем, в которых приставка точно так же выражает пространственное значение Воздействовать на поверхность (*опалубить, обдернить, оперить(ся), обомшеть, облучить, опаутинить, обнажить, обветрить, о(б)салить(ся), окорить*) и значение Трехмерно воздействовать со всех сторон (*обмундировать, обмохнатеть*). И есть переходные случаи с двойной мотивированностью и, соответственно, двойным пространственно-факитивным значением приставки. Двойное пространственно-факитивное значение приставки в данном случае возникает в результате двойной соотнесенности приставочного глагола и с глагольной мотивирующей основой, и с именной. Так, например, приставка *о-* в глаголе *огрязнить* имеет и пространственное значение Воздействовать на поверхность (при соотнесенности с глаголом *грязнить*), и факитивное значение Наделить

новым признаком (при соотнесенности с прилагательным *грязный*). Двойное пространственно-фактитивное значение приставки имеют в глаголах *обгазить, обгладить, опенить* 'покрыть пеной', *оснежить, обмаслить, обелить, огрязнить, обзеленить, опушить, одряблеть, осеребрить, обволосатеть, обгнуть, огравировать, оштукатурить, облицевать, облысеть, о(б)смолить, оплешиветь, опрыцать, оцетинить(ся)*, где имеет место значение приставки ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ, а также в глаголах *облапать, огранить, округлить, отуманить, оцинковать*, где можно говорить о значении приставки ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ СО ВСЕХ СТОРОН.

Значение 13 МЕТАФОРИЧЕСКИ ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ выражается приставкой в глаголах *обласкать, обругать, обучить, ограбить, обворовать, облаять, обматерить, обхаять, обхамить, облетать (самолет), обкурить (трубку)* и др. Эти глаголы показывают, что многие непространственные действия концептуализируются подобно пространственным глаголам со значением приставки ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ СО ВСЕХ СТОРОН. Воздействие на объект происходит как будто со всех сторон и охватывает объект целиком, при этом возникает особый экспрессивный эффект интенсивности действия: *облаять* означает не просто 'полаять на кого-то', а '«упаковать» кого-то в потоке лая', а *обворовать* подразумевает, что украдены все или многие ценности, а не одна или две. В примере (2) хорошо видно совмещение пространственного и метафорического воздействия:

(2) *Словом, в детстве я был и облелеян, и облизан, и всякое благо в меня вливалось* [В. Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)].

Значение 14 МЕТАФОРИЧЕСКИ ОКРУЖИТЬ связано со значением 10 ОКРУЖИТЬ ОБЪЕКТ посредством метафорического переноса из области пространственных отношений в область человеческих действий, воздействие которых на объект-ориентир концептуализировано как пространственное. Значение МЕТАФОРИЧЕСКИ ОКРУЖИТЬ выражается приставкой в глаголах *обдумать, обрисовать, обговорить, обольстить, обсудить, описать, обыграть что-то* 'использовать с определенной целью в ситуации', *обжить (новую квартиру), о(б)смотреть*.

Глаголы с двойной мотивированностью находятся и здесь: *очаровать, одурманить, обмыслить, обмозговать*. Эти глаголы имеют одновременно и глагольную мотивирующую основу (*очаровать < чаровать, обмыслить < мыслить*), и именную мотивирующую основу (*очаровать < чары, обмыслить < мысль*) и, таким образом, служат связующим звеном между значением МЕТАФОРИЧЕСКИ ОКРУЖИТЬ и значением НАДЕЛИТЬ НОВЫМ ПРИЗНАКОМ.

Значение 15 НАДЕЛИТЬ НОВЫМ ПРИЗНАКОМ / ПРИОБРЕСТИ НОВЫЙ ПРИЗНАК выражается приставкой во многих уже приведенных глаголах с двойной глагольно-именной мотивированностью, а также во многих других, имеющих только именную производящую основу. Можно выделить следующие структурно-семантические подтипы:

1) СДЕЛАТЬ КАКИМ (отадъективные фактитивные глаголы типа *оголить, обновить, облегчить*),

2) СДЕЛАТЬСЯ КАКИМ (отадъективные инхоативные глаголы типа *оглупеть*),

3) ДАТЬ ЧТО (отыменные фактитивные глаголы типа *обвинить, оценить, окрылить, опоясать*),

4) ПРИОБРЕСТИ ЧТО (отыменные инхоативные глаголы типа *обомшеть, опаматовать*).

Важно заметить, что, с одной стороны, глаголы с фактитивно-инхоативным значением приставки включают лексемы с конкретным пространственным значением (*опоясать, оголить, обомшеть*), которые явно соотносятся с описанными выше пространственными значениями ОКРУЖИТЬ ОБЪЕКТ, ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ и ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ СО ВСЕХ СТОРОН, а с другой стороны, фактитивно-инхоативные глаголы включают лексемы, описывающие физическое и психическое состояние человека (*опьянить, оглупеть, огорчить, опечалить, окаменеть*) и, таким образом, непосред-

ственно связаны со значениями **МЕТАФОРИЧЕСКИ ОКРУЖИТЬ** и **МЕТАФОРИЧЕСКИ ТРЕХМЕРНО ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ**¹². Иными словами, фактитивно-инхоативное значение **Наделить новым признаком / Приобрести новый признак** оказывается закономерным и тесно связанным с пространственными и метафорическими значениями приставок в рамках предложенной модели полисемии.

2.4. Радиальные профили приставок *о-*, *об-* и *обо-*

Как показано на рисунке 1, семантика всех трех приставок описана в пределах единой модели полисемии, где все значения, в том числе пространственные и непространственные, взаимосвязаны, вытекают одно из другого и мотивируются одним пространственным прототипом. Однако при этом в рамках предложенной радиальной сети значений приставки активны неодинаково и имеют различные профили, то есть различные «центры тяжести» определенных участков семантической сети.

Так, например, как видно из таблицы 2, значение 1 **Двигаться вокруг объекта** выражается приставкой *об-* чаще (найдено 13 глаголов), чем приставкой *о-* (найдено 4 глагола). Приставка *об-* обнаруживает бóльшую активность (частотность), чем *о-*, и в ряде других значений, представленных в таблице 2. Те значения, в которых *об-* доминирует, являются «центром тяжести» этой приставки в радиальной сети значений. Этот «центр тяжести» приставки я называю ее **радиальным профилем**, или **профилем радиальной категории**, согласно [Neset et al. 2011]. Так, разделяя общую радиальную сеть значений, приставки *о-* и *об-* имеют разные профили этой сети, то есть имеют разную продуктивность при выражении общих для них значений.

Радиальные профили приставок состоят из участков их наибольшей активности, которые выявляются при сопоставлении количества глаголов, содержащих приставку *о-* или *об-* с тем или иным значением. Таблица 2 суммирует распределение всех глаголов по трем приставкам и их значениям.

Наибольший интерес представляют количественные данные, составляющие радиальные профили приставок *о-* и *об-*. Оставляя в стороне употребление *обо-*, диаграмма 1 визуализирует распределение приставок *о-* и *об-* по выражаемым ими значениям. Слева от диаграммы приведен список приставочных значений. Сама диаграмма показывает процентное соотношение количества существующих глаголов с приставками *о-* (выделено на графике светло-серым цветом) и *об-* (выделено темно-серым цветом) для каждого значения или группы значений (см. об этом ниже). Процентное соотношение *о-* и *об-* визуализировано и может быть уточнено в соответствии со шкалой процентов, которая находится под диаграммой. Числа, представленные на диаграмме 1, соответствуют количеству найденных глаголов с приставками *о-* и *об-* в тех значениях, которые приведены в таблице 2.

Большинство значений приставок представлены на диаграмме 1 по отдельности. Некоторые близкие значения сгруппированы. Это сделано потому, что, взятые по отдельности, они представлены в слишком малом числе приставочных глаголов, недостаточном для проведения статистического анализа. Группировка пространственных значений **Двигаться вокруг объекта**, **Обойти преграду стороной** и **Воздействовать на «круг» объектов** мотивирована не только близостью этих значений, но и доминантной ролью приставки *об-* для каждого из них. Таким образом, количественное противопоставление *о-* и *об-* в данном случае не нарушается. Значения **Трехмерно воздействовать** и **Метафорически трехмерно воздействовать** сгруппированы по тому же принципу – на основе их семантической близости и количественного преобладания приставки *об-* в обоих значениях.

¹² Связь метафорических значений приставки *о(б)-* в глаголах чувств и эмоций с пространственным значением окружения обсуждается на материале словенского языка в работе [Będkowska-Korczyk 2012: 26, 33] на примере глаголов *občutiti* ‘почувствовать’, *ogorčiti* ‘огорчить’, *ostrasiti* ‘испугать’, *odreveneti* ‘одеревенеть’, *okamneti* ‘окаменеть’ и др.

Распределение приставочных глаголов по трем приставкам и их значениям

№	Значение приставки		о-	об-	обо-
1	Двигаться вокруг объекта		4	13	1
2	Обойти преграду стороной		2	6	1
3	Обогнуть движущийся ориентир		1	1	2
4	Превзойти другого		3	4	1
5	Обмануть		4	12	1
6	Ошибиться		8	1	1
7	Переборщить		5	23	2
8	Метафорически отклониться и «не попасть»		4	2	3
9	Воздействовать на «круг» объектов		6	30	1
10	Окружить объект		25	35	2
11	Воздействовать на поверхность		116	89	3
12	Трехмерно воздействовать со всех сторон		24	79	4
13	Метафорически трехмерно воздействовать		5	32	3
14	Метафорически окружить		13	16	2
15	Наделить / приобрести новый признак	Сделать каким	180	35	1
		Сделаться каким	151	23	1
		Дать что	103	33	1
		Приобрести что	25	5	1

Количественное распределение глаголов с приставками *о-* и *об-* по приставочным значениям отражает определенную связь между формой приставки и ее профилем радиальной категории, то есть набором тех значений, которые она, согласно лексическим данным, «стремится» выражать. Как показал статистический анализ, эта связь является статистически высоко значимой¹³. Рассмотрим подробнее радиальные профили приставок *о-* и *об-*.

Мы видим, что в выражении значения 15 Наделить новым признаком / приобрести новый признак, а также значения 6 Ошибиться значительно преобладает приставка *о-*, а в выражении пространственных значений 1 Двигаться вокруг объекта, 2 Обойти преграду стороной, 9 Воздействовать на «круг» объектов, 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон, а также переносных значений 14 Метафорически трехмерно воздействовать, 5 Обмануть и 7 Переборщить превалирует приставка *об-*.

¹³ О высокой статистической значимости говорят результаты теста Пирсона, который показал, что хи-квадрат = 296.3615, количество степеней свободы (df) = 7, пи-величина < 2.2e-16. Далее, коэффициент Крамера позволил определить силу связи между исследуемыми переменными (переменная 1 – приставка *о-* vs. *об-*; переменная 2 – профильный для приставки набор значений): коэффициент Крамера может принимать значения от 0 до 1, от полного отсутствия связи до максимально сильной связи. В данном случае коэффициент Крамера равен 0.5, что оценивается как сильная связь исследуемых переменных (ср. общую шкалу 0.1 – слабая связь, 0.3 – средняя, 0.5 – сильная [King, Minium 2008]).

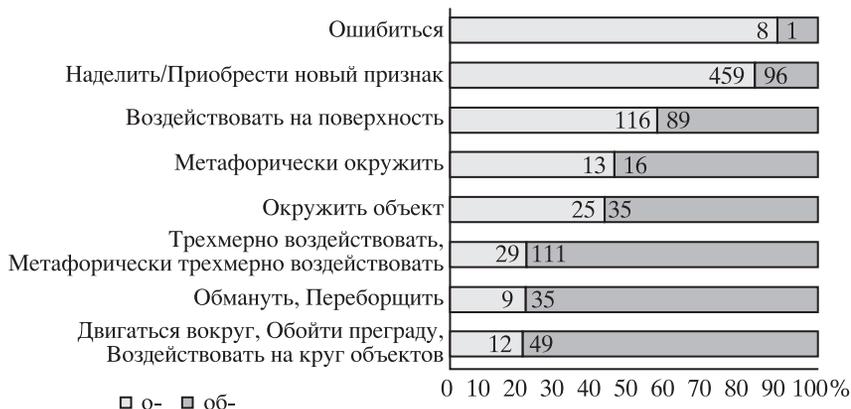

Диаграмма 1. Частотность выражения различных значений приставками *o-* и *ob-*

При этом видно, что в выражении пространственных значений 10 Окружить объект и 11 Воздействовать на поверхность, а также переносного значения 14 Метафорически окружить две приставки имеют близкую друг к другу частотность. Кроме того, обе приставки задействованы в выражении всех пятнадцати значений, что подтверждает их тесную связь. Диаграмма 1 показывает, что распределение приставок в пределах их общей полисемии представляет собой скорее континуум, чем строгое противопоставление.

Нужно отметить, что семантическая специализация приставок также имеет градуальную природу. Так, например, в таких минимальных парах глаголов, как *обсудить* – *осудить*, *обжить* – *ожить* семантические различия двух вариантов достаточно сильны: *ob-* реализует значение 14 Метафорически окружить (ср. также: *обдумать*, *обрисовать*, *описать*, *обделать*, *околдовать*, *обворожить*), а *o-* выражает факitivное значение 15 Наделить новым признаком, более абстрактное и дальше отстоящее от пространственного прототипа кругового движения. При этом оба значения связаны и входят в единую сеть полисемии. Оба значения одновременно выражаются приставками в таких глаголах, как *одурманить* и *очаровать*. В глаголах *обогреть* – *огреть*, на первый взгляд таких разных, мы видим значение 12 Трехмерно воздействовать со всех сторон у приставки *обо-* и близкое ему значение 11 Воздействовать на поверхность у приставки *o-*. Однако, если в парах *обсудить* – *осудить*, *обжить* – *ожить*, *обогреть* – *огреть* разные семантические оттенки приставок приводят к существенным различиям значений глаголов, то в таких парах, как *обледенить* – *оледенить* расставляемые приставками акценты приводят уже к меньшему семантическому различию производных глаголов, а в парах типа *обсыпать (сахаром)* – *осыпать (золотом)* разница сдвинута уже в план стилистики и сочетаемости. Наконец, различие между *об-стричь* и *o-стричь*, *оббежать* и *o-бежать* уже едва ощутимо, а приставки легко взаимозаменяемы. Так, мы видим, что степени различия приставок *o-* и *ob-*, присоединяемых к одним и тем же основам, бывают разными и образуют шкалу, полюсами которой являются четкое противопоставление вариантов с одного конца и полная идентичность значения с другого конца.

Развитие семантических различий у сосуществующих вариантов морфемы является абсолютно естественным, поскольку различия в плане выражения приводят к различиям в плане содержания. Поэтому вопрос о семантических различиях *o-* и *ob-* решается очень просто, ведь все они укладываются в единую сеть подзначений, которые хоть и различаются, но пересекаются, вытекают одно из другого и тесно связаны друг с другом.

2.5. Статистический анализ

При профилировании радиальной сети значений для приставок *о-* и *об-* был рассмотрен только семантический фактор. Чтобы учесть взаимодействие фонологии и семантики и их возможную корреляцию с распределением приставок по глаголам, был дополнительно проведен статистический анализ¹⁴.

В качестве статистической модели для анализа послужила порядковая линейная регрессия. В качестве факторов были учтены мотивирующая основа, частотность глагола в НКРЯ, наличие одиночного начального согласного или сочетания согласных в производящей основе, место и способ образования начального согласного основы, а также место ударения в приставочном глаголе (на основе или на тематическом гласном).

Анализ показал, что статистически значимо с выбором приставки коррелирует в корпусных данных только способ образования начального согласного основы¹⁵, особенно наличие сонанта, и тип мотивирующей основы (глагольная, именная, адъективная основы)¹⁶, особенно наличие глагольной мотивирующей основы. Так, глагольная мотивирующая основа и наличие сонорного согласного в ее начале, как правило, являются залогом наличия приставки *об-*. Остальные протестированные переменные не обнаружили статистически значимой корреляции с выбором приставки. Таким образом, результат статистического анализа корпусных данных в целом соответствует ожиданиям гипотезы морфологического расщепления. Имеет смысл рассмотреть задействованные словообразовательные модели и типы производящих основ более пристально.

2.6. Словообразовательная модель и переходные случаи

Согласно гипотезе морфологического расщепления, морфемы *О-* и *ОБ-* четко разведены по двум словообразовательным моделям: морфема *ОБ-* задействована в отглагольном словообразовании, тогда как морфема *О-* входит в состав конфиксов *о-...-ить* и *о-...-еть* и предназначена для отыменного словообразования.

Проведенный мной словообразовательный анализ собранных глаголов позволяет скорректировать эти утверждения. Таблица 3 показывает, что приставочные глаголы, соотносящиеся и с глагольной, и с именной мотивирующей основой (такие как *обвинить* < *винить*, *вина*; *опьянить* < *пьянить*, *пьяный*) очень частотны и составляют

- подавляющее большинство естественных перфективов (видовых коррелятов глаголов несовершенного вида): 150 (77%) глаголов из 195 (= 150 + 45) общего количества естественных перфективов, согласно 2 и 3 строкам таблицы 3;
- почти 1/3 специализированных перфективов (согласно терминологии [Janda 2007]): 182 глагола в 5 строке таблицы составляют около 31% от общего количества специализированных перфективов (406 + 182 = 588).

Взятые вместе, глаголы с двойной мотивированностью составляют 332 (150 + 182, выделено в таблице серым цветом) лексемы, или 32% всех глаголов с тремя рассматриваемыми приставками. Такие случаи являются промежуточными между отглагольным и отыменным словообразованием и показывают, что две словообразовательные модели разграничиваются не столь четко и однозначно, а индивидуальные примеры образуют скорее континуум, чем бинарную оппозицию.

¹⁴ Я бы хотела поблагодарить Л.А. Янду за помощь в проведении этого статистического анализа. Более подробные сведения об этом статистическом исследовании, данные и программу на языке R можно найти в [Baudimirova 2010: 60, 180] и на указанном выше сайте.

¹⁵ Высокая статистическая значимость согласно следующим результатам: хи-квадрат = 153.77, количество степеней свободы (df) = 3, пи-величина < .0001.

¹⁶ Высокая статистическая значимость согласно следующим результатам: хи-квадрат = 170.04, количество степеней свободы (df) = 3, пи-величина < .0001.

Типы глаголов совершенного вида, образуемые тремя приставками

Тип глагола совершенного вида	Определение	Пример	Количество
Естественный перфектив	Образует видовую пару с бесприставочным имперфективом, содержит якобы «чистовидовую» приставку	<i>обстричь, оцарапать, остынуть</i>	45
Естественный перфектив и одновременно Фактитивный перфектив	Естественный перфектив, который имеет и глагольную, и именную мотивирующую основу	<i>округлить, облицевать, опечалить, опьянить</i>	150
Специализированный перфектив	Приставка меняет лексическое значение производящего глагола несовершенного вида	<i>ожить, обречь, обогнать</i>	406
Специализированный перфектив и одновременно Фактитивный перфектив	Специализированный перфектив, который имеет и глагольную, и именную мотивирующую основу	<i>обвинить, обострить, обмаслить, обледенить</i>	182
Фактитивный перфектив (включает фактитивы и инхоативы)	Глагол совершенного вида, имеющий только именную мотивирующую основу и не имеющий глагольной мотивирующей основы	<i>окрылить, обновить, обомшеть</i>	222
Дезтимологизированный перфектив	Мотивирующая основа неясна с синхронной точки зрения	<i>обмануть, обнять, облачить</i>	32
Сумма			1037

2.7. Результат тестирования гипотезы на лексических данных

Анализ лексического фонда современного русского языка, отраженного в НКРЯ, позволил протестировать гипотезу морфологического расщепления. Статистический анализ выявил статистическую значимость двух факторов – типа производящей основы и места образования начального согласного основы – в распределении приставок по глаголам. Этот результат свидетельствует о тенденции приставок *о-* и *об-* к фонетическому и структурно-семантическому распределению. Однако этот контраст нельзя наблюдать на всем объеме лексических данных.

Количество приставочных глаголов с двойной мотивацией (глагольной и именной) составило 32% всех глаголов, что противоречит ожидаемому в соответствии с гипотезой о расщеплении четкому противопоставлению двух приставок. Кроме того, когнитивный анализ значений приставок позволил описать их в рамках единой модели полисемии и показать взаимосвязь пространственных и непространственных значений.

Профилирование радиальной сети значений, с одной стороны, подтвердило частотность использования *об-* для выражения ряда пространственных значений, а *о-* – для выражения фактитивного и инхоативного значений. С другой стороны, была выявle-

на значительная доля семантического пересечения в употреблении приставок, а также частотность приставки *о-* при выражении некоторых пространственных значений. Кроме того, обнаружилось большое количество отыменных и отадективных глаголов, в которых приставка *о-* одновременно выражает и фактитивное, и пространственное значение.

Так, исследование лексического материала подтверждает наличие тенденции в разграничении употребления приставок *о-* и *об-*, однако обнаруживает и их тесную связь и пересечение, а последнее не позволяет считать их отдельными друг от друга самостоятельными морфемами.

Поскольку анализ лексического материала допускает различные интерпретации, возможным решением проблемы является проведение лингвистического эксперимента, который бы выявил стратегии выбора приставки в зависимости от заданных в стимуле факторов. В следующем разделе речь пойдет как раз о составлении, проведении и результатах такого эксперимента.

3. ЭКСПЕРИМЕНТ

Анализ существующего лексического фонда имеет один недостаток. Любой может попытаться оспорить полученные результаты лишь на том основании, что приставки в существующих глаголах настолько срослись с основой, настолько идиоматизировались и «лексикализировались», что при порождении высказывания на самом деле не происходит никакого активного выбора приставки говорящим, а приставочный глагол воспроизводится вместе с «вросшей» в него приставкой. Это, конечно, не отменяет результатов проведенного анализа лексического состава приставочных глаголов, поскольку выявляет объем лексической компетенции носителя русского языка вместе с описанной сетью взаимосвязанных значений, входящих в полисемию единой морфемы. Однако такой анализ не позволяет сделать уверенные выводы о том, как происходит выбор приставки при образовании абсолютно новых слов, какие модели продуктивны, а ведь именно этот аргумент является центральным для сторонников разноморфемности *о-* и *об-*. До сих пор эти механизмы лингвисты пытались описать на основе анализа отдельных окказиональных образований. Мы провели эксперимент, специально направленный на выявление продуктивных механизмов словопорождения носителей современного русского языка.

3.1. Цель, дизайн, участники и процедура проведения эксперимента

Целью эксперимента было протестировать гипотезу морфологического расщепления на механизмах порождения новых слов носителями русского языка. Главная идея эксперимента заключалась в том, чтобы собрать данные о выборе приставки носителями языка в заданных условиях воздействия трех возможных факторов:

- 1) семантики (пространственное или фактитивное значение);
- 2) фонологии (начальные фонемы мотивирующей основы);
- 3) просодики (место ударения мотивирующей основы).

Именно эти факторы стали тремя главными параметрами, которые определили структуру эксперимента. Для того чтобы выявить, как каждый из трех факторов воздействует на выбор приставки, и измерить степень воздействия каждого фактора по отдельности, факторы были разведены при помощи использования трех типов анкеты: А, В и С. Каждому участнику эксперимента предъявлялся только один тип анкеты. В каждой анкете испытуемому давался ряд коротких нарративов длиной в два-три предложения, в одном из которых был пропущен глагол. Пропуск был выделен многоточием. Задачей каждого испытуемого было вставить в пропуск глагол, образовав его при помощи одной из трех приставок *о-*, *об-* или *обо-*, использовав предложенное слово, приведенное перед нарративом. Этим словом в анкетах А и В был глагол движения типа *лететь*,

бежать, а в анкете С – прилагательное типа *русский, живой* и др. После ознакомления с инструкцией и несколькими примерами выполнения задания участник эксперимента должен был прочитать вслух все нарративы, на ходу вставляя в пропуски образуемые им приставочные глаголы.

Нужно заметить, что если предложенные на выбор три приставки были всегда одни и те же, то предлагаемые глаголы и прилагательные были очень разнообразны. В анкетах А и В существующие в русском языке слова типа *бежать, вести, знать, катить, нести* перемежались с квазисловами¹⁷ типа *гузвить, лоприть, чавить, знупить, жгавить*, а в анкете С слова типа *светлый, грубый, сложный, немецкий* перемежались, соответственно, с такими квазисловами, как *гузвый, лопрый, чавый, знупый, жгавый* и т. д. Таким образом в стимулы вводилась вторая переменная, а именно начальные фонемы мотивирующей основы. Одна и та же квазиоснова *гузв-, лопр-, знуп-* и т. п. предъявлялась одной группе испытуемых в виде глагола, а другой группе – в виде прилагательного. Так, например, стимульный глагол типа *гузвить* обязательно задавал пространственное значение порождаемого целевого глагола и его приставки Двигаться вокруг объекта, а ожидаемый ответ для фонологически непроблемных основ (с шумными начальными согласными) был ОБ-: *обгузвить*. По тому же принципу стимульное прилагательное типа *гузвый* обязательно задавало факитивное значение порождаемого целевого глагола и его приставки Сделать каким, а ожидаемый ответ для основ с шумными начальными согласными содержал приставку О-: *огузвить*. Таким образом, семантика приставки была задана через морфологический маркер стимула (глагол или прилагательное) и семантику контекста, а начальные фонемы и место ударения стимула задавали переменные фонематического и просодического факторов.

С помощью квазислов оказалось возможным протестировать различные одиночные согласные фонемы, а также несколько начальных сочетаний согласных. Поскольку наличие беглой гласной в русском языке определяется на уровне индивидуальных реальных лексем, в непроемных стимульных квазисловах обеспечить присутствие беглой гласной было невозможно. Также в целях сохранения оптимальной длины эксперимента в случаях наличия парных согласных по твердости / мягкости пришлось ограничиться твердыми согласными фонемами, то есть в эксперимент были включены начальные согласные *б, л, з*, но не *б', л', з'* (твердость начального согласного была задана посредством выбора букв *а, о, у* для обозначения корневого гласного, тогда как буквы *я, ё, ю, и, е* были исключены). Однако были включены в эксперимент три мягкие согласные фонемы *й (j), ч и ц*, не имеющие твердых аналогов.

В таблице 4 приведен полный список квазислов, использованных в эксперименте, а также ожидаемые согласно гипотезе о морфологическом расщеплении ответы испытуемых. Серым цветом выделены те одиночные начальные согласные, перед которыми согласно фонологическим правилам, ранее суммированным в таблице 1, возможны и *о-*, и *об-*, то есть выбор приставки определяется факитивным либо пространственным значением приставки (и целевого глагола) и ожидается максимально чистый семантический контраст между морфемами О- и ОБ-. Важно, что фонетически ни той, ни другой приставке такие контексты не отдают предпочтения, поэтому именно на них тестируется действие предполагаемого семантического фактора, заданного через часть речи стимула и, соответственно, применимую к нему словообразовательную модель – конфиксальный либо приставочный способ образования. Начальные сонорные согласные, а также *б, п и в* имеют фонологические предпочтения в пользу той или иной приставки, но в то же время допускают обе, хоть и в неравной степени (вспомним *о(б)бежать*, а также *обновить*, но *онеметь*; *обмиричить*, но *омолодить*). Для такого рода «проблемных» фонологических контекстов в таблице 4 приводятся оба возможных приставочных варианта, при этом вариант, ожидаемый в меньшей степени, дается в скобках.

¹⁷ Использование квазислов в данном случае вполне оправданно и является широко применимой практикой в экспериментальных исследованиях такого рода [Gor, Chernigovskaya 2003; Rodina 2007; Makarova 2009].

Стимулы и ответы, ожидаемые в соответствии с гипотезой о морфологическом расщеплении

согл.	Стимулы квазиприл.	Ожидаемые целевые глаголы	Стимулы квазигл.	Ожидаемые целевые глаголы
б	бостый	о-бостить	бостить	о-бостить (об-бостить)
	буклый	о-буклить	буклить	о-буклить (об-буклить)
в	вурлый	об-вурлить (о-вурлить)	вурлить	об-вурлить
	важдый	об-важдить (о-важдить)	важдить	об-важдить
г	гузвый	о-гузвить	гузвить	об-гузвить
	габый	о-габить	габить	об-габить
д	дуктый	о-дуктить	дуктить	об-дуктить
	дамлый	о-дамлить	дамлить	об-дамлить
ж	жахлый	о-жахлить	жахлить	об-жахлить
	жусклый	о-жусклить	жусклить	об-жусклить
з	зопрый	о-зоприть	зоприть	об-зоприть
	зупый	о-зупить	зупить	об-зупить
й (j)	юпый	объ-юпить (о-юпить)	юпить	объ-юпить
	ялый	объ-ялить (о-ялить)	ялить	объ-ялить
к	кочлый	о-кочлить	кочлить	об-кочлить
	кампый	о-кампить	кампить	об-кампить
л	лусый	об-лусить (о-лусить)	лусить	об-лусить
	лопрый	об-лоприть (о-лоприть)	лоприть	об-лоприть
м	мурлый	об-мурлить (о-мурлить)	мурлить	об-мурлить
	момлый	об-момлить (о-момлить)	момлить	об-момлить
н	надый	об-надить (о-надить)	надить	об-надить
	нокрый	об-нокрить (о-нокрить)	нокрить	об-нокрить
п	пурый	о-пурить	пурить	о-пурить (об-пурить)
	патлый	о-патлить	патлить	о-патлить (об-патлить)
р	роглый	об-рогнуть (о-рогнуть)	рогнуть	об-рогнуть
	ражрый	об-ражнить (о-ражнить)	ражнить	об-ражнить
с	саглый	о-сагнуть	сагнуть	об-сагнуть
	сурый	о-сурить	сурить	об-сурить
т	тулый	о-тулить	тулить	об-тулить
	товый	о-товить	товить	об-товить
х	хопый	о-хопить	хопить	об-хопить
	хушный	о-хушнить	хушнить	об-хушнить
ц	цавый	о-цавить	цавить	об-цавить

ч	чупый	о-чупить	чупить	об-чупить
	чавый	о-чавить	чавить	об-чавить
ш	шадрый	о-шадрить	шадрить	об-шадрить
	шаклый	о-шаклить	шаклить	об-шаклить
щ	щулый	о-щулить	щулить	об-щулить
гн	гнорый	о-гнорить	гнорить	об-гнорить (обо-гнорить)
жр	жрапый	о-жрапить	жрапить	обо-жрапить
зн	знупый	о-знуть	знуть	об-знуть (обо-знуть)
чт	чтусый	о-чтусить	чтусить	обо-чтусить
жг	жгавый	о-жгавить	жгавить	обо-жгавить
сп	спулый	о-спулить	спулить	об-спулить
ск	сколый	о-сколить	сколить	об-сколить
тк	ткабый	о-ткабить	ткабить	обо-ткабить

В нижней части таблицы 4 подчеркиванием выделены те начальные сочетания согласных, которые в русском языке, как правило, не встречаются с предшествующим б: *бжр, *бчт, *бжг, *бтк [McGranahan 1975: 14, 15], в противопоставление возможным бгн, бзн, бсп и бск, засвидетельствованным в таких глаголах, как *обгнить*, *обзнакомиться* [Ефремова 2000], *обспрашивать* и *обскакать*. В случае начальных сочетаний согласных в зависимости от семантики приставки ожидается выбор либо *о-* для передачи фактитивного значения, либо *об-* и *обо-* для передачи пространственного значения. Для передачи последнего в случае труднопроизносимости или невозможности возникающего сочетания согласных типа *бжр выбор должен делаться в пользу *обо-*, а не *о-*, согласно иерархии алломорфов морфемы ОБ- (см. таблицу 1).

Все квазисловы были смонтированы не с помощью компьютерной порождающей программы, а «вручную», с учетом особенностей фонотактики русского языка. При создании экспериментальных квазислов я руководствовалась хорошо описанным в литературе методом: каждое квазислово создавалось на основе существующей в русском языке лексемы в результате минимальной модификации ее облика [Макарова 2009: 32]. Например, квазиприлагательное *лусый* было получено из реального прилагательного *лысый* путем замены корневой гласной, а квазиглагол *пурить* – из существующих глаголов *бурить* и *дурить* путем замены начального согласного. Однако соблюсти этот принцип получалось не всегда: например, созданное на основе реального прилагательного квазиприлагательное (а точнее его основа) не обязательно соотносилось с основой существующего глагола. Поэтому, чтобы добиться естественности фонологического облика квазислов, использовалась информация о русских согласных и сочетаниях согласных, возможных и частотных в начале и в конце основы слова (обратный словарь [Греве, Крёше 1958–1959], исследование [McGranahan 1975]), а также моя собственная интуиция носителя русского языка. С другой стороны, при создании квазислов было необходимо соблюсти баланс и избежать их излишней близости реальным основам, образующим в русском языке реальные слова с приставками *о-*, *об-* и *обо-*, чтобы исключить возможность возникновения нежелательных ассоциаций с последними, в большей или меньшей степени навязывающих выбор приставки. По словам многих испытуемых, квазислова часто воспринимались как незнакомые архаичные или диалектные, что, на наш взгляд, отвечало задачам и целям эксперимента.

Использование квазислов вызвало необходимость учета дополнительного возможного фактора – просодики¹⁸. Если ударение в квазиприлагательных было задано благодаря окончанию *-ый* (*гузвый*), то квазиглагольные стимулы теоретически могли иметь ударение и на основе (*гузвить*), и на тематическом гласном (*гузвить*). Чтобы учесть место ударения как возможный фактор, оказывающий воздействие на выбор приставки, глагольный тип анкеты был разделен на два подвида – анкеты подтипа А, где все стимулы были глаголами с ударением на основе, и анкеты подтипа В, где все стимулы были глаголами с ударением на тематическом гласном.

Таблица 5 обобщает распределение типов стимулов (глагол с ударением на основе; глагол с ударением на тематическом гласном; прилагательное), типов анкет (А, В, С) и семантических типов ожидаемых целевых глаголов (глаголы движения и фактивные глаголы).

Таблица 5

Типы анкет и распределение информантов

Испытуемые	Целевые глаголы	Ожидаемый ответ	Стимулы	Пример стимула	Анкета	Кол-во испытуемых
Группа 1	Глаголы движения	<i>об-гузвить</i>	Глаголы	<i>гузвить</i>	А	15
				<i>гузвить</i>	В	15
Группа 2	Фактивные глаголы	<i>о-гузвить</i>	Прилагательные	<i>гузвый</i>	С	30

Ниже приведены примеры экспериментальных заданий, типичных для каждого из трех типов анкет:

Анкета А

Гузвить – (о птице) прихрамывать, притворяясь, что одно крыло сломано.

Птица заметила лису и стала манить ее прочь от гнезда. Приподняв одно крыло, как будто оно было сломано, птица отбежала чуть подальше, вокруг камня, и, подождав, когда лиса последует за ней, взмыла вверх.

Анкета В

Гузвить – (о птице) прихрамывать, притворяясь, что одно крыло сломано.

Птица заметила лису и стала манить ее прочь от гнезда. Приподняв одно крыло, как будто оно было сломано, птица отбежала чуть подальше, вокруг камня, и, подождав, когда лиса последует за ней, взмыла вверх.

¹⁸ Влияние ударения на выбор приставок *о-*, *об-* и *обо-*, насколько мне известно, еще не было объектом специального исследования. Воздействие ударения на выбор приставки отмечали некоторые участники пилотного варианта моего эксперимента. Это заставило обратить на просодический фактор особое внимание. Я провела исследование корреляций ударения и типа приставки на основе 809 реальных приставочных глаголов (а именно глаголов, имеющих ударение на том же слоге, что и в мотивирующей основе), входящих в лексикон русского языка. Результаты подробно описаны в [Baydimirova 2010: 70–74], здесь же ограничусь лишь наблюдением о том, что приставка *обо-* может быть присоединена только к основе с ударением на начальном слоге. Это показало, что в эксперименте тип квазиприлагательных нужно задать именно как *ткабий*, а не *ткабой*, чтобы создать по возможности оптимальные условия для присоединения каждой из трех приставок.

Гузвый – красочный.

Пришла осень и принесла с собой свежесть, ветер и новые краски. Осень раскрасила листья в золото и пурпур, застелила тропы мягким ковром, превратила лес в богато украшенный, гузвый терем. Осень-мастерица постаралась на славу, преобразила лес,

Как видно из примеров заданий, нужное значение пропущенного целевого глагола задавалось не только с помощью морфологического типа слова-стимула (глагол или прилагательное), но и с помощью самого контекста предложения. Более того, слово-стимул всегда сопровождалось краткой дефиницией. Примеры анкет и дефиниции всех квазислов можно найти на сайте <http://ansatte.uit.no/laura.janda/AEOB/AEOB.html>. Следует объяснить, почему испытуемым предлагались именно такие дефиниции. Форумулировки могут показаться странными, но их форма далеко не случайна (см. об этом ниже).

Если в языке пространственное и фактитивное значения связаны обширной зоной глаголов «переходного» типа, в которых приставка потенциально выражает оба значения, а сам глагол зачастую соотносится и с глагольной, и с именной производящими основами (*окольцевать* < *кольцевать*, *кольцо*), то в рамках эксперимента пространственное и фактитивное значения необходимо было максимально противопоставить и конкретизировать. Так, обширная область возможных пространственных значений приставок *о-* и *об-* была представлена наиболее прототипическим значением Двигаться вокруг объекта, которое хорошо ощущимо в глаголах движения (*облететь вокруг гнезда*), а из обширной области Наделить / приобрести новый признак было выбрано фактитивное значение Сделать каким, выражаемое конфиксом с приставкой *о-/об-* в отадективных глаголах (*облегчить* < *легкий*, **легчить*). Чтобы исключить пересечение фактитивного и пространственного значений в эксперименте, контексты и дефиниции квазиприлагательных вводили ситуации, в которых происходило не пространственное изменение объекта, а качественное: как правило, это изменение чувств, эмоций, способностей или черт характера человека в результате воздействия на него конкретной жизненной ситуации или нового опыта. При этом ситуации должны были быть достаточно реальными, чтобы испытуемые легко могли бы их себе представить и понять. С другой стороны, дефиниции квазиприлагательных могли описывать такие качества, для которых в русском языке нет специального прилагательного: например, *бостый* ‘умеющий изготовлять красивую глиняную посуду’, *спулый* ‘не способный работать правой рукой’, *жгавый* ‘имеющий навязчивую идею постоянно мыть руки’. В отношении квазиглаголов этот принцип был задействован в большей мере, поскольку глаголы движения образуют в русском языке небольшой и закрытый класс, тогда как в эксперименте можно было расширить его благодаря введению различных способов движения, для которых не существует отдельного русского слова: например, *юпить* ‘передвигаться на лыжах без лыжных палок’, *нокрить* ‘передвигаться на коленках’, *хопить* ‘стремительно перемещаться, прыгая при этом на скакалке’, *саглить* ‘передвигаться задом наперед, изредка оглядываясь, чтобы не упасть’ и др.

Из приведенных определений квазиглаголов можно заметить, что в них используются реальные глаголы *передвигаться* и *перемещаться* и отсутствуют такие глаголы, как *идти*, *бежать*, *ехать*, *лететь* и др. Это не случайно. В пилотной предварительной версии эксперимента определения квазислов имели вид *шаклить* ‘ехать верхом на верблюде’, *лоприть* ‘идти, громко топя ногами’, однако был выявлен эффект прайминга. Испытуемые выбирали для квазиглагола ту приставку, которая подошла бы для реального глагола, данного в определении, и эксплицитно описывали эту стратегию. Так, чтобы выбрать приставку для *шаклить*, испытуемые мысленно сопоставляли *шаклить* с глаголом *ехать*, данным в определении, и по аналогии с *объехать* образовывали *обшаклить*. Если в определении стоял глагол *идти*, то квазиглагол присоединял приставку *обо-* по аналогии с *обо-йти*. Чтобы избежать этого эффекта, при составлении определений необходимо было исключить глаголы движения, имеющие в русском языке

ке производные с интересующими нас приставками. Поэтому все глаголы движения были заменены на «нейтральные» глаголы *перемещаться* или *передвигаться*, которые не имеют производных аналогов с приставкой *о-* или *об-*: **о(б)перемещаться*, **о(б)передвигаться*. Глаголы *вальсировать* и *прихрамывать* в дефинициях квазиглаголов были сохранены, поскольку они не имеют производных с приставками *о-* или *об-*.

Угроза эффекта прайминга была актуальна и для квазиприлагательных (*чутый* ‘сильно пьяный’ > *о-* в *опьянить* > *о-* в *очутить*), поэтому их определения были переформулированы так, чтобы использованные в них слова не располагали бы к проецированию приставки реального фактитивного глагола на тот фактитивный квазиглагол, который испытываемому предстояло самостоятельно образовать. Было выработано несколько стратегий формулировки определения квазиприлагательного:

- использование причастия (*зопрый* ‘имеющий выдающиеся музыкальные способности’, *важрый* ‘испытывающий сильное чувство патриотизма’, *сурый* ‘погруженный в уныние’),
- конструкции с предлогом (*чавый* ‘с хорошими манерами’),
- наличие отрицательной частицы *не* в комбинации со словом *способный* при отсутствии **оспособить* в русском языке (*шадрый* ‘неспособный видеть объемные предметы’, *лусый* ‘неспособный есть рыбу’),
- конструкция со словом *полный* (*кочлый* ‘полный спокойствия’, *камный* ‘полный надежд и новых планов’), а также
- комбинации указанных способов (*чутый* ‘немного выпивший’).

Кроме того, использовались такие реальные прилагательные, которые не образуют фактитивов с *о-/об-*: *юный* ‘суеверный’, *шаклый* ‘разочарованный’, *роглый* ‘фашистский’, *хушный* ‘привередливый’ (при отсутствии в русской лексике фактитивов **о(б)суеверить*, **о(б)разочаровать*, **о(б)фашистить*, **о(б)привередить*).

Каждая анкета состояла из 62 заданий, включающих 16 заданий с реальными словами-стимулами и 46 заданий со стимулами-квазисловами. Порядок следования нарративов в каждой анкете был разным, однако всегда выполнялось условие, согласно которому после каждых трех-четырех заданий с квазисловами следовал нарратив с реально существующим словом. Реальные слова-стимулы выполняли в эксперименте несколько важных функций. Во-первых, они были призваны «разбавить» квазислова и отвлечь от них. Во-вторых, реальные слова-стимулы были контрольными: правильное образование приставочных глаголов на их основе говорило о понимании испытуемым сути задания и позволяло учитывать и все остальные ответы. В-третьих, реальные стимулы были подобраны таким образом, что их производные активизировали у участников эксперимента не одну из трех приставок, а все три (*злой* > *обо-злить*, *нагой* > *об-нажить*, *живой* > *о-жить*; *идти* > *обо-йти*, *нести* > *об-нести*, *плести* > *о-плести*¹⁹), и таким образом предотвращали возможность выработки единообразной стратегии выполнения заданий. Более того, некоторые реальные стимулы допускали вариативность в выборе приставки (*о(б)бежать*, *о(бо)злить*) и благодаря этому активизировали внимание информантов к их личным предпочтениям и индивидуальной языковой интуиции, а не заданности языка. Наконец, некоторые реальные стимулы предполагали образование приставочного глагола, мало употребляемого в языке, несмотря на частотность его мотивирующей основы. Например, некоторые информанты затруднились с ходу образовать такие фактитивы, как *онемечить*, *обрусить* и *обамериканить*, отмечая их относительную маргинальность. Такие задания также активизировали

¹⁹ Не все реальные стимулы были глаголами движения в строгом смысле, поскольку закрытый и небольшой класс глаголов движения не может в равной степени представить все три приставки *о-*, *об-* и *обо-* (см. другие причины в [Baudimirova 2010: 70–74]). Однако приставки в производных глаголах всегда выражали пространственное значение 1 Двигаться вокруг объекта или значение 10 Окружить объект, которые были активизированы словами *вокруг*, *по кругу*, *по периметру*, *несколько раз* в ближайшем контексте глагола в рамках нарратива (*обогнуть*, *оплести*, *обкопать*, *о(б)чертить* (*вокруг*?) и т. п.).

внимание испытуемых к выбору приставки, с которым они сталкивались и в случае квазислов. Нужно добавить, что в целях соблюдения единообразия заданий реальные слова-стимулы тоже сопровождалась краткими определениями, подходящими для предложенного нарратива. Например, определение *голый* ‘без убранства’ предшествовало нарративу *Все картины, тарелочки и фотографии со стен сняли и упаковали в коробки. Мебель перевозили постепенно. Когда совсем стены, в комнате поселилось эхо.*

Испытуемые могли предложить все возможные на их взгляд варианты ответа. Все экспериментальные задания информант прочитывал вслух, вставляя в пропуски образуемые приставочные глаголы, в то время как исследователь записывал ответы информанта в свой вариант анкеты, а также в звуковом виде при помощи программы Praat. Это позволило точно фиксировать выбранное место ударения, сократить время проведения эксперимента, а также выявить многочисленные сомнения испытуемых и конкурирующие варианты. Кроме того, произнесение вслух позволяло самим испытуемым проконтролировать уверенность в собственных ответах.

Эксперимент был проведен в апреле 2010 г., общее количество испытуемых составило 60 носителей русского языка различного пола, возраста и образования²⁰. Чтобы минимизировать эффект важнейших социолингвистических факторов, группы информантов были сбалансированы по полу, возрасту, типу и уровню образования (подробнее см. [Baydimirova 2010: 83–87]). Для окончательного варианта эксперимента отбирались участники с нелингвистическим образованием. Кроме того, возможные влияния были минимизированы отбором информантов из различных городов России – Санкт-Петербурга, Москвы, Ижевска, Мурманска, Архангельска, Ульяновска и Дубны.

Теперь перейдем к полученным результатам.

3.2. Результаты

Как показано в таблице 6, количество ответов, полученных в ходе эксперимента, превышает число стимулов. Это говорит о вариативности в выборе приставки, часто связанной с затруднениями информантов дать единственный ответ. Интересно, что вариативность в случае глагольных и адъективных стимулов оказалась сравнительно одинаковой (ср. 1941 и 1937 ответов на 1860 стимулов).

Таблица 6

Количество стимулов и полученных ответов

Тип стимулов		Число стимулов		Число ответов		
Глагольные	реальные	16*30 = 480	1860	497	1941	3878
	квази	46*30 = 1380		1444		
Адъективные	реальные	16*30 = 480	1860	490	1937	
	квази	46*30 = 1380		1447		

При анализе результатов наибольший интерес представляют ответы, полученные на стимулы-квазислова, представленные в диаграммах 2–5. Диаграммы 2 и 3 показывают, что в случае квазиглагольного стимула (и соответственно пространственной семантики) приоритет чаще отдается приставке *об-*, чем *о-*, а в случае квазиадъективного стимула (и соответственно фактитивной семантики) – в точности наоборот, что полностью

²⁰ Предварительно в пилотной версии эксперимента приняли участие еще 12 человек, благодаря чему были скорректированы многие аспекты заданий и процедура проведения эксперимента, подробнее см. [Baydimirova 2010: 78–83].

отвечает центральному положению гипотезы морфологического расщепления. Однако количество ответов, не укладывающихся в данную гипотезу, оказывается слишком велико. Так, в случае начальных сочетаний согласных приоритет отдается приставке *o-* независимо от морфологического типа стимула (см. Диаграммы 4 и 5).

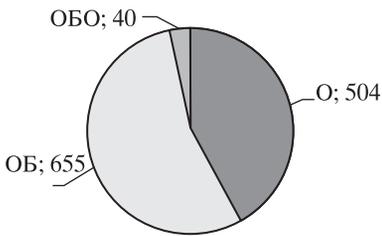

Диаграмма 2. Выбор приставки в случае квазиглагольного стимула с одним начальным согласным

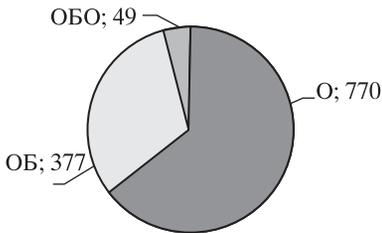

Диаграмма 3. Выбор приставки в случае квазиадъективного стимула с одним начальным согласным

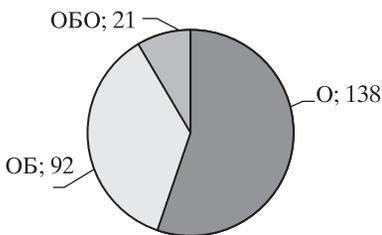

Диаграмма 4. Выбор приставки в случае квазиглагольного стимула с начальным сочетанием согласных

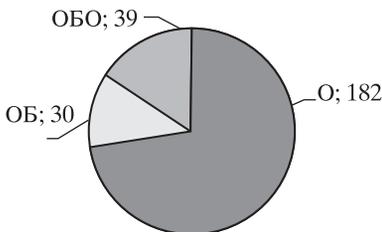

Диаграмма 5. Выбор приставки в случае квазиадъективного стимула с начальным сочетанием согласных

Более точную картину выбора приставок можно представить, если рассмотреть отдельно ответы на те стимулы, в которых фонологические условия оказываются не проблемными и для приставки *o-*, и для приставки *ob-*, и где выбор приставки должен определяться исключительно семантикой целевого приставочного глагола. Такими стимулами являются те квазислова, основы которых начинаются на одиночные шумные согласные (второй тип контекстных условий, описанный выше). Полученные ответы на такие стимулы суммированы в таблице 7.

Отмеченные цветом поля таблицы 7 выделяют те ответы информантов, которые соответствуют гипотезе морфологического расщепления. Они составляют большинство и определяют статистическую значимость полученного распределения приставок в зависимости от типа стимула (глагольного или адъективного). Однако число ответов, не укладывающихся в гипотезу о расщеплении, оказывается гораздо выше любых ожиданий и составляет 512 ответов, то есть 36,8% всех полученных ответов на стимулы с не проблемными фонологическими позициями. Это значит, что более чем в трети слу-

**Дистрибуция приставок в непроблемных фонологических позициях
(перед одиночным шумным согласным, кроме *п* и *б*)**

Выбранная приставка	<i>о-</i>		<i>об-, обо-</i>	
	глагол	прилагательное	глагол	прилагательное
Тип стимула	пространственная	фактитивная	пространственная	фактитивная
Целевая семантика	пространственная	фактитивная	пространственная	фактитивная
Количество ответов	315	495	382	197
Всего:	810		579	

чаев действие семантического фактора не соответствует тестируемой гипотезе. Иными словами, пересечение областей активности приставок *о-* и *об-* гораздо значительнее, чем ожидалось.

3.2.1. Индивидуальные стратегии информантов

На диаграммах 6 и 7 представлены суммированные ответы информантов, имевших дело с глагольными стимулами (анкеты А и В). Как хорошо видно по диаграммам, приставка *об-* преобладала далеко не у всех испытуемых. Индивидуальные стратегии были весьма разнообразными. Одни информанты для достижения пространственной семантики предпочитали использовать приставку *об-*, как и ожидалось (А5, А10, В6, В8, В10, В11, где буква обозначает тип анкеты, а число – номер информанта), у других в этой роли преобладала приставка *о-* (А2, А4, А9, А11, В1, В3, В9, В12), для третьих приставки *о-* и *об-* оказались почти одинаково возможными конкурентами (А1, А3, А7, А13, В2, В5, В15).

Данные наблюдения подтверждают тесную связь приставок *о-* и *об-* и скорее противоречат гипотезе морфологического расщепления, чем поддерживают ее.

3.3. Статистический анализ

Чтобы определить зависимость выбора приставки от включенных в эксперимент фиксированных факторов (семантики и фонетики), а не от случайных факторов (таких как возможные индивидуальные предрасположенности информантов и самих квазиис-

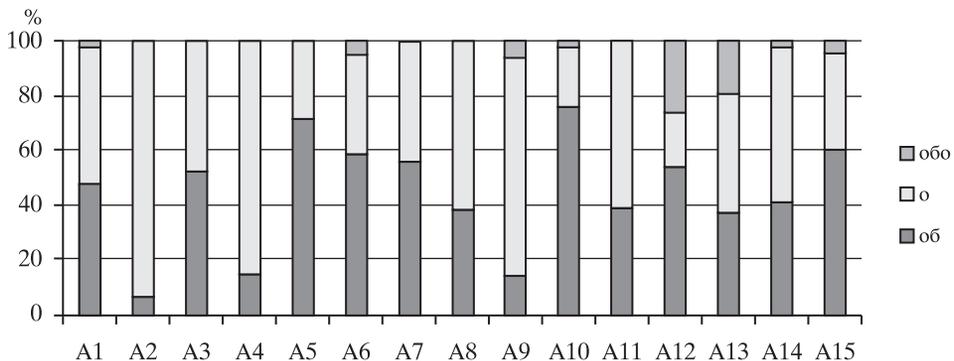

Диаграмма 6. Индивидуальные стратегии информантов: анкета А (*зўзвить*)

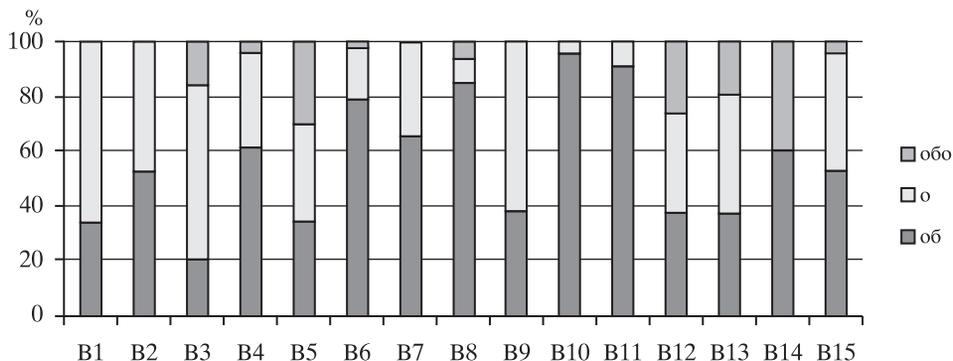

Диаграмма 7. Индивидуальные стратегии информантов: анкета В (*зусвѣтъ*)

нов к выбору того или иного префикса), был проведен линейный регрессионный статистический анализ. Использовалась смешанная модель со случайными и фиксированными эффектами (Linear regression mixed-effects model). Статистически значимый эффект факторов отражен на диаграммах 8 и 9 и описан ниже.

Статистически значимое воздействие на выбор приставки в ответах информантов оказывают наличие сочетания согласных в начале основы и сонорность начального согласного основы (сонант vs. не-сонант). Это отражено на левом и среднем графиках обеих диаграмм соответственно. Вертикальная ось $p(ob)$ на каждом графике представляет собой шкалу вероятности появления приставки *об-* (чем выше по шкале, тем больше вероятность), а на горизонтальной оси располагаются тестируемые факторы: наличие либо отсутствие начального сочетания согласных (consonant cluster: no vs. yes) и способ образования начального согласного (manner: affr ‘аффриката’, fric ‘щелевой’, son ‘сонорный’, stop ‘взрывной’). На левом графике каждой из диаграмм мы видим одну наклонную линию. Она показывает, что вероятность выбора приставки *об-* понижается, если в начале присоединяемой основы присутствует сочетание согласных. Это наблюдение справедливо и для глагольных, и для адъективных стимулов, поэтому график идентичен на обеих диаграммах. На срединных графиках обеих диаграмм видна зигзагообразная линия. Резкий скачок в вероятности появления приставки *об-* коррелирует только с одной характеристикой начального согласного – его сонорностью. Это наблюдение также справедливо и для глагольных, и для адъективных стимулов. Таким образом, когда носители языка сталкиваются с основами, начинающимися на группу согласных, то предпочитают приставку *о-*, а не *об-*. Если же основа начинается на сонорный, то носители языка отдают предпочтение приставке *об-*.

Тип стимула (глагольная производящая основа или адъективная) также оказался статистически важным фактором выбора приставки. Как показано на правом графике

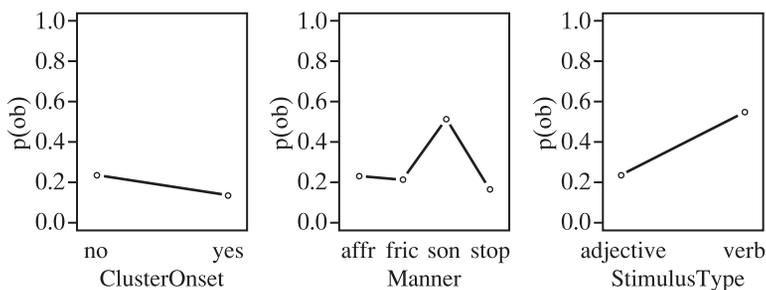

Диаграмма 8. Ответы информантов на глагольные и адъективные стимулы (анкеты А, В, С)

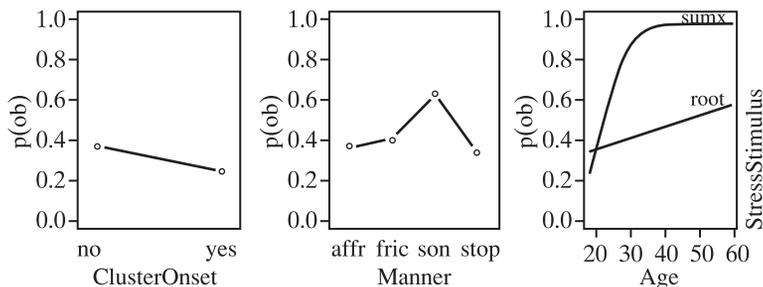

Диаграмма 9. Ответы информантов только на глагольные стимулы (анкеты А, В)

диаграммы 8, вероятность использования приставки *об-* больше (и выше на графике по вертикальной шкале) при наличии глагольной основы (stimulus type: verb) и меньше (а на графике ниже) в случае адъективной основы (stimulus type: adjective).

Кроме того, обнаружилась статистически значимая корреляция места ударения и возраста информанта (см. диаграмму 9, правый график): чем старше носитель языка, тем больше вероятность использования им приставки *об-* в случае глагольной производящей основы, имеющей ударение на тематическом гласном (тип *гузвѣть* > *об-гузвѣть*). Это интересный результат, еще не описанный в литературе.

Дополнительно был проведен статистический анализ с использованием модели случайных деревьев (random forests model). Одно из ключевых преимуществ этой модели заключается в том, что статистически значимые факторы можно увидеть на общей шкале значимости и таким образом узнать, какой фактор является более значимым, чем другой [Strobl et al. 2009]. Диаграмма 10 отмечает место каждого фактора на общей шкале значимости в соответствии с его весом в распределении данных. Важно, что статистически фонетический фактор, способ образования начального согласного основы (manner), оказывается важнее (а на графике выше и дальше вправо по горизонтальной шкале значимости), чем структурно-семантический фактор (вспомним, что stimulus, или тип мотивирующей основы, задавал в эксперименте и способ словообразования (приставочный и конфиксальный), и семантику приставки (пространственную и факитивную). Большой вес и доминирование фонетического фактора над структурно-семантическим позволяет отдать предпочтение идее об одноморфемности приставок *о-* и *об-*.

На графике представлены как статистически значимые еще два фонетических фактора – место образования начального согласного основы (place) и наличие начального сочетания согласных (cluster onset). Отмеченный внизу графика последний фонетический фактор – совместимость сочетания согласного с последующим *б* (possible with b) – близок к нулю по своей статистической значимости.

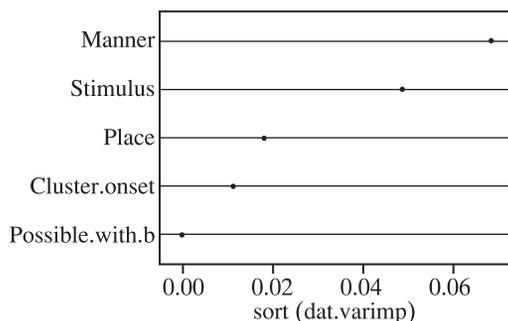

Диаграмма 10. Оценка значимости переменных (факторов)

3.4. Подведение итогов эксперимента

Результаты эксперимента частично поддерживают положения гипотезы морфологического расщепления, но в гораздо большей степени ей противоречат.

Проведенный эксперимент позволил выявить гораздо большую степень пересечения и вариативности в области использования приставок *о-* и *об-*, чем предсказывает гипотеза их морфологического расщепления. Особенно важно отсутствие четкого противопоставления *о-* и *об-* в непроблемных фонологических позициях (перед шумными негубными согласными основы).

Индивидуальные стратегии в выборе приставки, а также сомнения и колебания информантов при выборе приставки, обнаруженные в ходе эксперимента, говорят о тесной связи приставок и частой возможности их взаимозамены.

Статистический анализ подтвердил значимость фонетического и семантического факторов при выборе приставки, однако обнаружил больший вес фонетического фактора.

Таким образом, результаты эксперимента позволяют считать, что положения гипотезы морфологического расщепления проблематичны. В качестве альтернативного решения проблемы я выдвигаю гипотезу нестандартной алломорфии и предлагаю считать приставки *о-*, *об-* и *обо-* алломорфами одной морфемы.

4. ГИПОТЕЗА ОБ ОДНОМОРФЕМНОСТИ ПРИСТАВОК И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ТЕОРИИ АЛЛОМОРФИИ

Подводя итог, нужно сказать, что анализ корпусных и экспериментальных данных показал, что структурно-семантическая специализация приставок *о-* и *об-*, заявленная в работах [Марков 1970; Алексеева 1978; Andrews 1984; Кронгауз 1998], действительно имеет место в языке, однако ее статус, вероятно, следует оценивать как тенденцию и не преувеличивать.

Результаты обоих исследований сходятся на признании статистической значимости двух факторов выбора приставки – наличия сонорного согласного в начале производящей основы и морфологического типа этой основы (глагол или имя). Анализ экспериментальных данных позволил выявить, что в механизмах активного словообразования фонетический фактор имеет больший вес, чем структурно-семантический. Наличие начального сонорного согласного мотивирует выбор приставки и в случае глагольных, и в случае именных производящих основ и предполагает общие фонологические принципы дистрибуции приставок *о-* и *об-*. Выявленный как статистически высоко значимый фактор и для корпусных, и для экспериментальных данных, он служит аргументом в пользу алломорфных различий двух приставок в рамках их морфемного единства.

С другой стороны, специализация *о-* и *об-* в отношении пространственного и фактитивного значения и способа словообразования действительно имеет место, однако является только частью общей картины функционирования этих приставок. Семантический и морфемный анализ глагольных лексем обнаружил широкую зону пересечения. 32% всех глаголов характеризуется двойной мотивированностью и одновременно соотносится семантически и структурно и с глагольной основой, и с именной. Наличие пространственных значений у приставки *о-* и, более того, интегрированность ее фактитивно-инхоативных значений в общую систему полисемии противоречат контрастивному подходу и, напротив, служат аргументами в пользу одноморфемности приставок. В рамках когнитивного анализа удалось описать разнородные употребления *о-* и *об-* в рамках единой сети взаимосвязанных значений, основанных на одном пространственном прототипе кругового движения. Что касается эксперимента, интересно, что отсутствие семантической дифференциации между *о-* и *об-* было выявлено в количественно сопоставимой области – в 36,8% всех ответов на стимулы с непроблемными фонологическими позициями (начальными шумными негубными согласными). Столь обширная зона пересечения и отсутствия контраста, а также индивидуальные стратегии

информантов, зачастую полностью противоречащие тестируемой тенденции, указывают на сохранение тесной связи этих приставок, на их нередкую взаимозаменяемость и морфемное единство.

Таким образом, результаты обоих проведенных исследований частично поддерживают общее положение гипотезы о морфологическом расщеплении, но в то же время не укладываются в тезис о разноморфемности *о-* и *об-*. Эти приставки далеки от самостоятельности разных морфем, однако признание их одной морфемой чревато проблемой дефектности их алломорфных отношений. Действительно, возможность свободного варьирования *о-* и *об-* сочетается с частичной семантической спецификацией и разными радиальными профилями, а фонетическая дистрибуция разрешает немало отклонений от общих правил.

Алломорфный статус формантов традиционно определяется по двум обязательным критериям – идентичному значению и отношениям дополнительной дистрибуции. Получается, что признание приставок *о-* и *об-* алломорфами единой морфемы противоречит традиционному определению алломорфов.

Я предлагаю считать, что абсолютизация существующей в русском языке частичной спецификации этих приставок была результатом терминологической и теоретической проблемы понимания алломорфии. В теории алломорфии есть только два возможных решения: форманты могут быть либо алломорфами одной морфемы, либо разными морфемами. Само же традиционное понятие алломорфии представляет собой упрощение и идеализацию. Я предлагаю рассмотреть альтернативный анализ, признающий возможность нестандартной алломорфии при когнитивной целостности и одноморфемности приставок *о-* и *об-*. Частичную семантическую спецификацию приставок *о-* и *об-* гипотеза нестандартной алломорфии не отрицает, но видит в ней типичный семиотический процесс: различия в форме выражения порождают развитие семантических различий. При этом в данном случае различия в дистрибуции *о-* и *об-* не пересекают границы единой морфемы.

Интерпретация отношений приставок *о-* и *об-* в современном русском языке с точки зрения нестандартной алломорфии не является простым возвратом к более консервативной гипотезе об их одноморфемности. Прежний анализ этих приставок в терминах единой морфемы не описывал сложное взаимодействие факторов, определяющих как распределение этих приставок по глаголам, так и выбор приставки в ситуации образования окказиональных слов. В настоящей статье фонологический, семантический и просодический факторы были протестированы, были определены их вес и иерархия. Новизна предложенного подхода заключается в выявлении масштаба переходной зоны пересечения семантических ореолов этих приставок, а также в применении статистических методов для оценки значимости и иерархии факторов.

Идея нестандартной алломорфии находит поддержку в работах американских дескриптивистов. Проблемы идентификации морфемы, границ морфемы, различения алломорфа и самостоятельной морфемы активно обсуждались в самых ранних работах по алломорфии – в многочисленных работах Юджина Найды, Зеллига Харриса и Чарльза Хоккета в 40-е годы XX века [Nida 1948; Harris 1942; Hockett 1947]. Так, например, Юджин Найда, впервые введя термин алломорф в лингвистический обиход, обсуждает случаи неидеальной дополнительной дистрибуции и субморфемные семантические различия как закономерные и частотные явления в рамках алломорфии [Nida 1948: 421, 431]. Впоследствии эти идеи были по некоторым причинам забыты в истории лингвистики, но, возможно, пришло время к ним вновь обратиться и переосмыслить идеализированную теорию алломорфии, существующую в современной лингвистике, в свете новых корпусных и экспериментальных данных, оцененных методами статистики.

Проблематичность понятия алломорф обсуждается и в ряде современных работ. Так, например, в статье [Герд 2004] предлагается вообще отказаться от использования понятия алломорфа и говорить о морфеме. Есть и другой вариант. Можно разграничивать алломорфы и неалломорфы на основе статистически значимых противопоставлений и искать более адекватные критерии определения алломорфов и границ морфемы. Такая

попытка уже предпринята в исследовании [Baayen et al. 2013] и в настоящее время реализуется в проекте университета г. Тромсё «Neat theories, messy realities: How to apply absolute definitions to gradient phenomena» под руководством Л.А. Янды и Т. Нессета.

Сторонники структуралистского представления о бинарности языковых единиц вправе считать выдвигаемую идею существования нестандартной алломорфии чреватой множеством потенциальных проблем, таких как размывание границ морфемы. Однако именно таков язык, в нем нет четко расчерченных границ категорий. Границы морфемы действительно размывы, как это хорошо видно в случае приставок *о-* и *об-*. Мы имеем дело скорее с континуумом, который не укладывается в узкие рамки привычных терминов и определений, таких как идентичность значения и дополнительная дистрибуция. Стоит признать, что алломорфия – это явление градуальное: есть более прототипические случаи типа *раз-* и *рас-*, и есть нестандартные случаи типа *о-* и *об-*.

Хочется думать, что само понимание проблематичности идеализированного представления об алломорфии уже открывает перспективы для новой теории этого интереснейшего явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова 1974 – *А.П. Аверьянова*. Семантические различия глагольных образований с приставками *о-* и *об-* (*обо-*) // Вопросы семантики. 1974. № 1.
- Алексеева 1978 – *А.П. Алексеева*. Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с *об-* и *о-*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
- Апресян 1995 – *Ю.Д. Апресян*. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Апресян 2005 – *Ю.Д. Апресян*. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Апресян 2009 – *Ю.Д. Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. М., 2009.
- Барыкина и др. 1989 – *А.Н. Барыкина, В.В. Добровольская, С.Н. Мерзон*. Изучение глагольных приставок. М., 1989.
- Герд 2004 – *А.С. Герд*. Морф, алломорф, морфонема // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004.
- Греве, Крёше 1958–1959 – *Р. Греве, Г. Крёше*. Обратный словарь русского языка / Под ред. М. Фасмера. Висбаден, 1958–1959.
- ГРЯ 1952 – Грамматика русского языка. М., 1952.
- Добрушина 2009 – *Е.П. Добрушина*. Метафорическая приставка или Периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *О-/ОБ(О)-*) // *М.Л. Ремнева, С.В. Князев* (ред.). Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее. М., 2009.
- Добрушина и др. 2001 – *Е.П. Добрушина, Е.А. Меллина, Д. Пайар*. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Ефремова 2000 – *Т.Ф. Ефремова* (ред.). Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.
- Зализняк 2009 – *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. 6-е изд. М., 2009.
- Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 – *А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Земская 2006 – *Е.А. Земская*. Современный русский язык. Словообразование. М., 2006.
- Исаченко 1960 – *А.В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. II. Братислава, 1960.
- Иткин 2007 – *И.Б. Иткин*. Русская морфонология. М., 2007.
- Кошелев 2004а – *А.Д. Кошелев*. О глаголах с семантикой агрессивности, образованных приставками *о-* и *об-* (*обругать, обвешать, освистать...*) // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
- Кошелев 2004б – *А.Д. Кошелев*. О концептуальных значениях приставки *О-/ОБ-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4.
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кузнецов 2000 – *С.А. Кузнецов* (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

- Ляшевская, Шаров 2010 – *О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров*. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М., 2010.
- Марков 1970 – *В.М. Марков*. Проблема формирования морфем на основе противопоставления фонетических вариантов // Вопросы грамматического строя русского языка. Казань, 1970.
- МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
- Немченко 1979 – *В.Н. Немченко*. Способы русского словообразования. Горький, 1979.
- Нефедьев 1994 – *М.В. Нефедьев*. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Нефедьев 1995 – *М.В. Нефедьев*. Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
- Ожегов, Шведова 2001 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
- Пацюкова 2009 – *О.А. Пацюкова*. Протяженный префикс ОБЕЗ- (ОБЕС-): формирование и функционирование // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2).
- Рахилина 1998 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Улуханов 1996 – *И.С. Улуханов*. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Эндресен 2011 – *А.А. Эндресен*. Русские приставки О-, ОБ- и ОБО-: разные алломорфы или морфемы? Экспериментальное исследование // Материалы XL Международной филологической конференции в СПбГУ. СПб., 2011.
- Янда 2000 – *Л.А. Янда*. Когнитивная лингвистика // Лекции по когнитивным наукам. Вып. 2. Казань, 2000.
- Янда 2012 – *Л.А. Янда*. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Andrews 1984 – *E. Andrews*. A semantic analysis of the Russian prepositions/preverbs O(-) and OB(-) // The Slavic and East European journal. 1984. V. 28. № 4.
- Vaayen et al. 2013 – *R.H. Vaayen, L.A. Janda, A. Endresen, A. Makarova, T. Nessel*. Making choices in Slavic: pros and cons of statistical methods for rival forms // Russian linguistics: Space and time in Russian temporal expressions. 2013.
- Bauer 2001 – *L. Bauer*. Introducing linguistic morphology. Bristol, 2001.
- Baydimirova 2010 – *A. Baydimirova*. Russian aspectual prefixes O, OB and OBO: A case study of allomorphy. Master's thesis. Tromsø, 2010. <http://www.ub.uit.no/munin/handle/10037/2767>
- Бєdkowska-Kopczyk 2012 – *A. Bєdkowska-Kopczyk*. Semantic and grammatical features of *o-/ob-* in verbs of emotion in Slovene // Jezikoslovje. 2012. V. 13. № 1.
- Bloomfield 1933 – *L. Bloomfield*. Language. New York, 1933.
- Eckhoff, Janda (в печати) – *H.M. Eckhoff, L.A. Janda*. Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic // Transactions of the philological society.
- Endresen et al. 2012 – *A. Endresen, L.A. Janda, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova*. Russian «purely aspectual» prefixes: Not so «empty» after all? // Scando-Slavica. 2012. V. 58. № 2.
- Gor, Chernigovskaya 2003 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Mental lexicon structure in L1 and L2 acquisition: Russian Evidence // Glossos. 2003. № 4.
- Harris 1942 – *Z.S. Harris*. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. 1942. V. 18. № 3.
- Haspelmath 2002 – *M. Haspelmath*. Understanding morphology. London, 2002.
- Hockett 1947 – *C.F. Hockett*. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. V. 23. № 4.
- Hougaard 1973 – *C. Hougaard*. Выражает ли *o-/ob-* совершаемость? // Scando-Slavica. 1973. V. 19. № 1.
- Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
- Janda 2010 – *L.A. Janda*. Cognitive linguistics in the year 2010 // International journal of cognitive linguistics. 2010. V. 1. № 1.
- Janda et al. 2013 – *L.A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova*. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, 2013.

- King, Minium 2008 – *B.M. King, E. Minium*. Statistical reasoning in the behavioral sciences. Hoboken (NJ), 2008.
- Langacker 2008 – *R.W. Langacker*. Cognitive grammar: A basic introduction. Oxford, 2008.
- Makarova 2009 – *A.B. Makarova*. Psycholinguistic evidence for allomorphy in Russian semelfactives. Master's thesis. Tromsø, 2009. <http://munin.uit.no/handle/10037/2377>
- Matthews 1974 – *P.H. Matthews*. Morphology. An introduction to the theory of word-structure. Cambridge, 1974.
- McGranahan 1975 – *W.J. McGranahan*. Russian initial consonant clusters: A comparative approach // Russian language journal. 1975. V. 29. № 102.
- Nesset et al. 2011 – *T. Nesset, A. Endresen, L.A. Janda*. Two ways to get out: Radial category profiling and the Russian prefixes *vy-* and *iz-* // Zeitschrift für Slawistik. 2011. № 4.
- Nida 1948 – *E. Nida*. The identification of morphemes // Language. 1948. V. 24. № 4.
- Roberts 1976 – *C.B. Roberts*. Lexical differentiation of the Russian prefixal allomorphs O-, OB-, OBO- // Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1976. V. 29.
- Roberts 1981 – *C.B. Roberts*. The origins and development of O(B)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // Russian linguistics. 1981. V. 5. № 3.
- Rodina 2007 – *Ju. Rodina*. Semantics and morphology: The acquisition of grammatical gender in Russian. PhD Dissertation. Tromsø, 2007.
- Shull 2003 – *S. Shull*. The experience of space. The privileged role of spatial prefixation in Czech and Russian. Munich, 2003.
- Słonski 1937 – *S. Słonski*. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
- Strobl et al. 2009 – *C. Strobl, G. Tutz, J. Malley*. An introduction to recursive partitioning: Rationale, application, and characteristics of classification and regression trees, bagging, and random forests // Psychological methods. 2009. V. 14. № 4.
- Taylor 1995 – *J. R. Taylor*. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1995.
- Timberlake 2004 – *A. Timberlake*. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.
- Townsend 1968 – *Ch.E. Townsend*. Russian word-formation. London, 1968.

Сведения об авторе:

Анна Александровна Эндресен
 Университет Тромсё
anna.endresen@uit.no

Статья поступила в редакцию 7.02.2013.

© 2013 г. А.Ю. ЕФИМОВ

ФОНОЛОГИЯ ЯЗЫКА КАОЛАН*

Каолан – один из малоизученных языков австротайской семьи. Его немногочисленные носители живут на севере Вьетнама. В 2003 г. автору настоящей работы в составе российско-вьетнамской лингвистической экспедиции посчастливилось принять участие в полевых исследованиях в провинции Бакзянг и собрать корпус лексических единиц каолан, что позволило более или менее целостно представить фонологическую систему этого языка. В статье освещены структура слога, вокализм, инициальный и финальный консонантизм, а также просодии, включающие тоны, число которых составляет два в слогах со смычными финалями и четыре во всех остальных, противопоставление фонаций с напряженным коррелятом, существенно видоизменяющим ряд гласных, и не имеющую фонологического значения назализацию гласных после ларингальных инициалей.

Ключевые слова: каолан, фонология, структура слога, тоны, фонации, консонантизм, вокализм, виртуальный

Cao Lan is a little-studied language of Austro-Tai stock. Its non-numerous speakers live in North Vietnam. In 2003, the author of the present article – being a member of Russian-Vietnamese linguistic expedition – had a lucky opportunity to participate in the field studies in Bac Giang province and collect a Cao Lan word list, which allowed to present more or less comprehensive phonological system of the language. Our description highlights Cao Lan syllable layout, vocalism, initial and final consonantism, and prosody structure. The latter – besides tones totaling to 2 in syllables with occlusive finals and 4, in all others – comprises phonation distinction with tense correlate radically modifying a number of vowels and phonologically irrelevant vowel nasalization after laryngeal initials.

Keywords: Cao Lan, phonology, syllable structure, tones, phonation types, consonantism, vocalism, virtual

Язык каолан принадлежит к тайской группе австротайской семьи. Обычно для таких языков, как каолан, используется термин «кадайские». Наличие некой кадайской группы никогда не было обосновано в генетическом плане. В тайской группе можно выделить подгруппу «собственно тайских» языков, куда входят государственный язык Таиланда тайский (сиамский), лаосский и близкие к ним языки черных и красных тай, нунг и другие. Все остальные языки тайской группы, не подпадающие под определение «собственно тайских», и называются кадайскими. Помимо каолан к ним можно причислить пупео, сэк, зай и некоторые другие. Практически все так называемые кадайские

* Лексический материал языка каолан, послуживший основой работы, был целиком и полностью собран в процессе полевых исследований, проведенных автором данной публикации и его коллегами, среди которых хотелось бы особо выделить вьетнамского исследователя Доан Ван Фука. Разработка фонологической системы представляет собой оригинальное исследование автора. Немногочисленные ссылки на другие языки ЮВА базируются на информации, полученной совместной российско-вьетнамской экспедицией при непосредственном участии автора. Эти обстоятельства обусловили отсутствие в статье отдельного списка литературы по данной теме.

языки демонстрируют наличие архаических явлений (по сравнению, например, с сиамским).

Считается, что каоланы и по языку и по этнографическим чертам близки к народу санти. Не исключено, что каолан и санти могут рассматриваться как этнографические группы одного народа. Общеизвестно, что каоланы переселились во Вьетнам из Китая. Есть ли они на территории Китая и сейчас, неизвестно. Во Вьетнаме они проживают в провинциях Туенкуанг, Тхайнгуен, Бакзянг, Футхо и Виньфук. Каоланов вместе с санти приблизительно 12 тысяч человек, но сколько из них именно каоланов, также неизвестно.

Описание фонологического строя языка каолан (Cao Lan) основано на исследовании информанта Нинь Ван Кхая (Ninh Văn Khai), коренного каолана, уроженца и жителя хутора Тхунг (thôn Thung) общины Деозя (xã Đèo Già) уезда Лукнанг (huyện Lục Nặng) провинции Бакзянг (tỉnh Bắc Giang). На момент проведения полевых исследований в декабре 2003 г. ему было 62 года. От информанта было собрано примерно 1 300 базовых лексических единиц.

Язык каолан обладает элегантной фонологической системой, дающей ценную информацию аналитического и типологического плана.

Структура слога

Слог в каолан совпадает с фонетическим словом. Его сегментная структура представлена согласной инициальной, гласной и согласной финалью. Обычно инициальный и финальный консонантизм рассматриваются отдельно. Вопрос сведения инициалей и финалей в единые фонемы относится к области чистой комбинаторики. Консонантных кластеров, ни инициальных, ни финальных, каолан не допускает. Финаль может быть нулевой, а слог, соответственно, открытым, однако закрытые слоги преобладают и, судя по всему, представляют собой сильную позицию по сравнению с открытыми (см. ниже). Наличие нулевой инициали также является возможной трактовкой (по другой версии это гортанная смычка), однако таких слогов (то есть открытых слева) в каолан очень мало. Помимо этого, любой слог каолан реализуется в одном из возможных тонов. В ограниченном числе слогов и в ограниченных позициях также отмечено наличие маркированной напряженной фонации, вступающей в оппозицию с обычным голосом.

Консонантизм

Инициали

Система инициалей каолан выглядит следующим образом.

p	t	c	k	ʔ (ø)
ph	th		kh	
b	d		kw	
m	n	ɲ	ŋ	
f	s			h
v	z			
	l			
	ɭ			

Опишем все инициали более подробно.

/p/ глухой билабиальный смычный. Примеры: /+pɛtˀ/ «восемь», /pəkˀ/ «колоть».

/t/ глухой дентальный смычный. Примеры: /tenˀ/ «нога», /tomˀ/ «земля».

/c/ [h] глухой палатальный смычный. Примеры: /сəɟ/ «в зените», /samˀ/ «тонуть».

/k/ глухой велярный смычный. Примеры: /kəjˀ/ «прятать», /kuˀ/ «соль».

/ʔ/ глухой ларингальный смычный. Может интерпретироваться как нулевая инициаль. Примеры: /iˀ/ [ʔiˀ] «маленький», /awˀ/ [ʔāwˀ] «приносить».

/ph/ [p̥] глухой билабиальный аспирированный смычный. Примеры: /phuˀ/ «облако», /phuˀjˀ/ «толкать».

/th/ [t̥] глухой дентальный аспирированный смычный. Примеры: /thitˀ/ «железо», /thajˀ/ «умирать».

/kh/ [k̥] глухой велярный аспирированный смычный. Примеры: /khajˀ/ «близко», /khawˀ/ «острие».

/b/ звонкий билабиальный смычный. Примеры: /bunˀ/ «небо», /bəkˀ/ «расти».

/d/ звонкий дентальный смычный. Примеры: /dɛpˀ/ «жить», /dɔkˀ/ «кость».

/kw/ [kʷ] Лабиовелярный смычный. Примеры: /kwaɟ/ «через», /kwajˀ/ «мешать, размешивать».

/m/ билабиальный носовой. Примеры: /muɟˀ/ «поднимать голову», /mɛpˀ/ «дикобраз».

/n/ дентальный носовой. Примеры: /naˀ/ «лицо», /nɛmˀ/ «клеить».

/ɲ/ палатальный носовой. Примеры: /ɲɛpˀ/ «високоносный», /ɲɛpˀ/ «шить».

/ŋ/ велярный носовой. Примеры: /ŋɛjˀ/ «второй», /ŋanˀ/ «серебро».

/f/ лабиовелярный глухой фрикативный. Примеры: /fotˀ/ «кипеть», /faˀ/ «одеяло».

/h/ ларингальный глухой фрикативный. Примеры: /hɛwˀ/ «зуб», /hapˀ/ «закрывать».

/s/ глухой свистящий. Примеры: /sinˀ/ «тысяча», /sɔɟˀ/ «заканчивать(ся)».

/v/ лабиовелярный звонкий фрикативный. Примеры: /vanˀ/ «дым», /vɛwˀ/ «плавать».

/z/ звонкий свистящий. Примеры: /zatˀ/ «один», /zɛwɟ/ «находиться».

/l/ латеральный. Примеры: /lunˀ/ «ползти», /lɛpˀ/ «коготь».

/ʎ/ латеральная аффриката (не в строгом смысле слова, поскольку первый элемент представляет собой не смычный *[t], а фрикативный межзубный [θ]). Примеры: /ʎamˀ/ «три», /ʎakˀ/ «перегораживать».

Финали

Система финалей каолан выглядит следующим образом.

p	t	c	k	ø
m	n	ɲ	ŋ	
w		j		

Все смычные финали имплозивны. Как уже было отмечено, вопрос объединения инициалей и финалей в единые фонемы относится к области лингвистической игры. Инициальные и финальные согласные, с одной стороны, дополнительно распределены, а с другой, иногда демонстрируют значительные субстанциональные различия подобно английским [h] и [ŋ]. В данном случае можно было бы ограничиться некоторыми замечаниями на этот счет в процессе описания.

/p/ глухой билабиальный имплозивный смычный. Примеры: /thapˀ/ «носить на коромысле», /ʎɛpˀ/ «вокруг».

/t/ глухой дентальный имплозивный смычный. Примеры: /cɛtˀ/ «семь», /thitˀ/ «железо».

/c/ [h] глухой палатальный имплозивный смычный. Примеры: /сɛcˀ/ «бок», /ʎɛcˀ/ «рядом».

/k/ [q] глухой увулярный имплозивный смычный. Тот факт что финальный аллофон велярной инициали всегда увулярный, представляет собой интересное и необычное явление для языков ЮВА. Для экономии описания мы все же обозначаем соответствующие инициаль и финаль единым символом /k/. Примеры: /dɔkˀ/ «кость», /bəkˀ/ «расти».

/ø/ нулевая финаль (завершение открытого слога). Примеры: /iˀ/ «маленький», /kʰˀ/ «соль».

/m/ билабиальный носовой. Примеры: /phamˀ/ «волосы», /ʔamˀ/ «три».

/n/ дентальный носовой. Примеры: /hənˀ/ «человек», /zɔnˀ/ «отвызывать».

/ɲ/ палатальный носовой. Примеры: /ʔənˀ/ «засуха», /ʔɛnˀ/ «проспать».

/ŋ/ велярный носовой. Примеры: /tuŋˀ/ «живот», /kaŋˀ/ «чугун».

/w/ билабиальный полугласный плавный. Примеры: /kəwˀ/ «девять», /təwɲ/ «прятаться».

/j/ палатальный полугласный плавный. Примеры: /majˀ/ «слина», /kajɲ/ «курица».

У полугласных финалей нет прямых аналогов из разряда инициалей. При сведении воедино [w], наверное, целесообразно объединять с [v], а [j] – с [z].

Вокализм

Система гласных языка каолан выглядит следующим образом.

i	ɯ	u
e	ə	o
ɛ	a	ɔ

В напряженной фонации ряд гласных существенно трансформируется (об этом см. ниже). В результате такой трансформации иногда возникают дифтонгоиды, но чистых дифтонгов в каолан нет.

Опишем гласные более подробно.

/i/ гласный верхнего подъема переднего ряда. В закрытых слогах зачастую реализуется в виде несколько более открытого аллофона [ɪ]. Примеры: /iˀ/ «маленький», /kɪnˀ/ «есть, пить».

/ɯ/ гласный верхнего подъема среднего ряда. Примеры: /kʰˀ/ «соль», /lʰɯˀ/ «кровь».

/u/ гласный верхнего подъема заднего ряда. В закрытых слогах зачастую реализуется в виде несколько более открытого аллофона [ʊ]. Примеры: /luˀ/ «вид корзины», /lukˀ/ «шесть».

/e/ гласный среднего подъема переднего ряда. Примеры: /tenˀ/ «нога», /betˀ/ «срывать рукой».

/ə/ гласный среднего подъема среднего ряда. Часто характеризуется вторым фокусом – передним огубленным (умляутированным), особенно в нисходящем и долгом тоне [ə̤]. Примеры: /səˀ/ «нож», /kəjɲ/ «пилить».

/o/ гласный среднего подъема заднего ряда. Примеры: /loˀ/ «прямо», /rojˀ/ «год».

/ɛ/ гласный нижнего подъема переднего ряда. Примеры: /kɛɲ/ «старый», /dɛɲˀ/ «жить».

/a/ гласный нижнего подъема среднего ряда. Примеры: /saˀ/ «песок», /zatˀ/ «прыгать».

/ɔ/ гласный нижнего подъема заднего ряда. Примеры: /bɔˀ/ «пена», /hɔjˀ/ «открывать».

Просодии

Тоны

В языках Юго-Восточной Азии целесообразно выделять два типа слогов – живые и мертвые (что часто и делается, например, при описании тайских языков). К мертвым относятся слоги со смычными финалями, к живым – все остальные. Набор тонов в

двух вышеозначенных типах кардинально различен. Все тоны языка (как правило, их несколько; например, в ханойском диалекте вьетнамского языка – шесть) встречаются только в живых слогах, в мертвых же их не может быть больше двух. Как и в уже упомянутых случаях, касающихся сегментов, вопрос объединения дополнительно распределенных тонов в тонемы решается в зависимости от философских предпочтений исследователя. Обычно во внимание принимается и сам характер аллотонов. Интересно, что во многих языках ЮВА высокие тоны живых и мертвых слогов субстанционально довольно схожи. Характерный пример – обозначаемый в письменности акутом высокий резковосходящий тон вьетнамского языка *sác*. Низкие живой и мертвый тоны вьетнамского похожи уже гораздо меньше, но все равно объединяются и единым названием – *pãng*, и единым обозначением – точкой под гласным. В каолан живые и мертвые аллотоны похожи друг на друга еще меньше. Вопрос о том, выбрать для их обозначения один или разные символы, чисто вкусовой. При любом решении важно помнить о субстанциональном различии аллотонов, без учета которого невозможно дать правильного описания.

В живых слогах каолан наличествуют четыре тона (с некоторыми оговорками, см. ниже). Дадим им следующие условные обозначения:

1) «Восходящий». Характеризуется плавновосходящим (от среднего регистра к высокому) или слегка антициркумфлексным контуром. Примеры: /na' / «лицо», /law' / «водка», /zɯŋ' / «сушить».

2) «Нисходящий». Характеризуется средним регистром и нисходящим контуром. Наибольшим образом похож на тон слогов русского языка в утвердительных предложениях. Примеры: /sa' / «песок», /law' / «панцирь», /ɛp' / «бежать».

3) «Ровный». Характеризуется средним регистром и ровным или слегка нисходящим контуром. Примеры: /tha' / «глаз», /maj' / «слюна», /phon' / «шерсть».

4) «Входящий». Низкий резко падающий глоттализированный (сжатый) тон. Свое название получил по аналогии с соответствующим китайским тоном, на который он, по нашему мнению, похож. Поскольку данный тон, судя по всему, происходит из отпавшей финальной гортанной смычки, он часто встречается в открытых слогах или перед плавными финалями /-w/ и /-j/, представляющими собой сохранившиеся части единственно возможных финальных кластеров в языках ЮВА. Примеры: /kɛɣ' / «старый», /kaɣ' / «курица», /sawɣ' / «через». Более необычно появление этого тона в слогах с конечным назальным, например /kaŋ' / «этот», /thəŋ' / «вставать».

В определенном смысле входящий тон стоит особняком. Он существенно отличается от трех остальных и регистровой областью (ниже низкого регистра других тонов), и резкостью контура, и фонационным сопровождением (глоттализацией). Поэтому в живых слогах наряду с выделением четырех тонов полезно было бы выделить два тональных типа. Один из них, включающий только входящий тон, можно было бы назвать резким. Другой, включающий остальные три тона, заслуживает наименование плавного.

Настало время раскрыть оговорку в отношении плавных тонов каолан. Начнем с субстанциональной характеристики тонов. И второй, и третий тон – среднего регистра и нисходящие. Единственное различие – второй тон обладает более выраженным понижающимся контуром, особенно в открытых слогах. В функциональном плане взаимоотношение второго и третьего тонов также порождает проблему. Дело в том, что характерные различия фиксируются только для пар, одним из коррелятов которых является либо восходящий, либо входящий тон. Иными словами, существенные различия отмечены для следующих пар тонов: 1 – 2, 1 – 3, 1 – 4, 2 – 4, 3 – 4, но не для пары 2 – 3. В поле с большим трудом удалось найти и записать цепочку всех трех плавных тонов. Это /həp' / «человек» – /həp' / «подниматься» – /həp' / «темное время суток». При последующем анализе с достаточной степенью определенности выявилась еще одна аналогичная цепочка: /law' / «панцирь» – /law' / «водка» – /law' / «бояться». Удивительно в этих цепочках то, что коррелируют в данном случае закрытые слоги. Логически более вероятной была бы обратная картина. Если открытые / закрытые слоги вступают в отношении «сильная / слабая позиция», то именно открытые слоги должны были бы

манифестировать сильную позицию с большим набором явлений любого рода, в том числе и тонов. Именно такая ситуация отмечена во многих языках ЮВА. В каолан дело обстоит иначе. В поле все попытки найти тройственную корреляцию плавных тонов или минимальную пару с участием нисходящего и ровного тонов в открытых слогах окончились неудачей. Последующий анализ вроде бы выявляет соответствующую тройственную цепочку, однако данный факт не вполне очевиден. Вот этот пример: /rhu^h/ «боронить» – /rhu^l/ «облако» – /rhu[~]/ «водяная черепаха». Под сомнение его ставит то, что наряду с «боронить» в поле зафиксировано слово «борона», которое произносится как /rhu^h/, то есть представляет собой омоним со словом «водяная черепаха». Конечно, нельзя полностью исключать того, что различие тонов в данном случае используется для образования различных частей речи, однако наиболее вероятно то, что ровный и нисходящий контур находятся в свободном чередовании, по крайней мере в отношении слова «борона / боронить».

Итак, корреляция нисходящего и ровного тонов характеризуется рядом усложняющих картину факторов: 1) субстанционально тоны весьма схожи; 2) анализ значительного корпуса базовой лексики не выдал сколь-нибудь существенного числа минимальных пар, подтверждающих наличие данной корреляции; 3) даже те минимальные пары, которые были найдены, не совсем обычны, поскольку практически зафиксированы только в закрытом слоге; 4) единственная вроде бы найденная минимальная пара в открытом слоге может быть поставлена под сомнение. Значит ли это, что корреляции нисходящего и ровного тонов в каолан не существует и в живых слогах этого языка наличествуют только три тона? Думаем, давать окончательный ответ на данный вопрос рано. Поэтому мы и придали суждениям на эту тему характер оговорки, а не окончательного заключения. В словаре и приводимых нами примерах мы продолжаем фиксировать различие ровного и нисходящего тонов. Однако при анализе материалов каолан необходимо помнить о недостаточной ясности явлений, характеризующих различие тонов, обозначаемых соответственно горизонтальной чертой и грависом.

В мертвых слогах каолан встречаются два тона.

1) «Краткий». Характеризуется высоким регистром, резковосходящим контуром и краткостью. Примеры: /zat^h/ «один», /lak^h/ «перегораживать».

2) «Долгий». Характеризуется долготой и плавным контуром. Как правило, является понижающимся (от среднего регистра к низкому), но может произноситься и как ровный, и как повышающийся тон. Примеры: /dɔk^h/ «кость», /+ret^h/ «восемь».

Расхожим представлением является то, что субстанциональным проявлением тонов являются лишь регистры и контуры. Реальная картина выглядит иначе. То, что обычно называется тонами, зачастую осложнено дополнительными фонационными и другими просодическими признаками. Характерный пример – вьетнамский тон ngã, помимо антициркумфлексного контура отличающийся еще и глоттализацией. В своей статье (см. А.Ю. Ефимов. Принципы фонологического описания языков каолан и зай // Вопросы филологии. 2011. № 3) мы попытались ввести термин «тонум» для подобных вещей. В строгом описании целесообразно разграничивать собственно тон, то есть регистр высоты произнесения и контур голосового движения от одного регистра к другому, и тонум, то есть обязательную для языков ЮВА просодию, характеризующую фонологическое слово (в подавляющем большинстве языков это слог) и включающую помимо собственно тона и другие просодические признаки: фонации, долготу и т. п. Правда, поскольку введение новых терминов в данном случае не является самоцелью, мы продолжим употреблять традиционно сложившийся термин «тон», имея при этом в виду то, что фактически описываем тонумы.

Рассуждение, приводимое в предыдущем абзаце, необходимо для того, чтобы обосновать названия мертвых тонов каолан. Действительно, если первый тон еще с грехом пополам можно охарактеризовать как *восходящий, то уже описать второй тон как *низкий совершенно не представляется возможным, поскольку он часто произносится как средний ровный и даже как восходящий (хотя плавный нисходящий рисунок от среднего к низкому регистру является превалирующим). Получается, что долгота ока-

зывается единственным постоянным дифференциальным признаком, и описание «долгий» vs. «краткий» представляется вполне правомерным.

Хотя вопрос объединения мертвых и живых тонов в единые фонемы в значительной мере остается вопросом филологической игры, все же коснемся его в целях придания описанию некой многомерности. С одной стороны, мертвые и живые тоны дополнительно распределены и поэтому должны объединяться в единые тонемы. Следуя этой логике, приходится объединять краткий тон с восходящим, а долгий – с нисходящим. Однако субстанциональное различие аллотонов достаточно велико. Краткий тон значительно резче восходящего и, судя по всему, выше регистром. Долгий же тон отличается от нисходящего еще больше. Как правило, он гораздо ниже, а будучи произнесен выше, характеризуется совсем иным контуром – ровным и даже восходящим. В данном случае приходится сводить в единую тонему не совсем однородные вещи. Ситуация здесь также напоминает случай с английскими [h] и [ŋ].

Итак, для объединения мертвых и живых тонов в каолан имеются аргументы как за, так и против. С тем чтобы учесть и то и другое, можно прибегнуть к определенному компромиссу. В транскрипции будем обозначать мертвые и живые аллотоны одинаково (краткий и восходящий акутом, а долгий и нисходящий – грависом), но называть по-разному. Естественно, речь в данном случае идет о рациональности описания, а не о понимании сути явления.

Фонации

Смычные инициалы каолан могут быть разделены на сильные (*fortis*) и слабые (*lenis*). Не исключено, что разделение на два подобных класса охватывает и другие инициалы, например /s/ и назальные. Подобная бифуркация – одна из характерных черт фонологии языков ЮВА, проходящая по многим языкам и являющаяся одной из причин появления там фонационных и тональных систем. Существуют два типа фонационных корреляций, вызванных воздействием сильных и слабых инициалей. Один тип манифестирован противопоставлением основной фонации голоса (*voice*) и маркированной фонации более слабой, чем голос, то есть *lax* или *breathy*. В этом случае корпуса слогов (и, соответственно, лексем) более сильной и менее сильной фонаций примерно равны по количеству (или сопоставимы друг с другом). Второй тип выражен корреляцией основной фонации голоса и фонации более сильной, чем голос, то есть *tense* (напряженной) или *sreaku*. В последнем случае число слогов (и, соответственно, лексем) с маркированной фонацией гораздо меньше, чем слогов в голосовой фонации. Именно к такому типу и относится язык каолан.

В языках ЮВА наличествуют системы, в которых согласные *fortis* и произносятся сильно (как преглоттализированные). Однако в большинстве языков консонантная корреляция *fortis* – *lenis* в основном лежит в виртуальной области. Характерный пример подобного рода – чамский язык. Там зафиксировано свободное чередование маркированного дифференциального признака (а именно звонкости) с нулем и слабые согласные могут произвольно произносятся то как звонкие, то как глухие. Аналогичную картину демонстрирует нам и каолан в том смысле, что корреляция *fortis* / *lenis* является виртуальной. Согласные *fortis* и *lenis* произносятся одинаково (причем в каолан все инициалы вообще произносятся достаточно напряженно). Различие между ними проявляется в фонации слога. Сильные гласные дают напряженную фонацию (*tense*). Сама фонация оказывает влияние на гласную, в определенных случаях искажая ее до неузнаваемости (о конкретном характере таких трансформаций см. ниже). Интересно что трансформируются не любые гласные, а только /ε/, /a/, /ɔ/ и /ə/, то есть гласные, занимающие нижнюю часть таблицы вокализма. Другие гласные, например /u/, никак не меняются. Такую ситуацию можно интерпретировать двояко. Можно сказать, что напряженную фонацию принимают только вышеуказанные более открытые гласные, и, соответственно, только на них влияют сильные инициалы. Второй вариант интерпретации заключается в том, что гласные каолан бывают двух родов – ус-

тойчивые, не подверженные искажению в напряженной фонации, и неустойчивые, которые под влиянием напряженной фонации и сильной инициали подвергаются трансформации. В любом случае ясно, что корреляция сильных и слабых инициалей и, соответственно, напряженной и голосовой фонаций относится к виртуальной области и скрыта от нас, как скрыта под водой основная масса айсберга. Нам же видна только его верхушка, в данном случае манифестируемая искажениями некоторых гласных.

Приводимая ниже таблица показывает соотношение устойчивых и неустойчивых гласных или, соответственно, область скрытого и открытого действия фонационной корреляции. Позиции неустойчивых гласных выделены серым цветом.

i	ш	и
e	э	о
ε	а	э

Дополнить функциональную характеристику напряженной фонации может то, что она встречается (или, следуя логике наших предыдущих рассуждений, манифестируется на актуальном уровне) только в закрытых слогах. Таким образом, открытые слоги представляют собой слабую позицию и в отношении фонаций.

Характер трансформации гласных в напряженной фонации весьма причудлив. Гласные сильно искажаются и приобретают необычную форму. В эмоциональном описании была бы уместна фраза: «напряженная фонация мнет гласный». Открытые гласные /ε/ и /э/ глайдируются и превращаются в так называемый «динамический монофтонг» или «слитный дифтонг». Обычно дифтонг состоит как бы из двух гласных, хоть и произносимых слитно, и можно выделить экскурсию и рекурсию как первого, так и второго элемента (даже если рекурсия первого элемента совпадает с экскурсией второго). Здесь же имеется одна экскурсия и одна рекурсия, никаких синтагматически расположенных элементов дифтонга выделить невозможно, но при этом гласная начинает произноситься более открыто (и в случае /ε/ более задне, а в случае /э/ – более передне), а заканчивается более закрыто (а также в случае /ε/ более передне, а в случае /э/ – более задне): [°ε] и [°э] соответственно. Это немного напоминает трюк: произносится явный монофтонг, но в то же время он начинается как одна гласная, а завершается – как другая. Что касается /а/, ее трансформация в напряженной фонации происходит несколько иначе. Гласная не глайдируется, а произносится несколько более закрыто [ɒ], а в кратком тоне – сверхкратко (гораздо более кратко, чем все остальные гласные), с неким бемольным обертоном. Именно на /а/ чувствуется напряженность, которая на других гласных, судя по всему, размывается другими качествами, определяемыми местом артикуляции. Наиболее сложно описать характер искажения /э/. Там также происходит глайдирование, но сдвигка вроде бы происходит то по подъему, то по ряду, давая что-то вроде [°э] или [°э].

Поскольку напряженная фонация, по нашему мнению, определяется виртуальной силой инициали, будем обозначать ее знаком + перед соответствующей согласной. Это удобно еще и тем, что знак тона ставится после слога, и таким образом просодические диакритики разнесены в пространстве и не наслаиваются друг на друга.

Приведем примеры слов с напряженной фонацией, по возможности снабдив их ненапряженными коррелятами. /+rɛtʲ/ «восемь» – /rɛtʲ/ «крыло», /+tɐrʲ/ «класть, ставить» – /tɐrʲ/ «печень», /+rɛŋʲ/ [rʲɛŋ] «тянуть, тащить» – /rɛŋʲ/ «выворачивать наизнанку». Последняя пара иллюстрирует еще один аспект воздействия напряженной фонации: вполне возможно, что она еще и палатализует финаль. Оговоримся, правда, что данное явление еще нуждается в подтверждении.

Назализация гласного

После ларингальной инициали /h/ гласная всегда назализуется. Примеры: [hɛw̃] «зуб», [hɔj̃] «известь». В общем-то, определенная назализация сопровождается произнесением всего слога, поэтому данное явление может быть отнесено к просодиям, тем более что функционально в появлении назализации принимают роль как минимум два элемента слога – инициаль и гласный. Однако данное явление не имеет фонологического характера.

Судя по всему, назализованная гласная возникает и в слогах с инициальной гортанной смычкой (иначе описываемых как слоги с нулевой инициальной или открытые слева слоги), например, [ʔãw̃] «приносить». Если это действительно так, то данное явление экономно описывается следующим правилом: назализация после ларингалов. Однако открытых слева слогов в каолан вообще мало, а назализация в них проявляется не так отчетливо.

Сведения об авторе:

Александр Юрьевич Ефимов
Институт языкознания РАН
yefimov1314@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.01.2013.

© 2013 г. Б.А. УСПЕНСКИЙ

БУКВА Э В ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕВЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И В СПИСКАХ БИБЛЕЙСКОЙ КНИГИ ИСХОД

В древнерусских певческих текстах, записанных крюковой нотацией, встречается буква Э, вставленная в текст песнопения. Вместе с тем, в русских списках Библии мы наблюдаем устойчивую традицию использования «э оборотного» при передаче еврейских фраз, относящихся к имени Бога (где Э оказывается на месте еврейского алефа). Автор приходит к выводу, что оба эти явления связаны: предполагается, что певческое Э восходит к гебраизмам со значением имени Бога. Исследуется происхождение буквы Э и история ее развития (до нач. XVIII в.).

Ключевые слова: сакральная филология, алфавит, глоссолалия, церковное пение, имя Бога, Библия, гебраизмы, палеография

In Old Russian hymns one sporadically observes the letter Э, incorporated in the text of a hymn. The author argues that this letter reflects some Hebrew phrases referring to the name of God: he establishes connections between the hymnographic Э and some specific hebraisms in the Russian Old Testament manuscripts. The article deals both with the origin of the letter Э and its subsequent evolution.

Keywords: sacred philology, alphabet, glossolalia, Old Russian chant, hymnology, name of God, Bible, hebraisms, palaeography

1. В древнерусских певческих текстах, записанных крюковой (невменной) нотацией, с XV в. встречается буква Э.

В этом не было бы ничего странного, если бы эта буква входила в церковнославянскую азбуку. Но это не так: в настоящее время она принадлежит русской, гражданской азбуке, тогда как в церковнославянском алфавите такой буквы нет. Тем не менее буква Э фигурирует в церковнославянских певческих текстах, причем только в текстах русского (великорусского) происхождения. Как это могло произойти, и что это значит? Это парадоксальная ситуация, и она нуждается в объяснении.

2. По своему употреблению – а иногда и по своему начертанию – в певческих текстах могут различаться два типа буквы Э. Одно Э появляется во всякого рода глоссолалических вставках, так или иначе преобразующих текст песнопения. Другое Э, судя по всему, указывает на характер музыкального звучания, выступая как признак определенного стиля пения. Первое Э мы назовем глоссолалическим, второе – семиографическим.

В первом случае Э непосредственно принадлежит воспроизводимому тексту. Во втором случае оно легко вычлняется из текста и существует как бы независимо от него.

Глоссолалическое Э может повторяться в последовательности ЭЭ..., выражая протяжение гласного звука, семиографическое же Э никогда не повторяется.

Как мы увидим, не всегда возможно различить глоссолалическое и семиографическое Э, но в типичных случаях их различие предстает вполне наглядно. Мы начнем именно с типичных случаев.

3. Для иллюстрации того и другого Э обратимся к благовещенской стихире (славнику Благовещению 2-го гласа) в стихираре собор. Троице-Сергиева монастыря кон. XV в.

(РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409)¹. Наряду с повторяющейся большой буквой Э в самом тексте стихирь (вытянутой горизонтально, с языком, лежащим параллельно строке или же устремленным вверх), мы находим здесь в нескольких случаях маленькую и узкую букву совсем другого начертания (с языком, опущенным вниз), вписанную другой рукой. Первое Э может быть определено как глоссолалическое, второе – как семиографическое.

Эта добавленная буква Э (которую мы только что определили как Э семиографическое) встречается во многих местах данной рукописи²; иногда она написана теми же чернилами, которыми нанесены надстрочные, музыкальные знаки. Как это обычно бывает, один писец писал текст, другой проставлял крюки; этот же писец, по-видимому, мог вставлять Э. В одном месте (л. 152 об.) эта буква дважды вписана киноварью и так же, киноварью, исправлена ошибка в тексте (слово «осини», императ. от *осънити*, исправлено на «осъни»), причем одновременно поправлена и крюковая нотация; той же рукой написаны и инициалы. В данном случае эта правка принадлежит, по-видимому, редактору (нотарию): таким образом, эта буква Э была вставлена в процессе окончательного оформления рукописи³.

Если отвлечься от добавленных позже букв (к их рассмотрению мы обратимся ниже), исходный текст стихирь выглядит таким образом:

«Благовѣстоуете гаврилъ **ѡ**брадованнѣи денесь. радѣиса безневѣстнаа мати и бракѣ неискѣсимаа. не дивиса страненоѡмоу моемоу видуу ни Ѣжасаиса архангелъ бо есмь. змиа же. Эинеине преЭЭЭниеинеЭЭЭлести евоу. иногда нынѣ же и азъ благовѣстоую ти **ѡ** дѣво радости. и пребѣдеши нетлѣнна. и родиши чистаа господа. чистаа **царя**. аина аниЭне иЭинено анно таино» (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 116 об. – 117; *илл. 1а, 1б*)⁴.

¹ На л. 104 здесь обозначена дата: 25 октября 7004 (т.е. 1495) г., «в нед[ѣлю]». Этот день приходился на субботу, но по церковному счету времени он мог быть отнесен к воскресенью.

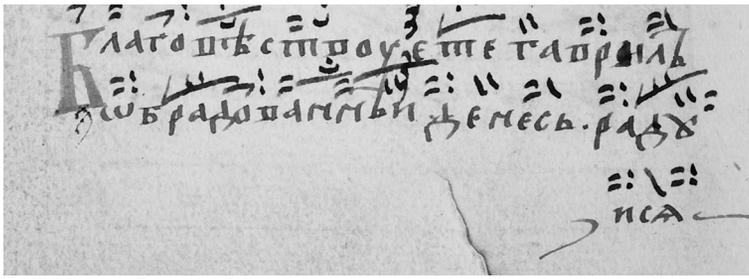
² См. л. 7, 19–20 об., 25, 28–29, 32 об., 41 об. – 42 об., 43 об., 51, 52, 53, 54–55, 56 об. – 58 об., 62–63, 64 об., 69, 69 об., 70 об., 73 об., 74 об., 75 об. – 79 об., 81–82 об., 85–87, 92 об., 96, 98 об. – 101 об., 103, 104 об., 105, 109, 110–111 об., 112 об., 116 об. – 119, 122 об. – 123, 124, 127 об., 128, 130 об. – 132, 136 об. – 137 об., 139 об., 144 об., 146, 147 об. – 149 об., 151 об. – 153, 155 об. – 156 об., 159, 159 об., 170 об. – 171 об., 173, 173 об., 179 об., 180 об. – 181 об., 201, 204 об. – 205 об., 207–209 об., 212 об., 214 об., 215, 218, 221 об., 233–234, 235, 236, 237–238 об., 239 об., 241 об. – 242 об., 244, 248, 250–250 об., 253, 253 об., 257, 259, 260–261, 270 об. – 271 об., 273 об. – 274 об., 276, 276 об., 278, 280 об., 283, 284 об., 285, 285 об., 287, 288 об., 289, 292, 293 об., 294 об., 300, 300 об., 301 об.

³ На некоторых листах эта вставленная буква Э оказывается большого размера, превышая размер букв певческого текста и приближаясь по величине к Э глоссолалическому в той же рукописи. Такое Э четыре раза встречается на л. 25 и дважды на л. 152 об., причем в одних случаях оно приписано на левом поле, в других же является в тексте; как кажется, в этих последних случаях для нее было оставлено место. Как бы то ни было, перед нами вставленная буква, написанная иными чернилами, чем основной текст рукописи. Характерным образом язычок этой буквы каждый раз устремлен вниз (в отличие от Э глоссолалического). Над буквой Э при этом нет музыкальной нотации.

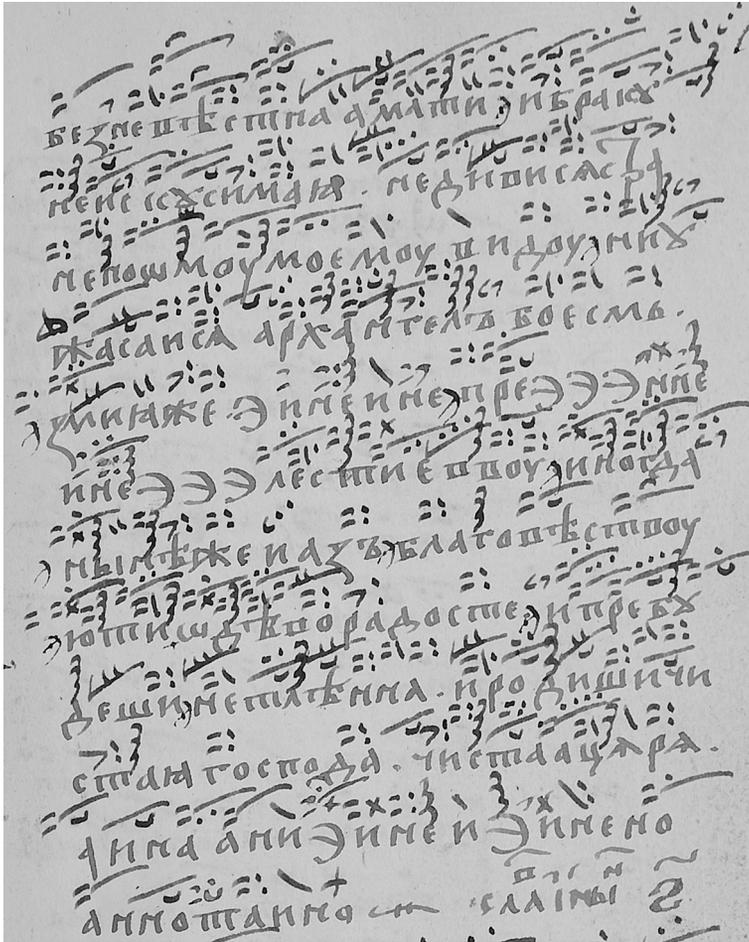
⁴ С устранением элементов хомонии, повторяющихся (или омофонных) букв и глоссолалических вставок это означает:

«Благовѣстоуетъ Гаврилъ **ѡ**брадованнѣи дньесь. Радѣиса, безневѣстнаа мати и бракѣ неискѣсимаа, не дивиса страннѡмоу моемоу видуу, ни Ѣжасаиса: архангелъ бо есмь; змиа же прелести Евоу иногда, нынѣ же и азъ благовѣстоую ти, **ѡ** дѣво, радость, и пребѣдеши нетлѣнна и родиши, чистаа, Господа, – чистаа, **царя**».

О хомонии и хомовом (наонном) пении см. [Успенский 1997а; 2002: 139–149, § 7.5.3; Владышевская, Успенский 2011: 216–219].

Илл. 1а. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 116 об.

Илл. 1б. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 117

С добавленными же буквами текст выглядит так (в нижеследующем примере семиграфическое Э будет выделено подчеркиванием):

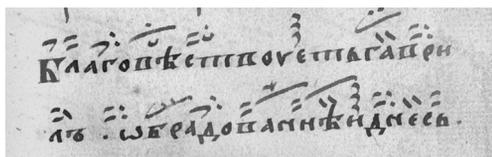
«Благоуствоуете гавриль Э ѡбраваннѣи денесь. радѣса безневѣстнаа мати Э и бракѣ неисксимаа. не дивиса страненоумоу моему виду Э ни ѡжасаиса архангель бо есмь. Э змиа же. Эинеине Э преЭЭЭинеинеЭЭЭлести евоу. Э иногда Э нынѣ же и азъ Э благоуствоу Э ю ти ѡ дѣво радости. Э и пребѣдши Э нетлѣнна. и родиши чистаа господа. чистаа цѣра. аина ани Эине и Эинено анно таино».

Глоссолалическая вставка (аненайка) передает здесь «архангельский глас» Гавриила. Обращаясь к Деве, Архангел говорит с ней на особом, «архангельском» языке, и певиче, распеваящие благовещенскую аненайку, воспроизводят этот язык.

Это специально подчеркивается в величании на Благовещение, которое по сей день исполняется с аненайкой старообрядцами-беспоповцами: «Архангелескии гласо вопиемо ти чиста^а оле таины ли не не на ни радоуис^а обрадованна^а госпде с тобою» (рукопись сер. XVII в. библиот. Вроцлавского ун-та, Slav. 5, л. 227 об.; ср. воспроизведение [Гарднер, I: 481–482]) – слова «архангельский глас» предшествуют аненайке и как бы вводят ее. Ср. также стихире на Благовещение 4-го гласа: «Языка, его же не ведаше, услыша Богородица, глаголаше бо к ней Архангел благовещения глаголы...». Фраза «Языка, его же не ведаше» восходит к Псалтыри (Пс. LXXX/LXXXI, 6), где имеются в виду слова Господа, обращенные к еврейскому народу, которые цитирует псалмопевец (см. [Зигабен 1883: 29 второй пагинации]); эта фраза переосмысливается в данной стихире и относится к речи архангела Гавриила⁵.

Элемент «тайно», которым заканчивается обращение Архангела к Деве в Троицком стихираре, принадлежит аненайке, т.е. именно глоссолалическому тексту; надо полагать, вместе с тем, что здесь закодировано слово *тайно*.

Такое именно обращение Архангела к Деве в благовещенской стихире (славнике Благовещению 2-го гласа) – с буквой Э в аненайке – наблюдается в целом ряде рукописей XV–XVI вв.; судя по всему, оно было очень распространено. На целый ряд параллелей указала в своих работах З.М. Гусейнова [Гусейнова 2006; 2008а: 14; 2008б: 90; 2010: 70]; мы можем несколько расширить этот список.

Илл. 2а. РНБ, Солов. 690/758, л. 85.

Так, песнопение, почти полностью идентичное только что цитированному, мы находим в книге праздников XVI в. Соловецкого собр. (РНБ, Солов. 690/758, л. 85–85 об. / л. 94–94 об. верхней фолиации; илл. 2а, 2б):

«Благовѣстуетъ гавриль. **в**брадованнѣ днесь. радоуис^а безневѣстна^а мати. и браку неискоусима^а. не дивис^а страненому моему виду. ин оужаис^а [sic!]

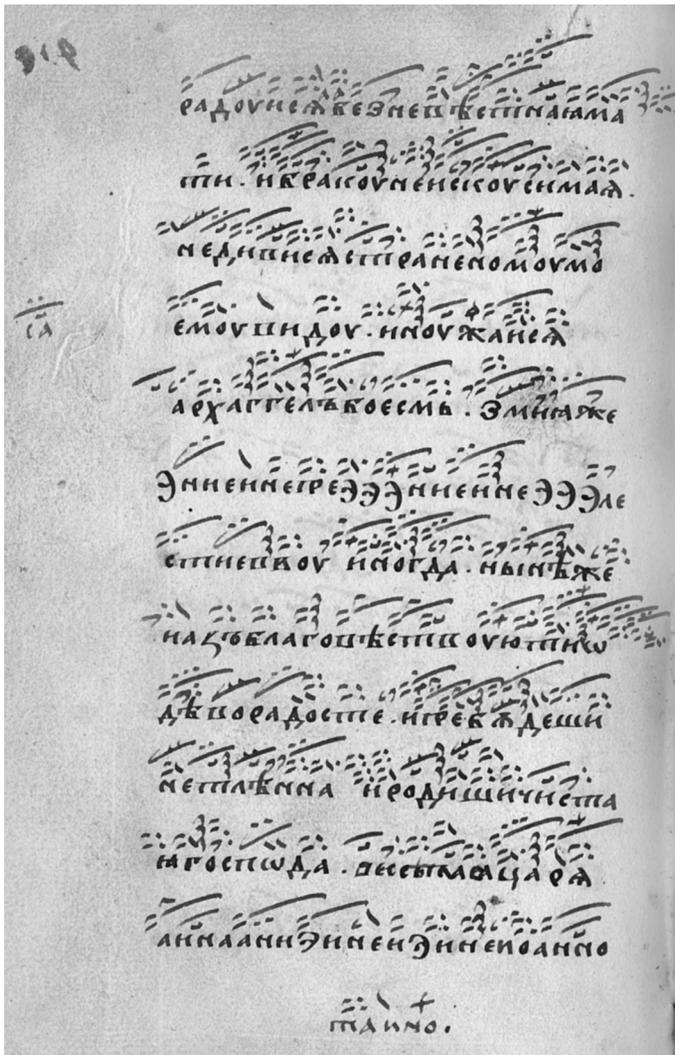
архаггель бо есмь. змиа же Эниеине преЭЭЭниеинеЭЭЭлести евоу иногда. нынѣ же и азъ благовѣстуюю ти **в** дѣво радосте. и пребѣдши нетлѣнна и родиши чиста^а госп^вда. весеѣмо цар^а аинааниЭниеиЭниеиоанно тайно» (ср. воспроизведение: [Smolenskij 1976: 49, № 23])⁶.

В обеих рукописях глоссолалическое Э выделяется своим размером по отношению к другим буквам. Что касается семиографического Э, то оно в Соловецкой рукописи отсутствует, как отсутствует оно во всех других текстах (помимо Троицкого стихираря), имеющих глоссолалическое Э.

⁵ В настоящее время аненайка в благовещенском величании, по нашим данным, понимается как ликование Девы, узнающей радостную весть (такое объяснение нам доводилось слышать у старообрядцев-федосеевцев на Преображенском кладбище в Москве); А.В. Преображенский отмечает другое толкование: Богоматерь баюкает младенца Христа (см. [Преображенский 1924: 37]). Несомненно, однако, что ранее она относилась к архангелу Гавриилу, у которого, по словам песнопения, «странный вид» и который говорит на странном, ангельском языке.

Ср. замечания протопопа Аввакума об «ангельском языке» в толковании на Псалтырь. Обсуждая сравнительное достоинство греческого и церковнославянского языков, Аввакум писал, обращаясь к царю Алексею Михайловичу: «Любить насъ Богъ не меньше грековъ; предаль намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кириломъ святымъ и братомъ его? Чево же намъ еще хочеться? Развѣ языка ангельска? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ, до общаго воскресенія» [Аввакум 1927: стлб. 475].

⁶ Единственное отличие находится в конце стихире, перед завершающей аненайкой: вместо «родиши чиста^а госп^вда. чиста^а цар^а» здесь читается «родиши чиста^а госп^вда. весеѣмо цар^а». Впрочем, слово «весеѣмъ» (записанное в форме «весеѣмо») исправлено из какого-то другого слова.

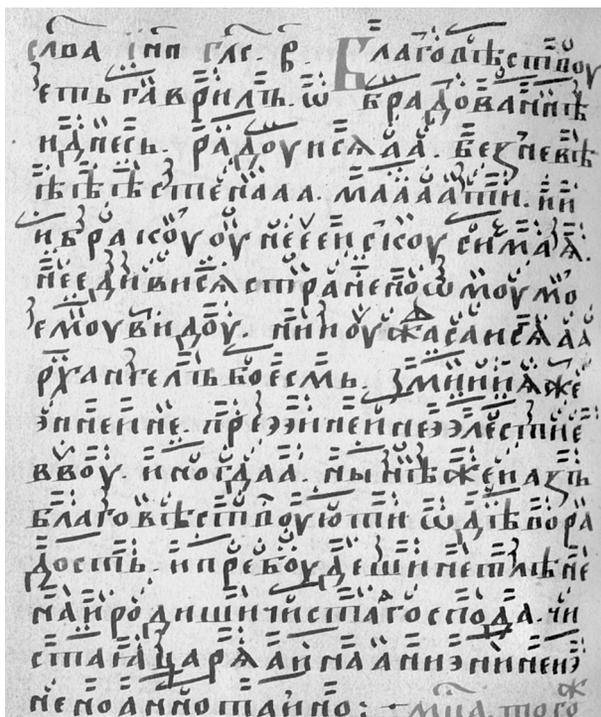

Илл. 2b. РНБ, Солов. 690/758, л. 85 об.

В других рукописях буква Э может не отличаться по размеру от других букв, и она повторяется не три, а два раза; кроме того, здесь представлена другая музыкальная нотация. Один из таких текстов З.М. Гусейнова обнаружила в сборнике 1470–1490 гг. Евфросина, писца Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. № 9/1086, л. 461 об./л. 462 об. старой фолиации; илл. 3):

«Благовъствоуетъ гавриль. въбрадованнѣи днесь. радоуислаа. безневѣѣѣстенааа. мааати. иии бракоуоу несейскоусимаа [sic!]. нее дивисаа страненоумоу моему видуу. ни и оужасаисаа аархангель бо есмь. смиииаа же Эннеине. преЭЭинеинеЭЭлести евоу. иногдаа. нынѣ же и азъ благовъствую ти ѿ дѣво радость. и пребудеши нетлѣнена. и родиши чистаа господа. чистаа цара. аинааниЭниинеиЭ не но анно таино» (ср. воспроизведение: [Гусейнова 2008а: 13, пример 4; 2008б: 96, пример 7]; см. также описание [Каган и др. 1980: 138])⁷.

⁷ В выражении «бракоуоу несейскоусимаа» буква с ошибочно поставлена, видимо, вместо е, т.е. должно быть «бракоуоу нееискоусимаа».

Илл. 5. РНБ, Кир.-Бел. № 653/910, л. 88 об.

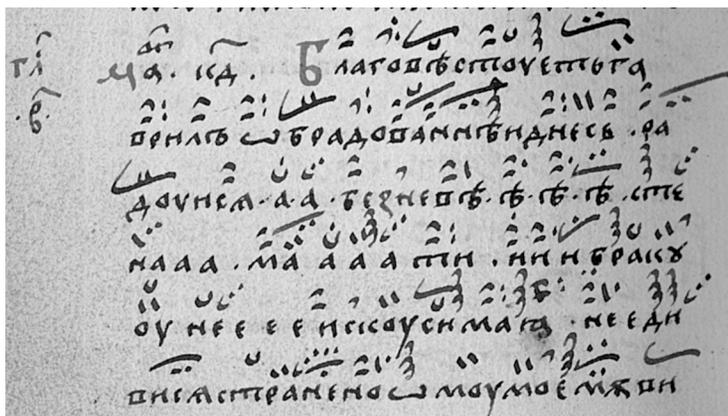
З.М. Гусейнова отметила еще три рукописи с аналогичным текстом. Приведем эти тексты:

«Благовѣстоуетъ гавриль ѡб радованнѣи днесь. радоуислаа. безневѣѣѣстенааа. мааати. иии бракоуоу неееискоусимаа не дивиса. страненоумоу моему виду. ни оужасася аархангель бо есмь. змиа же Эинеине. преЭЭинеинеЭЭлести евоу. иногда нынѣ же и азъ благовѣстоую ти ѡ дѣво радость. и пребоудеши нетлѣнена. и родиши чистаа господа. чистаа царя аинааниЭнинеиЭнено анно таино» (РНБ, Кир.-Бел. № 597/854, л. 222 об. верхней (единственной) фолиации, вторая пол. XV в.; илл. 4).

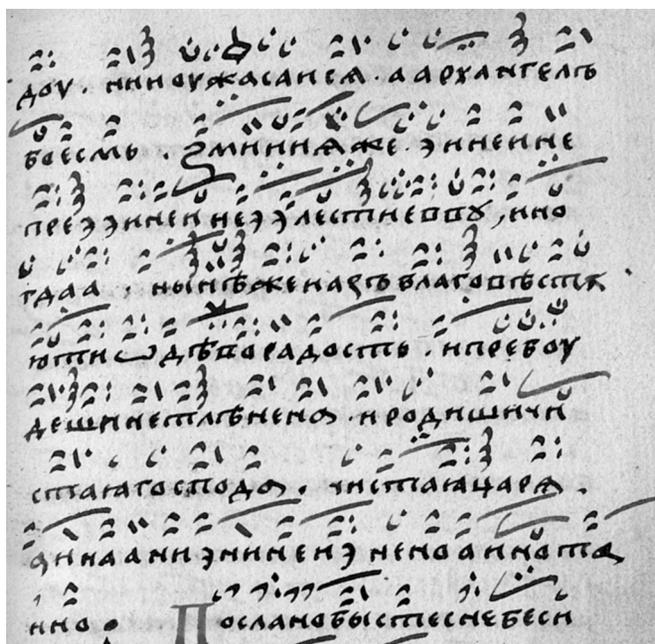
«Благовѣстоуетъ гавриль. ѡб радованнѣи днесь. радоуислаа. безневѣѣѣстенааа. мааати. иии бракоуоу неееискоусимаа. нее дивиса страненоумоу моему виду. ни оужасася аархангель бо есмь. змиия же Эннеине преЭЭинеинеЭЭлести евоу. ингодаа. нынѣ же и азъ благовѣстоую ти ѡ дѣво радость. и пребоудеши нетлѣнена и родиши чистаа господа. чистаа царя аинааниЭнинеиЭнено анно таино» (РНБ, Кир.-Бел. № 653/910, л. 88 об. по нижней и верхней фолиации, кон. XV в.; илл. 5).

«Благовѣстоуетъ гавриль ѡб радованнѣи днесь. радоуисла.а.а. безневѣ.ѣ.ѣ.ѣ.стенааа. мааати. иии бракоуоу нееееискоусимаа. нее дивиса страненоумоу моемъ виду. ни оужасася. аархангель бо есмь. змиия же. Эинеине преЭЭинеинеЭЭлести евѣ, иногда, нынѣ же и азъ благовѣстѣю ти ѡ дѣво радость. и пребоудеши нетлѣнена. и родиши чистааа господа. чистааа царя аинааниЭнинеиЭнено аино танно» (РНБ, О.І.37, л. 267 об. – 268, первая пол. XVI в.; илл. 6а, 6б).

Во всех цитированных нами рукописях буква Э повторяется в аненайке, что определенно указывает на ее глоссолалический характер. Позиция буквы Э во всех этих случаях совпадает: она отличается только тем, что в одних рукописях Э повторяется три раза (образуя последовательность ЭЭЭ), в других же – два раза (в виде последовательности ЭЭ). Над буквой Э в принципе стоит нотный знак (невма); он может, однако,

Илл. 6а. РНБ, 0.1.37, л. 267 об.

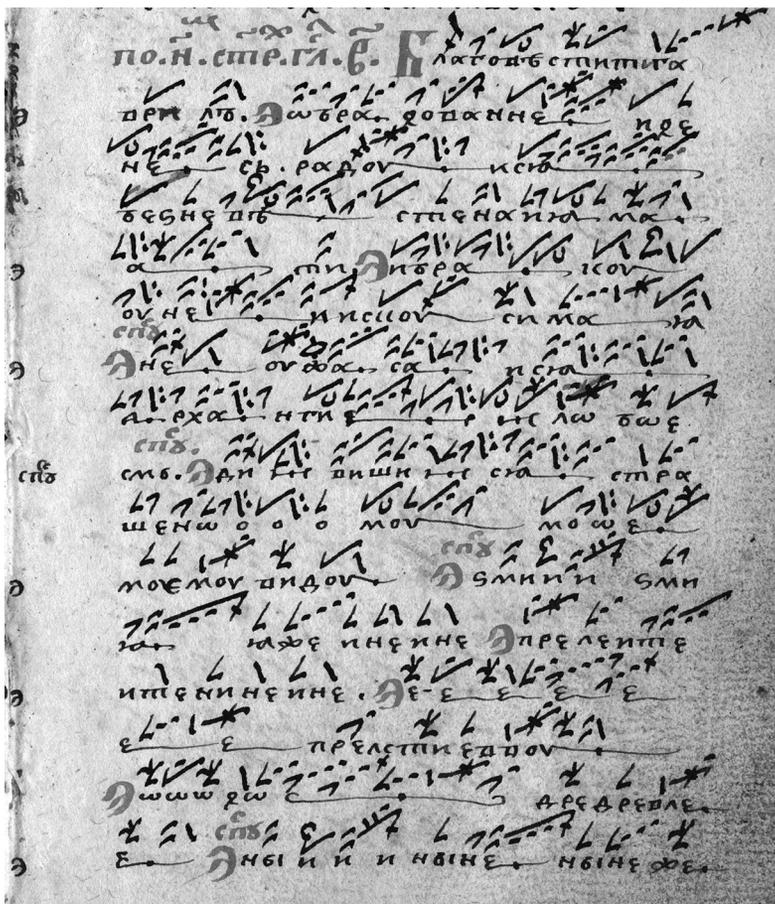

Илл. 6б. РНБ, 0.1.37, л. 268

отсутствовать в тех случаях, когда этой букве предшествует буква *Е*: очевидно, в этом случае предполагается повторение той же ноты, которая стоит над предшествующей буквой⁸.

Мы привели примеры глоссоалалического Э. Приведем для сравнения то же песнопение (с небольшими перестановками в тексте) с Э семиографическим, а не глос-

⁸ Как отмечает З.М. Гусейнова, обычно попевка с буквой Э появляется после буквы *е* как продолжение звучания этой последней буквы: по ее словам, эта буква «указывает на более или менее развитый мелизматический оборот, будь то просто распетая гласная, развод фиты или хабувы» [Гусейнова 2010: 75]. Отсюда, по ее мнению, объясняется самостоятельное употребление буквы Э в певческих текстах (явление, которое мы определяем как Э семиографическое). Отметим, что в аненайках буква Э достаточно часто появляется и после буквы *И*.

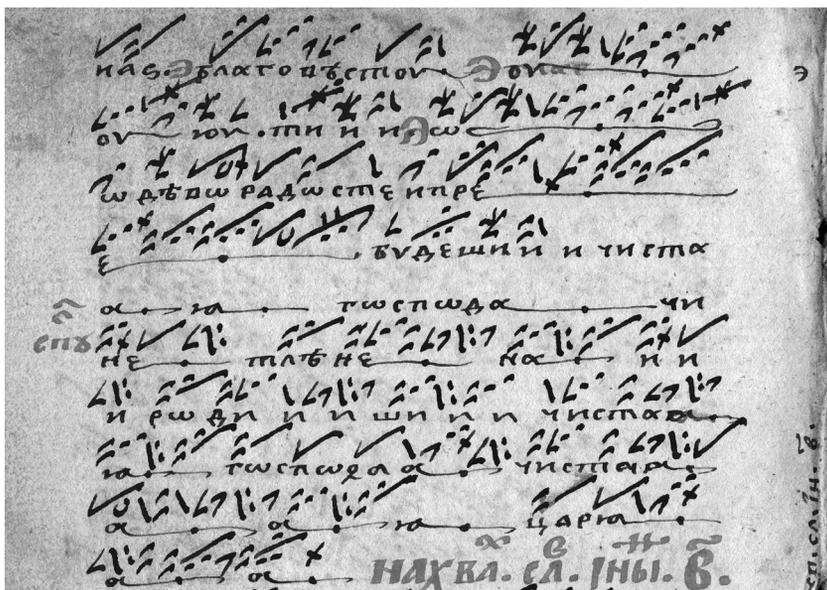

Илл. 7а. РНБ, Солов. 690/755, л. 187

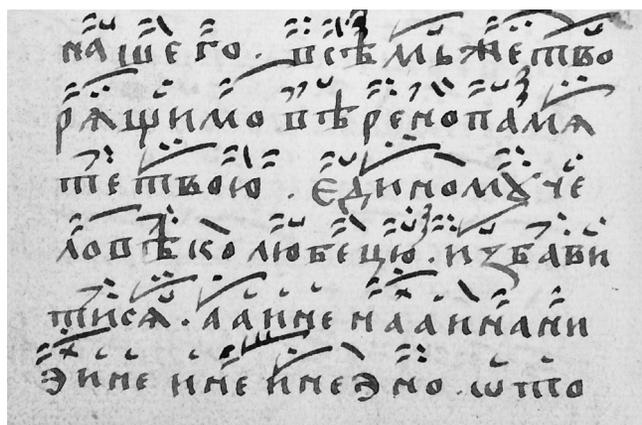
солалическим (которое вставляется между словами, не изменяя форму слова, и не повторяется) – по сборнику праздников демественного распева Соловецкого монастыря нач. XVI в. (РНБ, Солов. 690/755, л. 187–187 об. по верхней, единственной фолиации; илл. 7а, 7б):

«Благовѣстити гавриль. Э ѡбравданнее денесь. радоуиста бесневѣстенаиѡ маати Э и бракоуоу неискоусимаѡ Э не оужасаиѡ архангилѡ бѡ есмь. Э дивишиѡ страненѡооооу моѡеѡеѡу еѡу виду Э смиии смииѡѡ же инеине Э прелитеитениине. Эеѡеѡеѡеѡеѡеѡ прелсти еввоу. Эѡѡѡѡѡ дре древлее Эныиини ныне ныне же. и ас. Э благовѣстоу Э оуоуѡу. тии. Э ѡѡ дѣѡѡ радѡсте и преебудешии чистаѡѡ гѡспѡда чи нетлѣнена иии рѡдиинишии чистаѡѡ гѡспѡдаа чистаѡѡѡѡѡ царѡѡѡ» (ср. воспроизведение: [Smolenskij 1976: 10, № 4]).

Существенно при этом, что позиция буквы Э в этой рукописи совпадает с позицией семиографического Э (вставленного другой рукой!) в Троицком стихираре кон. XV в., который мы цитировали выше (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 409, л. 116 об. – 117; илл. 1а, 1б), и не совпадает с позицией Э глоссолалического в только что цитированных рукописях. Таким образом, перед нами в данном случае, несомненно, семиографическое, а не глоссолалическое Э. И здесь также буква Э выделяется своим размером (как в Троицком стихираре и в сборнике Соловецкого собр. РНБ, Солов. 690/758, см. выше, илл. 2а, 2б);

Илл. 7б. РНБ, Солов. 690/755, л. 187 об.

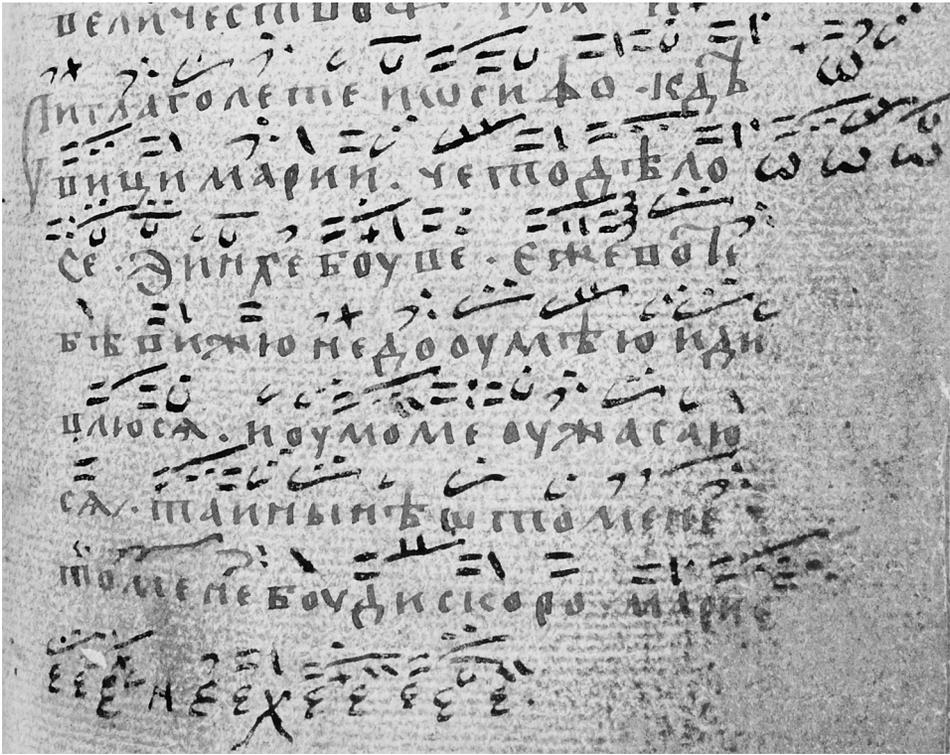
Илл. 8. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 16 об.

она написана киноварью, так же, как заголовки и инициалы; над этой буквой нет музыкальной нотации, при этом в четырех случаях над ней написано слово «спѣс[к]»⁹.

4. Как мы видели, глоссолалическая попевка с буквой Э в славнике Благовещению была очень распространена. Иногда – но отнюдь не столь последовательно! – подобные попевки встречаются и в других песнопениях. Следует полагать, что именно «архангельский глас» благовещенской стихирь определил спорадическое появление буквы Э в других случаях.

Так, в том же Троицком стихираре мы находим анайку с буквой Э в стихире Никите мученику: «...творящимо вѣрено памате твою. единомѣчеловѣколюбецо. изба-

⁹ Как буква Э, так и слово «спѣс[к]» повторяются на полях рукописи. Это технические пометы, отражающие процесс работы над певческим текстом: писец помечал то, что позднее должно было быть вписано киноварью.

Илл. 9. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 74

витиса. аанне наананиЭине ине инеЭно» (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 16 об.; илл. 8)¹⁰.

В этом же стихираре мы находим букву Э в другой глоссолалической попевке, хабуве. Ср. здесь обращение св. Иосифа к Марии: «Чето дѣло **www** се. Эинехебоуве. еже во тебѣ вию недоумѣю и дивлюса» (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 74; илл. 9)¹¹; или обращение Христа к Иоанну Крестителю: «Си глаголете господе. ко ивану пророче гради крестити мене. Эинехебоуве. тебе создавашаво [sic!]. и просвѣщаго благодатию» (л. 97; илл. 10)¹².

Во всех этих случаях начертание буквы Э соответствует начертанию ее в архангельской речи славника Благочестению в той же рукописи (л. 117; илл. 1b); иное, семиографическое Э в этих текстах не проставлено.

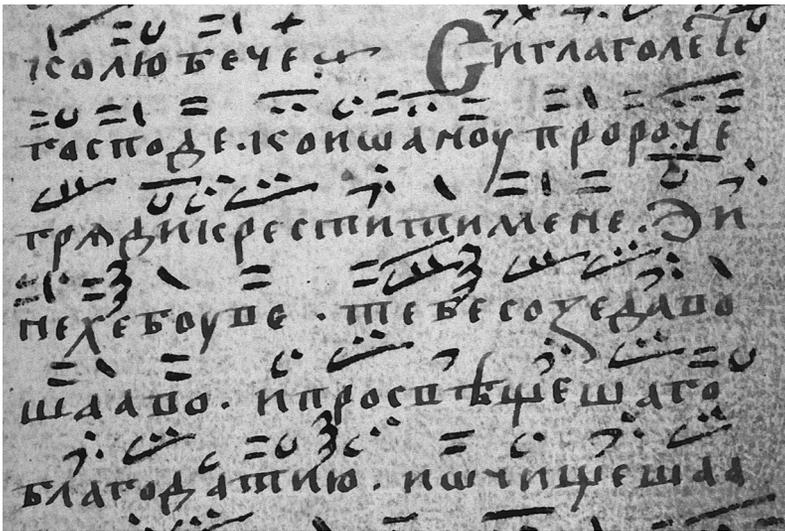
В стихираре Кирилло-Белозерского монастыря кон. XV – нач. XVI в. (РНБ, Кир.-Бел. № 629/886) мы находим хабуву с буквой Э в стихире на Лазареву субботу при описании стенания ада, который отпускает Лазаря по слову Христову: «Оутро бо христосо

¹⁰ То есть: «...творящимъ вѣрно память твою единомъ чловѣколюбцю избавитиса» (Стихира 8-го гласа 15 сентября: «Победе тезоименник явися»).

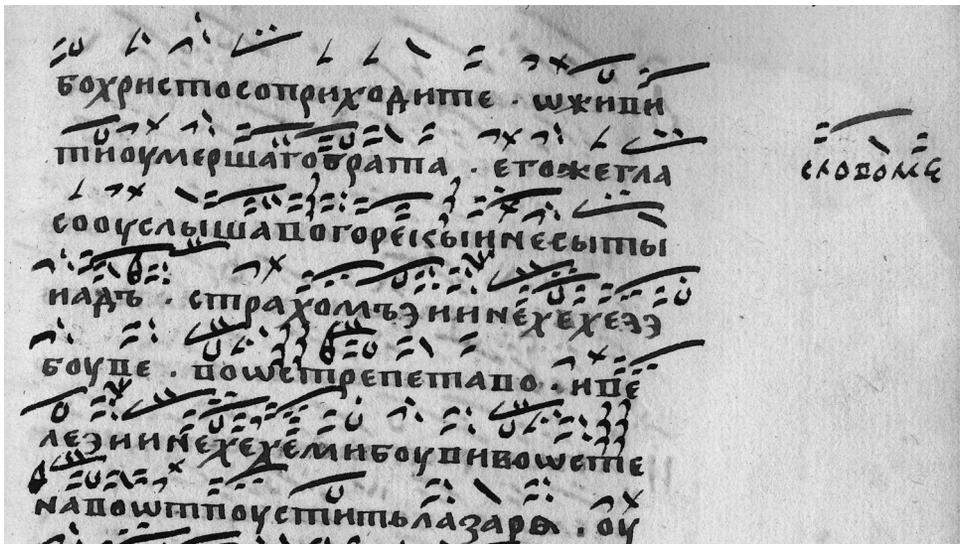
¹¹ То есть: «Чьто дѣло се еже въ тебѣ вию недоумѣю и дивлюса» (Тропарь 8-го гласа на царских часах Рождества Христова: «Сице глаголет Иосиф к девице Марии»).

¹² О наличии глоссолалической попевки (хабувы) в этом песнопении упоминается в послании патриарху Гермогену 1606–1610 гг., направленном против попевок такого рода; см. [Майков 1911: 429].

¹² То есть: «Си глаголетъ Господь ко Ивану: пророче, гради крестити мене, тебе создавашаво и просвѣщаго благодатию» (Стихира 8-го гласа на царских часах Богоявления: «Си глаголет Господь ко Иоанну»).

Илл. 10. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 97

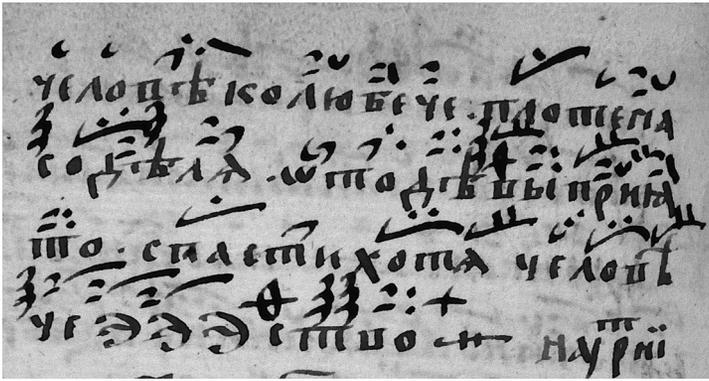
Илл. 11. РНБ, Кир.-Бел. № 629/886, л. 267

приходите. шживити оумершаго брата. его же гласо оуслышаво горекыи несытыи адъ. страхомъ ЭиннехехеЭэбоуде. вострепетаво. и веле Эииннехехемибоуви востенаво штпоустити лазара» (л. 267; см. [Гусейнова 2010: 74]; илл. 11)¹³.

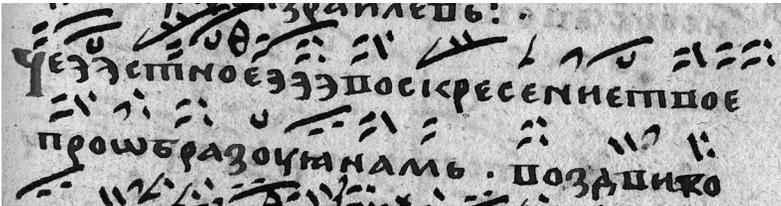
В некоторых случаях глоссолалическая попевка состоит из одной повторяющейся буквы Э. Так, например, в Троицком стихираре мы читаем: «спасти хотя чловѣчЕЭЭство» (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 53 об.; илл. 12)¹⁴; при этом наря-

¹³ То есть: «Оутро бо Христось приходит шживити оумершаго брата. Его же гласъ оуслышавъ, горькыи несытыи адъ, страхомъ вострепетавъ и вельми востенавъ, штпоустити Лазара» (Стихира 8-го гласа в пяток недели Ваий: «Душеполезную совершивше четверодесятницу»).

¹⁴ Славник архангелу Михаилу на стиховне, глас 8-й: «Яко чиноначальник и забрало ангелом».

Илл. 12. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 53 об.

Илл. 13. РНБ, Кир.-Бел. № 629/886, л. 268

ду с глоссолалическом Э (которое соответствует по своему начертанию глоссолалическому Э в архангельской речи славника Благовещению) здесь есть и другое – вписанное, семиографическое – Э (л. 53). Равным образом в только что цитированном стихираре Кирилло-Белозерского монастыря находим: «чеЭЭстноеЭЭЭ воскресение твое» (РНБ, Кир.-Бел. № 629/886, л. 268; см. [Гусейнова 2010: 74]; илл. 13)¹⁵.

5. Семиографическое Э, в отличие от глоссолалического, как правило, вставляется между словами, не нарушая фонетического облика слова (о некоторых исключениях из этого правила будет сказано ниже). Нередко оно присутствует в начале фразы или значимой синтагмы, например: «Э слава бо Господна на тобѣ восиа...»; «Э на рѣцѣ Вавилонстѣй...» и т.п. Как мы уже упоминали, буква Э при этом никогда не повторяется. Над семиографическим Э может стоять – но может и не стоять! – певческое знамя, т.е. музыкальная нота; следовательно, она, несомненно, выпевалась (это подтверждается и старообрядческой традицией, о которой мы скажем ниже).

Такая буква Э обычно наблюдается в демественном и путевом пении¹⁶, и это косвенно указывает на музыкальную функцию этой буквы, поскольку она, очевидно, связана

¹⁵ Стихира 6-го гласа на Великой вечерне в субботу недели Ваий: «Честное воскресение Твое».

¹⁶ Исследователи обычно связывают Э в певческих текстах с демественным пением [Смоленский 1901: 87–88; 1904: 34; Бражников 1984: 108–109], признавая невозможным определить музыкальную функцию этой буквы, ср.: «Существо, происхождение и значение Э демественного совершенно неизвестно» [Бражников 2002: 93]. И. фон Гарднер писал о рукописи РНБ, Солов. № 277/289: «...steht am Anfang der melodischen Phrasen und der Textphrasen in der Textzeile das Zeichen Э, charakteristisch für PA [Put'-Gesangart, Put'-Art] und für die PN [Put'Notation] (und oft verwendet in der DN [Demestische Notation], jedoch nicht im Stolp-Gesang)» [Gardner 1976: 16]. В другом месте, говоря о букве Э в рукописи РНБ, Солов. № 690/758, Гарднер констатировал: «Die Bedeutung dieses Zeichens ist noch nicht geklärt; es ist typisch für den Put'-Gesang und auch für die demestischen Weisen» [Ibid.: 21, примеч. 34]. – Единственная известная нам попытка определить значение семиографического Э (см. [Конотоп 1989]) не может быть признана убедительной.

с торжественным, протяжным стилем пения. Кроме того, она встречается в светильнях, которые принято исполнять вообще особенно торжественно. Эта буква предваряет, по-видимому, кульминационный момент песнопения. Иногда ей предшествует сокращенное написание «зах[ват]» (см., например: «зах. Э» в стихираре Логгина Коровы (Шишеловского), известного распевщика, впоследствии головщика Троице-Сергиевого монастыря, кон. XVI в. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг. № 428, л. 323 об. – 324, 389, 464, 474)¹⁷; этот певческий термин, как полагают, указывает на диссонлирующее многоголосие, означая «захват демеством», «захват верхом» и т.п.; см. [Богомолова 2009: 18, 20, 21]¹⁸. В некоторых рукописях, как, например, в том же стихираре Логгина, перед Э стоит точка, и это означает, что Э стоит в начале музыкальной строки¹⁹.

Словесные указания, относящиеся к манере исполнения, такие как «захват», «верх», «низ», «спуск» могут находиться и непосредственно над буквой Э²⁰.

Приведем примеры из двух стихирарей путевого распева, где буква Э между словами наблюдается особенно часто: РНБ, Кир.-Бел., 623/880 (сборник старца Варфоломея, инока Кирилло-Белозерского монастыря, сер. XVII в.)²¹ и РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг. № 428 (стихирарь уже упоминавшегося Логгина Коровы в бытность его клириком московского Чудова монастыря, кон. XVI в.)²².

Вот текст из сборника Варфоломея, л. 251 об. – 253; *улл. 14a, 14b, 14c, 14d*):

«Тебе ѿдѣющагоꙗ свѣтоме ꙗко и ризоу Э сонемо иоуифо ѿто древа со никодимоме Э и видѣв мертва нага не погребена благосердень плачь восприимомоу жалостено глаголаше Э оувы монѣѣ любезныи исоусе его же вмале видѣво солнце на крестѣ висѣща

¹⁷ О Логгине († 1624) см. [Морохова 1989; Рогов 1973: 66–68]. Об этой рукописи см. [Лукашевич 2011]; некоторые стихиры воспроизведены в изд. [Леонид 1886]. Имеется запись писца (л. 486), где говорится, что книга была написана «во обители иже во св[ѣ]тъх ѿтца нашего Алезѣи митрополита Чюдова монастырꙗ роукою многогрѣшноу нек'лучимаг[о] раба клирика Логина».

Рукопись написана особой нотацией, которая, по-видимому, представляет собой аналог путевой нотации; см. [Лукашевич 2011: 495, 415].

¹⁸ По наблюдению М.Н. Богомоловой, «наиболее часто захваты встречаются на стыке смысловых и певческих структурных единиц»; при этом «в строчном многоголосии термин *захват* верхом со знаком Э в большинстве случаев предшествует началу тайнозамкненных попевок» [Богомолова 2009: 21].

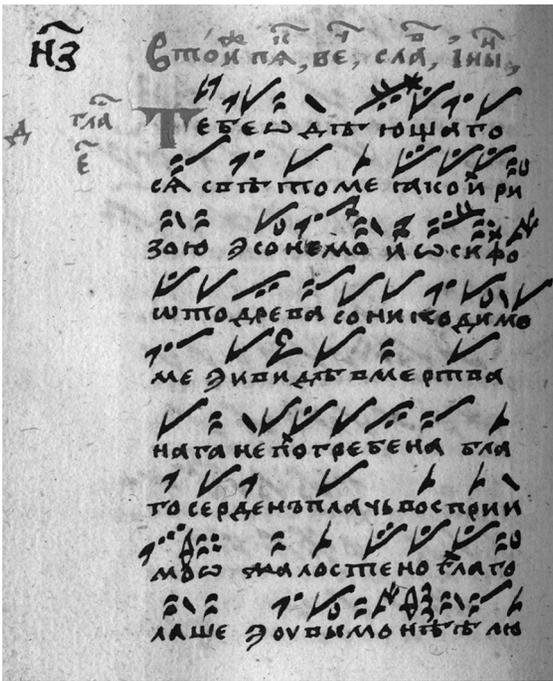
¹⁹ См. о точке в певческих рукописях [Бурилина 1980: 210].

²⁰ См. [Конотоп 1989: 437, 459 (пример 4)]. О слове «спуск» над буквой Э см. выше.

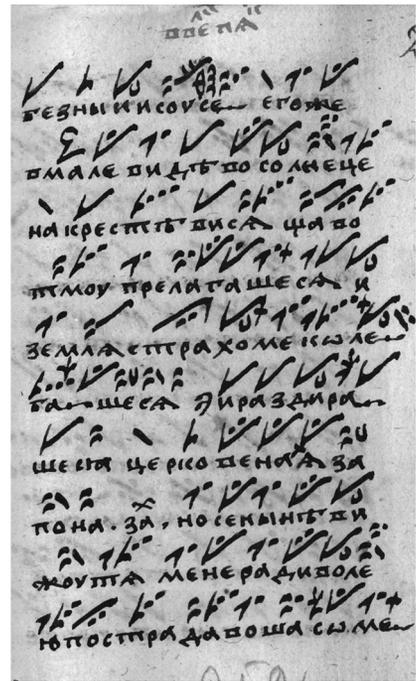
²¹ «Книжица пѣвчаѣ пѣтнаѣ Варфоломѣева». Буква Э встречается здесь почти в каждом песнопении (л. 7 об. – 8 об., 10–11, 12 об. – 14 об., 18 об., 19, 21–23, 28–28 об., 30 об., 31, 32 об., 33, 35, 38–39, 40 об. – 41 об., 42 об., 43, 44–45 об., 47, 47 об., 49 об., 51, 55, 55 об., 57–58 об., 59 об., 60, 64, 64 об., 65 об., 66 об., 67 об., 68, 69 об., 70, 74 об., 79, 80–81 об., 84 об. – 87, 88–89, 90, 91–92, 93–93 об., 95, 95 об., 96 об., 97, 98 об. – 99 об., 100 об. – 101 об., 102 об., 103 об. – 105 об., 109 об. – 111, 112–113, 114, 121 об. – 123 об., 125, 127 об. – 130, 132, 133–135, 136, 138 об., 140 об. – 142 об., 146, 146 об., 147 об., 148, 153, 154 об., 155, 156, 158–159 об., 161, 161 об., 165, 166 об., 168 об., 169 об., 170, 171, 175 об., 176, 178, 183 об., 184, 185 об., 186, 197, 225 об., 231 об., 242 об., 243, 250 об., 251 об. – 253 об., 254 об. – 257 об., 258 об., 270 об. – 271).

Слова «книжица пѣвчаѣ пѣтнаѣ» могут означать, вообще говоря, как книгу песнопений путевого распева, так и книгу, предназначенную для отправления церковных служб в дороге (см. [Сл. РЯ XI–XVIII вв., XXI: 63; Костюхина 1974: 13]); последнее отвечает небольшому размеру данной рукописи (in 8°). В любом случае, все песнопения в книге Варфоломея – путевого распева и записаны путевой же нотацией. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Н.В. Рамазанову за консультацию по данному вопросу.

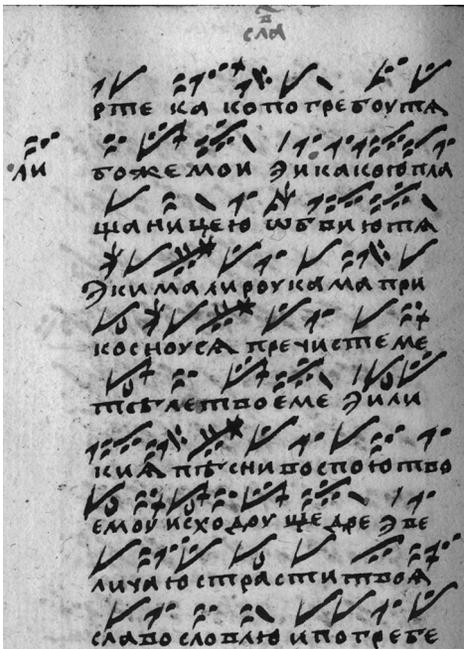
²² Также и здесь буква Э встречается здесь с исключительной регулярностью (л. 318 об. – 325 об., 327, 329 об., 332 об., 336–337, 338, 339 об., 340, 341 об., 342 об., 343, 344, 345 об. – 346, 349–351 об., 354 об. – 355 об., 358–359, 360–362, 366 об. – 367 об., 369, 370–372 об., 373 об., 378 об. – 384 об., 386 об. – 390, 391–393, 394 об., 395 об. – 399, 400, 401–402 об., 403 об. – 405 об., 406–407, 408, 409 об. – 410 об., 412, 414–414 об., 415 об. – 419 об., 420–426 об., 429–431, 434–435 об., 436 об. – 441 об., 442–447 об., 448 об. – 451 об., 452 об. – 455 об., 456 об. – 459 об., 460–461 об., 462 об. – 467 об., 468 об., 469 об., 470 об. – 472, 473 об. – 478 об., 480 об.).

Илл. 14а. РНБ, Кир.-Бел., 623/880, л. 251 об.

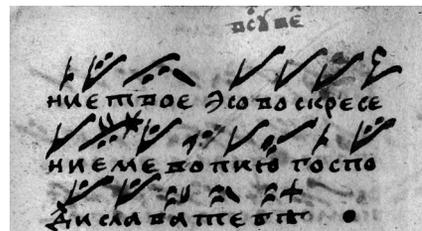

Илл. 14б. РНБ, Кир.-Бел., 623/880, л. 252

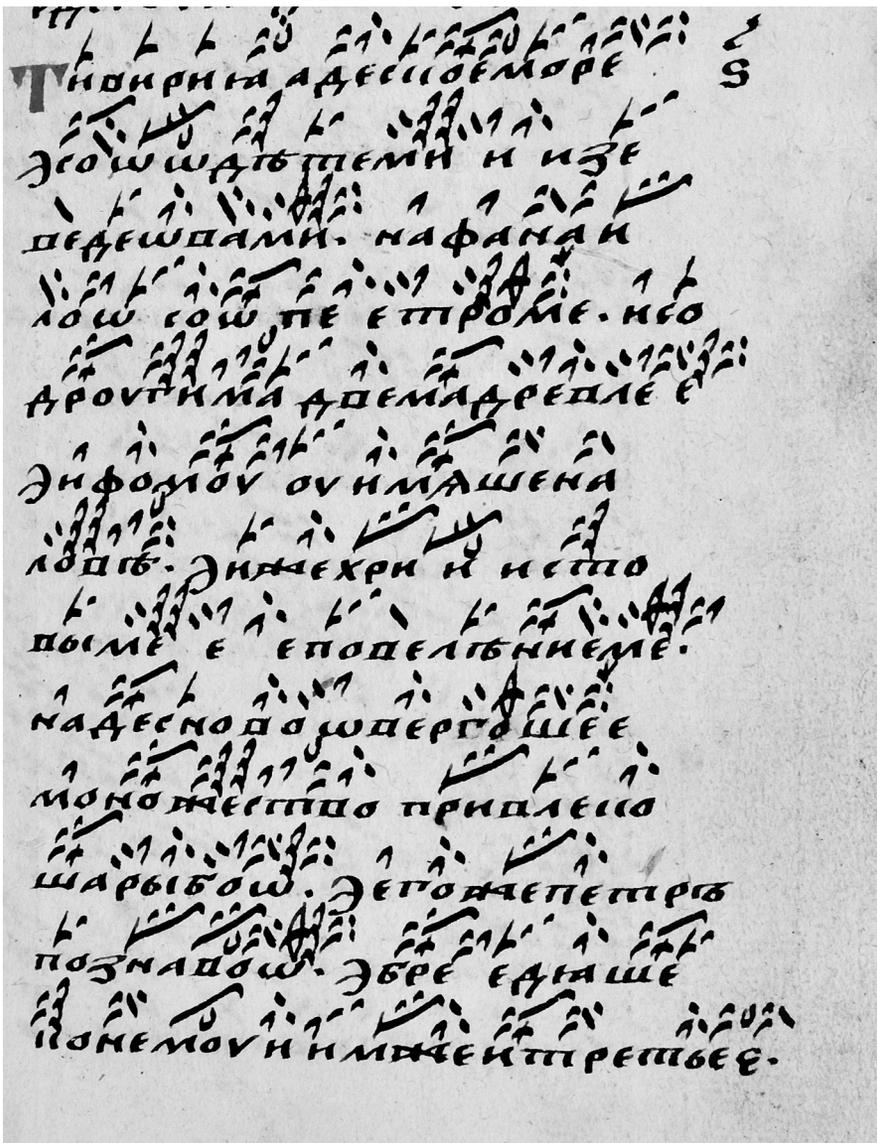

Илл. 14с. РНБ, Кир.-Бел., 623/880, л. 252 об.

Илл. 14д. РНБ, Кир.-Бел., 623/880, л. 253

во тмоу прелагашесѧ и землѧ страхоме колебашесѧ Э и раздирашесѧ церковнаѧ за-
 пона. за^х. но се нынѣ вижоу тѧ мене ради волею пострадавоша сомерте како погребуоу
 тѧ боже мои Э и какоу плащаницею обвию тѧ Э кима ли роукама прикосноусѧ пре-
 чистеме тѣле твоем [sic!] Э или килѧ пѣсни воспою твоемоу исходуу щедре Э величаю

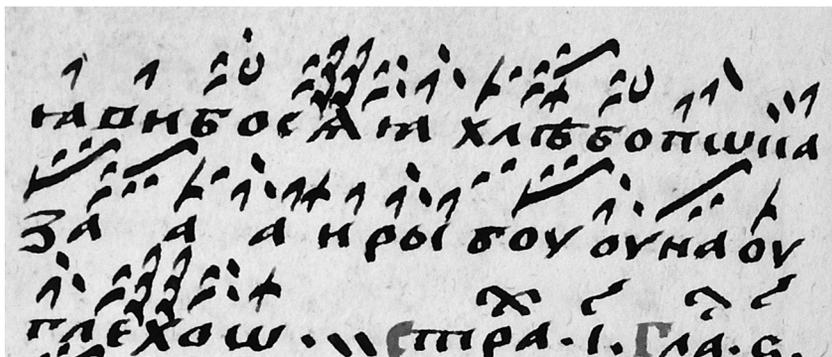

Илл. 15а. РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг. № 428, л. 323

страсти твоа славословлю и погребение твое Э со воскресениеме вопию господи слава тебѣ»²³.

²³ Приведем тот же текст с устранением элементов хомонии, растяжения гласных и буквы Э:

«Тебе, одѣющагосл свѣтомъ ꙗко и ризою, сънемъ Иосифъ отъ древа съ Никодимомъ, и видѣвъ мертва нага, не погребена, благосердеиъ плачь воспримъ, жалостно глаголаше: оувь мнѣ, любезный Исоусе, его же вмале видѣвъ, солныце на крестѣ висѣща, во тму прелагашесл, и землѣ страхомъ колебашесл, и раздирашесл церковьнаѣ запона. зах[ват]. но се нынѣ вижоу тл, мене ради волею пострадавшѣ съмерть, како погребоу тл. Боже мой? и какою плащаницею обвию тл? кима ли роукама прикосноусл пречистемъ тѣле твоемъ? или киа пѣсни воспую твоемоу исходу? щедре величаю страсти твоа, славословлю, и погребение твое со воскресениеме вопию, Господи, слава тебѣ» (Стихира на вечерне в Великую Пятницу, глас 5-й: «Тебе, одеяющеся светомъ»).

Илл. 15b. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 428, л. 323 об.

В четырех случаях (на л. 253 об.) над буквой Э стоит нотный знак, в других случаях он отсутствует.

Приведем теперь текст из сборника Логгина, л. 323–323 об. (илл. 15a, 15b):

«Тивириадское море Э совоо дѣтемиии зеведеовами. нафанаилоо соо пеетроме. и со друогима двема древлее Э и фоמוуоу имаше на ловѣ. Э иже хриистовымеее повелѣниеме. на десно воовергошее моножество привлекоша рыбоо. Э его же петръ познавоо. Э бредѣаше ко нему иим же и третѣе. гави бо сѣа хлѣбо показаа и рыбоуоу на оуглехоо»²⁴.

Нотный знак над буквой Э здесь не стоит.

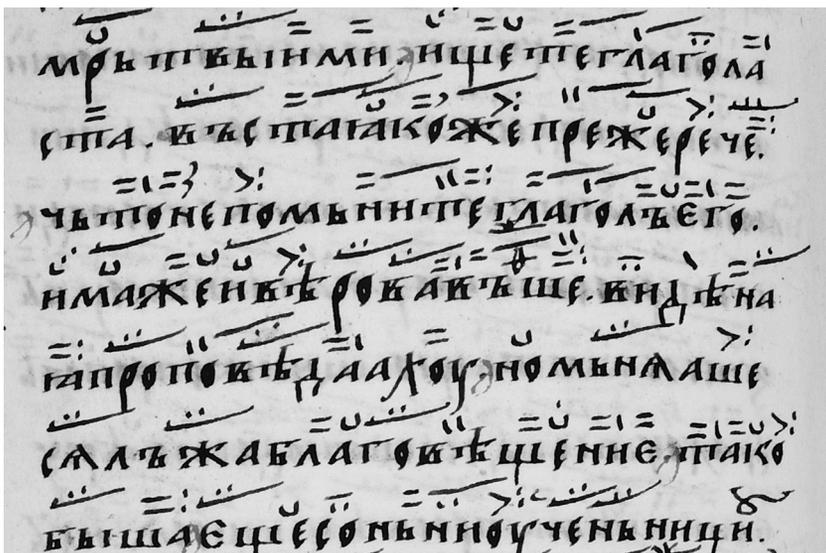
Буква Э встречается в певческих текстах по сей день – в старообрядческих рукописях; см. [Григорьев 2001: 35]. Речь идет о старообрядцах-беспоповцах. Старообрядцы-поповцы пользуются текстами другой, позднейшей редакции, отредактированными и исправленными специальной певческой комиссией в сер. XVII в.; буквы Э в этих текстах нет. Беспоповцы выпевают эту букву в виде протяжного чистого гласного [e], не имеющего начальной йотации; см. [Успенский 1971: 300; 2002: 307, § 11.2; Григорьев 2001: 35].

Древнейшие примеры семиографического Э представлены в рукописях XV в. из Троице-Сергиева монастыря, причем в обеих рукописях эта буква добавлена позднейшей рукой в уже написанный текст. Об одной из этих рукописей мы уже говорили: имеется в виду Троицкий стихирарь конца XV в. (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 409; илл. 1a, 1b); как было показано, буква Э была добавлена в процессе окончательного оформления рукописи. Другой рукописью является певческий сборник того же собрания второй пол. XV в. (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408); буква Э вписана здесь только на двух листах (л. 106–107 об.; илл. 1б) – в евангельских стихирах²⁵. Эта буква написана киноварью –

²⁴ То есть: «Тивириадское море съ дѣтми Зеведеовами Нафанаиль съ Петромъ и съ друогима двема древле и Фоמוуоу имаше на ловѣ, иже Христовымъ повелѣниемъ на десно въвергъше, множество привлекоша рыбѣ. Его же [Христа] Петръ познавъ, бредѣаше къ нему. Им же и третѣе [в третий раз] гави бо сѣа [Христос], хлѣбъ показа и рыбу на оуглехъ» (ср.: Ин. XXI, 1–14) (10-й воскресный светилен, глас 6-й). Попутно отметим, что в слове «третье» над буквой ѣ стоит нотный знак: очевидно, она читалась как e, в соответствии с традицией хомового пения.

Воскресные светильны, ранее не имевшие гласовой принадлежности, в кон. XVI в. были распеты на 8 гласов; см. [Тюрина 1997: 247]. Перед нами, возможно, один из первых текстов такого рода.

²⁵ В рукописи № 408 на л. 398 значится список русских митрополитов; последним митрополитом назван Геронтий (1473–1489). На л. 504 об. здесь есть летописная запись о кончине архиепископа новгородского Сергия в среду 9 апреля 1495 г. в 4 часа ночи (похоронен был 10 апреля в четверг в Троице-Сергиевом монастыре). 9 апреля в 1495 г. приходилось на четверг, но автор записи, видимо, отнес к среде ночь со среды на четверг.

Илл. 16. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408, л. 107 об.

так же, как заголовочные пометы и инициалы; скорее всего, и в этом случае буква Э была добавлена одним из редакторов рукописи в процессе окончательного ее оформления. Буква Э здесь не нотирована, тогда как в Троицком стихираре иногда (не всегда) над ней появляется нотация²⁶.

В этом последнем сборнике (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408) в двух случаях (л. 107, 3-я и 8-я строки снизу) буква Э фигурирует среди надстрочных музыкальных знаков (во всех других случаях она написана в строке). Мы не знаем других случаев такого рода в русских певческих рукописях²⁷. По всей вероятности, буква Э написана здесь над строкой потому, что для нее не нашлось места в строке: в этом случае она не относится к надстрочной нотации. Как было сказано, буква Э была вписана в уже готовый текст. Места не всегда хватало, поэтому букву Э иногда приходилось втискивать между словами. Часто она ставится на точке, разделяющей слова²⁸.

Как бы то ни было, то обстоятельство, что буква Э могла оказаться среди надстрочных знаков крюковой нотации, определенно указывает, что эта буква (в данном значении) воспринималась как обозначение, содержащее какую-то музыкальную информацию.

В позднейших рукописях буква эта не отличается от обычного – принятого сейчас – начертания буквы «э оборотное», см., например, репродукции песнопений демественного распева из певческого сборника второй четв. XVII в. собр. Д.В. Разумовского (РГБ, ф. 379 / Разум. (= Муз. 3954), № 23, л. 203; см. изд. [Кудрявцев 1960: 66]) и из старообрядческих лицевых рукописей «Река Вавилонская демественная в лицах», сер. XVIII в. (РНБ, Вяз. № 16 in fol.; см. изд. [Сборник 1877: л. 396–399 об.]) и нач. XIX в. (ГИМ, Син. певч. собр. № 17, л. 20; см. изд. [Смоленский 1901: 88, илл. 33]). В древних

Эти записи определяют «terminus ante quem». Вместе с тем, они могут относиться к более позднему времени по сравнению с временем написания певческого текста.

²⁶ Наличие Э (семиографического) в рукописи № 408 было отмечено З.М. Гусейновой [Гусейнова 2010: 73, примеч. 4], в рукописи № 409 – О.В. Шангиной [Шангина 2011: 83].

²⁷ Знак, похожий на букву Э, находится в Троицком стихираре (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 409) на л. 301 (6-я строка сверху) среди знаков надстрочной музыкальной нотации. На самом деле, это не буква, а плохо написанный нотный знак – «голубчик борзый».

²⁸ В Троицком стихираре (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 409) один раз эта буква написана под строкой (л. 29, под нижней строкой) – несомненно, за неимением места в строке.

рукописях начертание этой буквы может быть существенно иным; мы остановимся на этом ниже.

6. Необходимо отметить, что рассмотренный выше пример сочетания глоссолалического и семиографического Э в славнике Благовещению Троицкого стихираря (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 116 об. – 117; *улл. 1а, 1б*) является уникальным: в других случаях (в других рукописях и, за одним исключением, в других песнопениях того же Троицкого стихираря²⁹) представлено либо одно, либо другое Э, но не оба вместе – и, тем самым, не наблюдается их противопоставление по форме. Как мы знаем, семиографическое Э в славнике Благовещению вставлено в Троицком стихираре другим писцом, и мы можем предположить, что именно за счет этого образовалось формальное противопоставление глоссолалического и семиографического Э. Не исключено, таким образом, что оба Э эксплицитно не различались и имеют одно происхождение.

Можно выделить специфические (диагностирующие) признаки как глоссолалического Э (таким признаком является, например, повторение этой буквы), так и Э семиографического (например, наличие точки перед этой буквой), но они недостаточны для определения значения буквы Э в певческом тексте (если Э повторяется в певческом тексте, мы можем утверждать, что перед нами Э глоссолалическое, но если повторения нет, мы не вправе утверждать обратное; если перед Э стоит точка, мы можем опознать семиографическое Э, но отсутствие точки ни о чем не говорит).

Мы говорили, что семиографическое Э обычно вставляется между словами, не нарушая фонетического облика слова, как это характерно для Э глоссолалического. Тем не менее, мы знаем случаи, когда Э семиографическое оказывается внутри слова. Поскольку буква Э при этом, по-видимому, произносилась (выпевалась), она фактически не отличалась от глоссолалического Э.

Один такой случай был уже приведен выше. Так, в благовещенской стихире Соловецкого монастыря нач. XVI в., распетой демеством (РНБ, Солов. 690/755, л. 187 об. по верхней, единственной фолиации; *улл. 7б*), находим: «Э благовѣстоу Э оуоуюу. тиии. Э **ww** дѣвw радwсте». Как мы отмечали, здесь последовательно представлено Э семиографическое; при этом в одном месте буква Э такой же формы оказывается внутри слова «благовѣстоу».

Такая же в точности вставка наблюдается и в Троицком стихираре (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 117; *улл. 1б*), где, как мы знаем, Э семиографическое вставлено другой рукой, оказываясь противопоставленным по начертанию глоссолалическому Э. Такое Э, как правило, появляется здесь между словами, но в одном случае писец (редактор) вставил семиографическое Э внутрь слова, а именно, в то же слово *благовѣствоую*: «благовѣствоуюЭ».

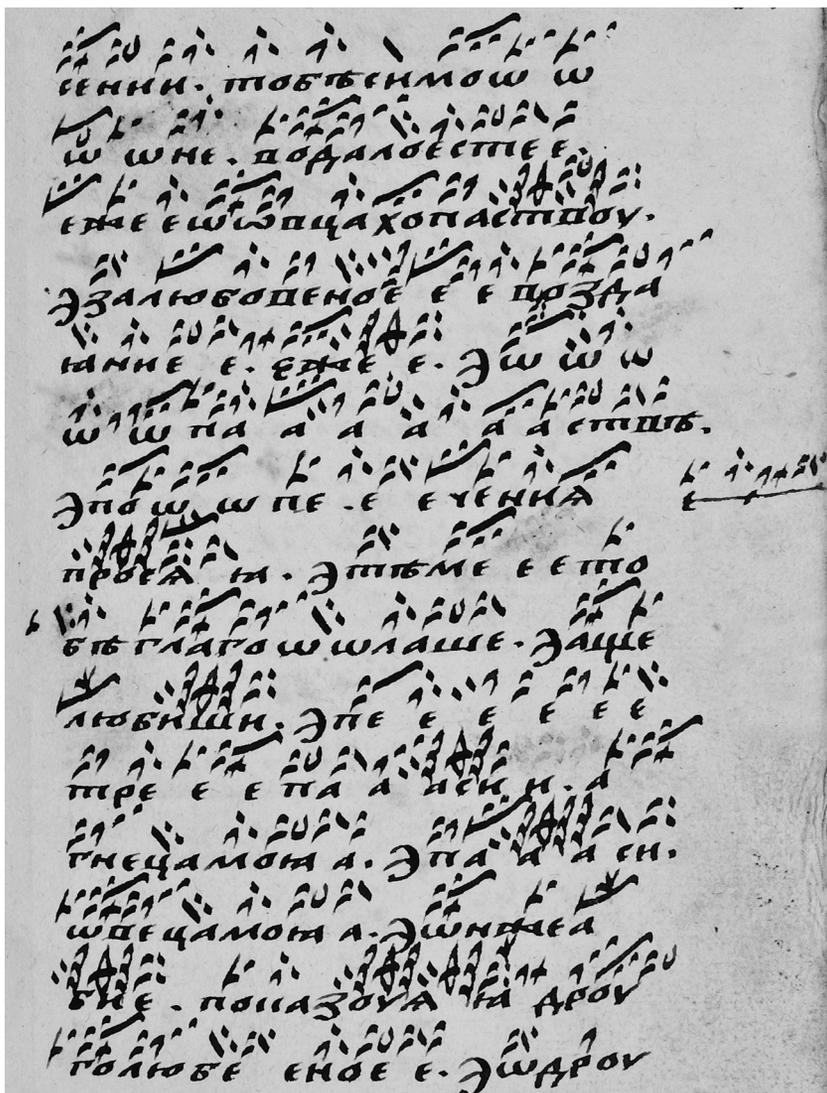
Поскольку в Троицкой рукописи вставляется именно Э семиографическое, мы вправе думать, что и в Соловецкой рукописи в слове *благовѣствоую* представлено такое же, т.е. семиографическое Э. Отметим, что в Соловецкой рукописи буква Э не нотирована, тогда как в Троицкой над ней стоит нота.

В неоднократно уже упоминавшемся выше стихираре Логгина, кон. XVI в. (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 428), как мы видели, регулярно представлено семиографическое Э, вставленное между словами; ему, как правило, предшествует точка, и оно не имеет музыкальной нотации. Однако в одном случае мы наблюдаем такую же букву Э (такой же формы, также без нотации) в середине слова. Ср.:

«Э тѣмее тобѣ глаголаше. Э аще любиши. Э пееееетреее пааасии. агнеца могаа. Э паааси овеца могаа. Э он же абие. показоуа дроуголюбееное. Э ѿ дроуземе оученицѣ. вопрошаше. еюу жее. инеинее хееехеебоуви. мошлии. Э твамии христе. Э стадоооу си сохраняии. Э ѿтоо вошлоо. гоуоубащиихоо ее» (л. 325–325 об.; *улл. 17а, 17б*)³⁰.

²⁹ Исключением является славник архангелу Михаилу, который мы цитировали выше. См. примеч. 14.

³⁰ То есть: «Тѣм же тобѣ [Петру] глаголаше [Христос]: “Аще любиши, Петре, паси агньца моя, паси овьца моя”. Он же [Христос] абие, показоуа дроуголюбееное ѿ дроуземь оученицѣ

Илл. 17а. РГБ, ф. 304.1 / Тр.-Серг. № 428, л. 325

Как видим, Э – с такой же предшествующей точкой – вставлено в слово *молитвами*. По аналогии с предыдущими примерами, мы, по-видимому, должны трактовать Э в слове *молитвами* как семиографическое – это подтверждает и наличие точки.

Еще пример. В сборнике 1570-х гг. Филофея, епископа Рязанского (РНБ, Солов. 690/763), тоже путевого распева³¹, мы неоднократно встречаем семиографическое Э (например, л. 146, 148, 150, 152, 155 об., 241; см. воспроизведение: [Smolenskij 1976: 59–60, № 24]). Вместе с тем, в псалме «На реках Вавилонских» (Пс. CXXXVI/CXXXVII)

[Иоанне], вопрошаше ея [далее следуют глоссолалические попевки – аненайка и хабува]. Молитвами, Христе, стадо си сохрании отъ волкъ, гоубащихъ е» (11-я евангельская стихира, глас 8-й: «Являя собе учеником»). Ср.: Ин. XXI, 15–20.

³¹ Ср. владельческую запись на первом листе: «Книга певчая владыки Филофея, стихиры и славники путние». По определению Лукашевича [Лукашевич 2011: 402], книга написана альтернативным путевым знаменем (подобно стихирарю Логгина, см. выше, примеч. 17).

Букве Э здесь всякий раз предшествует точка, следовательно, перед нами Э семиографическое; по аналогии можно считать, что такое же Э имеет место и в сборнике Филофея³³.

Вообще же мы не всегда можем отличить семиографическое Э от глоссолалического. Допустимо думать, что в свое время вообще не было различия между тем и другим Э и что оба явления имеют одно происхождение (что и отразилось в только что цитированных примерах). Естественно предположить в таком случае, что Э семиографическое возникло из глоссолалического Э.

7. Каково же происхождение рассматриваемого нами явления? Обратимся к истории буквы «э оборотное».

Принято думать, что эта буква приходит на Русь из южнославянской письменности, где она встречается в памятниках XIII–XIV вв. [Карский 1928: 186]³⁴. Предполагается, что она восходит к глаголической букве Э (букве «естъ») (см., например, [Щепкин 1967: 131]). Соответственно, появление буквы Э на Руси связывают со вторым южнославянским влиянием, причем отмечается, что влияние проявляется – в интересующем нас аспекте – в Юго-Западной Руси. Действительно, с конца XV в. буква Э характерна для этой территории³⁵; ее усвоение здесь может быть связано с традицией различения йотированного и нейотированного [e] в начале слова, которое передавалось буквами љ и е; см. [Успенский 2002: 178–180, 306–307, 355–356, § 7.10.1, § 11.2, 13.4; 2012: 108, примеч. 48]. Не случайно Юрий Крижанич приписывал изобретение «э оборотного» «билорѣсѣжанам», т.е. югозападнорусским книжникам (см. [Крижанич 1859: 128]; ср. [Križanić 1983: 44]).

Тем не менее, впервые на Руси эта буква фиксируется в письменности в великорусской, а именно, в апокрифическом Откровении Авраама, входящем в Сильвестровский сборник второй пол. XIV в. (РГАДА, ф. 381, № 53), написанный до второго

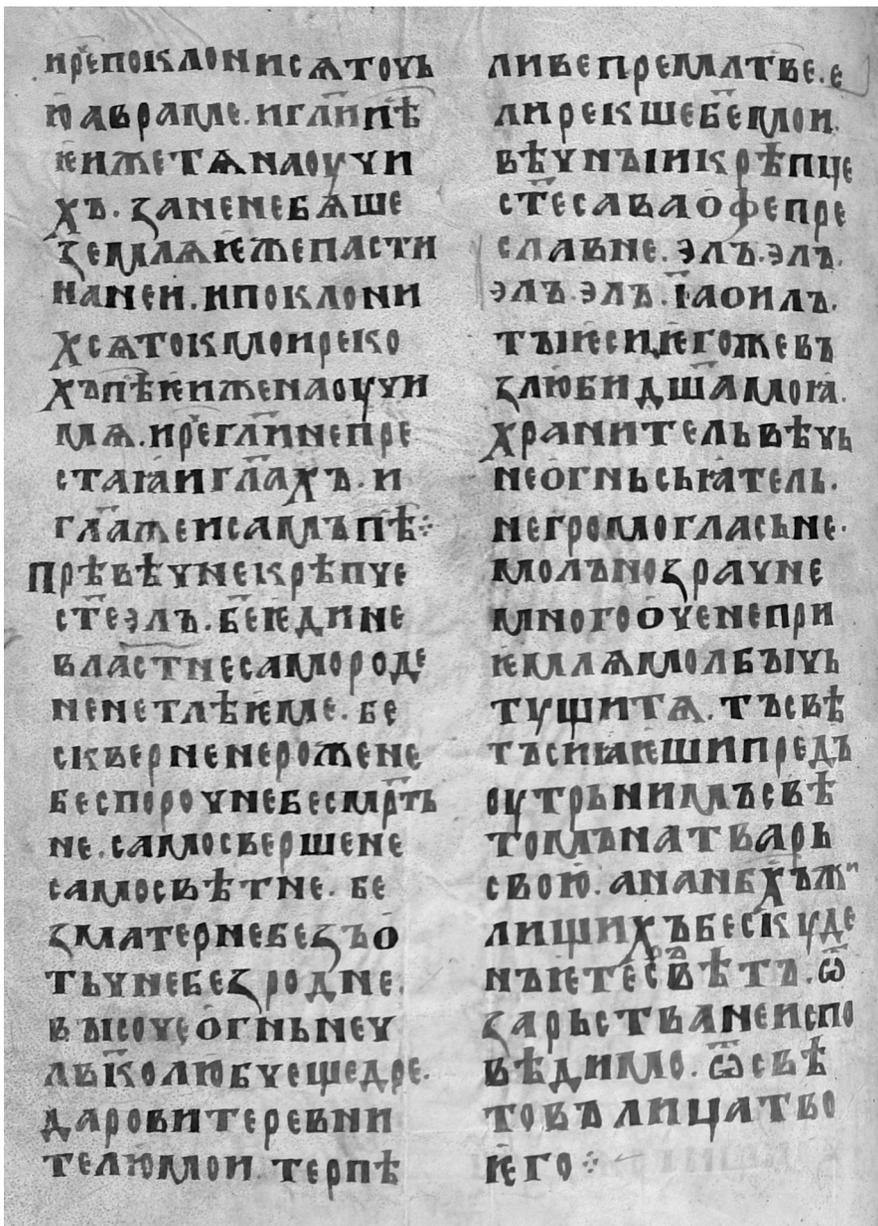
³³ Ср. примеры аненайки и хабувы с неповторяющейся буквой Э у И.А. Гарднера [Гарднер, I: 484, 486]. Воспроизводится аненайка из рождественской стихирь «Днесь дева рождает творца всем» путевого распева по рукописи Соловецкого собр. XVII в. (РНБ, Солов. № 1367, л. 117–117 об.; см. также [Smolenskij 1976: 70, № 32] и хабува из причастна «Во всю землю изыде вещание их» демественного распева на литургии в день Петра и Павла по рукописи Парижской нац. библиотеки XVII в. (Fonds slaves, № 59, л. 10 об. – 12). При этом в хабуве букве Э, как правило, предшествует точка.

Об аненайках в псалме «На реках Вавилонских» и хабувах в причастных стихах – в демественном пении – говорит Иоанникий Коренев в предисловии к «Музыкальной грамматике» Николая Дилецкого 1681 г.; см. [Смоленский 1910: 37–38]; ср. [Рогов 1973: 116–117].

³⁴ Ср. фототипическое воспроизведение южнославянского текста с этой буквой (сербского Евангелия из собр. А.Ф. Гильфердинга, РНБ, Гильф. № 3, XIII–XIV в.): [Лавров 1915: 210]. Относительно датировки см. [Гранстрем 1953: 98] (XIII–XIV в.); [Мошин 1958: 411] (XIII в.); [Св. кат. XIV в.: 415–416, № 276] (первая пол. или сер. XIV в.; описание А.А. Турилова). Буква Э характерна именно для сербской, а не болгарской кириллической письменности. Пользуюсь случаем поблагодарить А.А. Турилова за консультации по этому вопросу.

³⁵ Ср.: «От югославян этот знак проник в Западную Русь» [Карский 1928: 186]; «появляется [со вторым южнославянским влиянием] е оборотное (глаголического происхождения), которое уже с конца XV в. встречается в западнорусской письменности для выражения э (не je!) в начале слога...» [Щепкин 1967: 131], ср. с. 125. См. еще [Булыко 1970: 40–43] (цитируются слова *экъцельсисъ*, *эксеквие* и т.п. в белорусских рукописях конца XV в.; отмечается, что в XVI в. в белорусской письменности Э встречается не только в заимствованных словах в начале слога, но и в исконно белорусских словах, в частности, в положении после *р*: *пэрэдъ*, *чэрэзь* и т.п.).

Оставляю в стороне начертание Э на монетах Святополка Окаянного с именем ПЭТРОС, 1015–1019 гг. (см. [Сотникова, Спасский 1983: 93, табл. 2, 193–194, № 211–215]), полагая, что дело идет в данном случае не об особой букве, а о букве Є, которая не была вырезана надлежащим образом: резчики должны были вырезать зеркальные изображения букв и иногда путались в начертаниях.

Илл. 18. РГАДА, ф. 381, № 53, л. 173 об.

южнославянского влияния; буква Э появляется здесь при наименовании Бога – в еврейском слове эль ‘Бог’.

Здесь читаем: «Прѣвѣчне крѣпче с[вя]те Эль. Б[ож]е кдиневластне самородене нетлекме [...] вѣчныи крѣпче с[вя]те Саваофе преславне. Эль. Эль. Эль. Эль» (л. 173 об.; см. изд. [Тихонравов, I: 43]; илл. 18).

Итак, буква Э проникает в Великую Русь независимо от второго южнославянского влияния; можно предположить даже, что она имеет другое – не южнославянское – происхождение; некоторые соображения на этот счет будут представ-

лены ниже. Буква Э в Сильвестровском сборнике более или менее отвечает принятому сейчас начертанию (с той лишь разницей, что горизонтальная черта в середине буквы не укорочена, а доходит до ее левого края): эта буква не выходит за пределы строки, вертикально поставлена и в принципе соответствует букве е, перевернутой по вертикальной оси.

И в дальнейшем «э оборотное» фигурирует в великорусской письменности – вплоть до XVII в. – исключительно в еврейских словах, относящихся к именованию Бога (мы не говорим сейчас о певческих рукописях, к рассмотрению которых мы еще вернемся). Эти слова встречаются в Библии, а именно, в книге Исход³⁶.

Следует подчеркнуть, что речь идет о словах, заимствованных непосредственно из еврейского, без греческого посредства.

В обычном случае гебраизмы в славянской Библии представляют собой заимствования из Библии греческой (Септуагинты): целый ряд еврейских слов имеется в греческой Библии и оттуда они попадают в Библию славянскую. Мы же говорим о случаях, когда еврейское слово попадает в славянское Пятикнижие непосредственно из еврейской Библии (Торы). Такого рода случаи отражают прямые контакты евреев и восточных славян; они встречаются только в древнерусских списках Библии (см. подробнее [Алексеев (в печати)]).

Мы можем назвать два таких случая, и оба они относятся к имени Бога (к дальнейшему см. подробнее [Успенский 2012]).

Один случай – это слово «эл» לַח 'Бог', которое мы встречаем в Сильвестровском сборнике (см. выше). В книге Исход (VI, 3) это слово встречается в еврейской фразе 'el šadday יְיָ לַח 'Бог Всемогущий', представленной здесь в кириллической транскрипции.

Второй случай – это то место книги Исход (III, 13–14), где Моисей спрашивает Бога о его имени; на это Бог отвечает фразой, которая в греческой Библии (Септуагинте) переведена как: 'Εὐώ εἰμι ὁ ὄν ('Я тот кто существует'), а в латинской (Вульгате) – *Ego sum qui sum* ('Я есмь тот, кто есмь'). В славянской Библии перевод, как правило, соответствует греческому переводу Септуагинты, и эта фраза передается как «Аз есмь сый» или «Аз есмь сущий», хотя в первых печатных Библиях – Острожской 1581 г. и Московской 1663 г. она передается «Азь есмь еже есмь»; см. [Библия 1581: л. 26; Библия 1663: л. 20 об.].

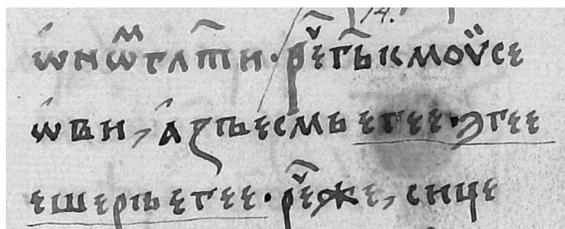
Между тем в рукописных славянских Библиях (русского происхождения) XV–XVII вв. мы встречаем иногда эту же фразу по-еврейски: 'ehyeh 'ašer 'ehyeh (אהיה אשר אהיה) – в кириллической транскрипции. Как правило, она фигурирует при этом в виде глоссы к фразе «Аз есмь сый», причем эта глосса может быть дана на полях или же внесена в основной текст Библии.

Обе еврейские фразы обычно представлены в одних и тех же списках Библии. Во всех рукописях, где транскрибируется еврейская фраза 'el šadday (в VI главе книги Исход), мы находим транскрипцию фразы 'ehyeh 'ašer 'ehyeh (в III главе книги Исход), хотя обратное неверно: есть несколько рукописей с кириллической транскрипцией фразы 'ehyeh 'ašer 'ehyeh, но без транскрипции 'el šadday. Всего мы знаем шестнадцать рукописей с транскрипцией 'ehyeh 'ašer 'ehyeh и в двенадцати из них имеется также и транскрипция фразы 'el šadday.

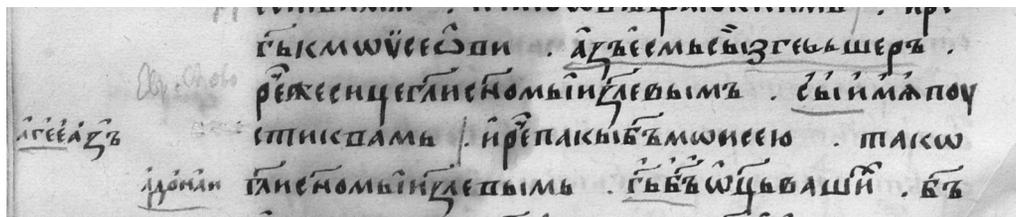
В обоих случаях при передаче еврейской фразы мы находим (в некоторых списках) букву Э.

Примером может служить Пятикнижие Московского главного архива Министерства иностранных дел, третьей четв. XV в.: в ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) форма egee (которая передает 'ehyeh во фразе 'ehyeh 'ašer 'ehyeh) дублируется здесь формой

³⁶ Похожее начертание представлено в так называемой Буслаевской псалтыри ок. 1489 г. (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., № 308, л. 217, 5–6 строка снизу; [Буслаев 1917: 166, 172]), но и в этом случае оно не обозначает особую букву; см. [Успенский 2012: 99, примеч. 24].

Илл. 19. РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39

Илл. 20. РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.

эгее: «Азь есмь егее эгее ешерь егее» (РГАДА, ф. 181 / МГАМИД, № 354/803, л. 39; илл. 19). По всей вероятности, писец компилятивно объединил в тексте различные формы данного слова, встретившиеся ему в разных текстах, сведя их воедино³⁷. Фраза 'el šadday в этой рукописи не представлена.

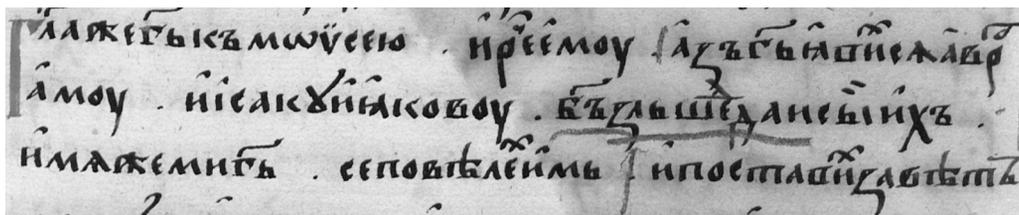
В других случаях мы наблюдаем р е ф л е к с ы буквы Э. Так, в Пятикнижии Иосифо-Волоколамского монастыря, первой трети XVI в., мы встречаем форму эгее: «Азь есмь сыи эгее ьшерь» (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 74 об.; илл. 20); это означает, по-видимому, что в протографе была форма эгее – писец отождествил, надо думать, букву Э, ему неизвестную, с буквой З славянской буквой «землях» в форме арабской цифры три (этому отождествлению могло способствовать то обстоятельство, что обе буквы – южнославянского происхождения). При этом буква «земля» пишется в данной рукописи как зигзагообразное Z.

Таким образом, в протографе интересующая нас фраза выглядела, видимо, таким образом: «*Азь есмь сыи эгее ьшерь». Что касается буквы ь в слове «ьшерь», то она читалась, возможно, как [e], как это имеет место в текстах некнижного письма; см. [Успенский 1997а].

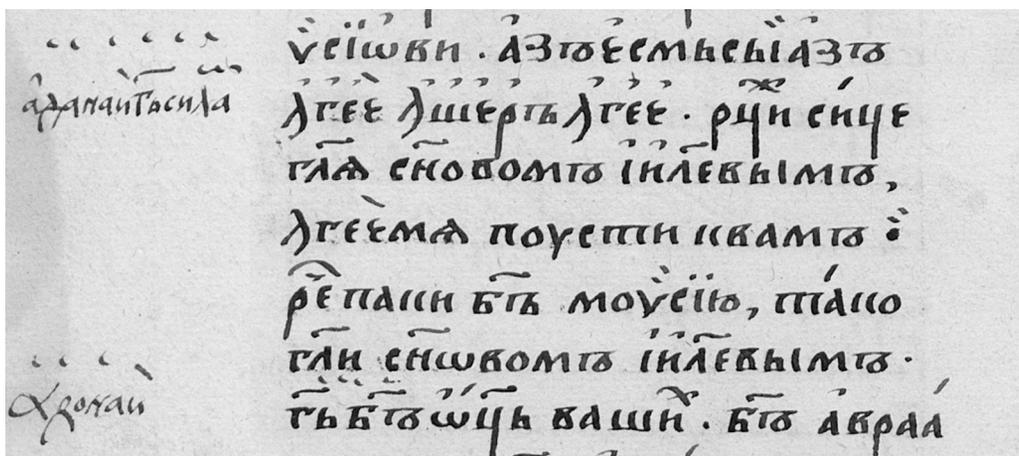
В этой же рукописи мы находим «зль шеддаи» (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 78; илл. 21), где буква З («земля») представлена в традиционном начертании Z (в виде зигзага, а не в виде буквы, похожей на цифру три), и это позволяет реконструировать в протографе написание с «э» обратным: «эль шеддаи»: Z заменило З, а З заменило Э. Иначе говоря, выстраивается последовательность, отразившаяся при переписывании рукописей: «э» обратное → «земля» в виде тройки → «земля» в виде зигзага. Мы можем реконструировать форму протографа: «*эль шеддаи».

Обратимся к Восьмикнижию Румянцевского собр., XVI в. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28). В ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) в начале каждого еврейского слова мы находим букву, более всего напоминающую «э» обратное; отдаленно, с известной долей условности, она может напоминать и начертание скорописной буквы Л (славянской

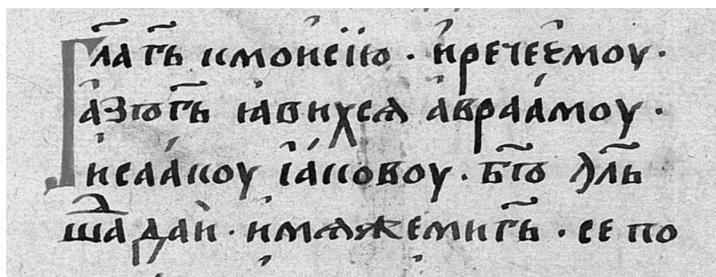
³⁷ Обращает на себя внимание, что в этой фразе после слов «азь есмь» отсутствует слово «сый». Во всех остальных известных нам случаях еврейская фраза, воспроизводящая сочетание 'ehyeh 'ašer 'ehyeh, дополняет соответствующую славянскую фразу «азь есмь сый», но не вытесняет ее. Не исключено, таким образом, что на месте первого «егее» в свое время стояло «сый».

Илл. 21. РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол., № 7, л. 78

Илл. 22. РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.

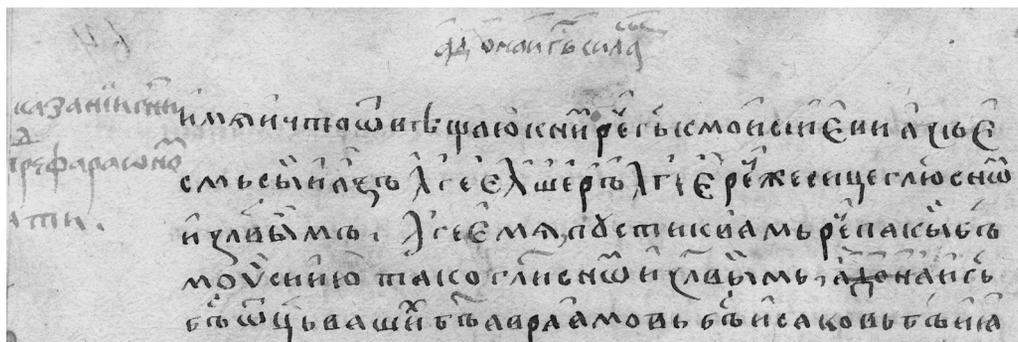

Илл. 23. РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 42

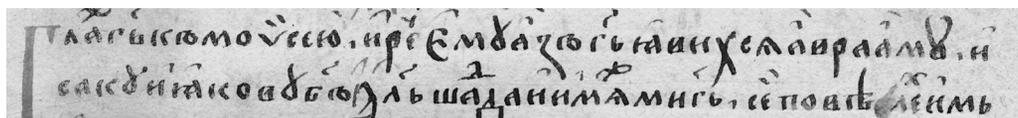
буквы «люди»). Таким образом, мы читаем здесь: «Азь есмь сыи азъ эгее эшеръ эгее» (л. 40 об.; *илл.* 22). Такую же букву мы находим и в следующих затем словах: «эгее ма поусти к вамъ». И наконец, совершенно такой же знак мы встречаем здесь и в наименовании Бога «эль шадан» (Исх. VI, 3) (л. 42; *илл.* 23).

Особый интерес в этом отношении представляет Пятикнижие Соловецкого собр., XV–XVI в. (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации). Здесь находим: «Азь есмь сыи азъ лгеС лшеръ лгеС»³⁸, где первая буква каждого еврейского слова (соответствующая букве алеф в исходном еврейском тексте) ближайшим образом напоминает греческую λ («лямбда») и одновременно – русскую скорописную букву Л

³⁸ Предпоследняя буква изображена в виде вертикальной палочки с небольшим утолщением в середине. Мы условно транскрибируем ее как «е».

Илл. 24. РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об.

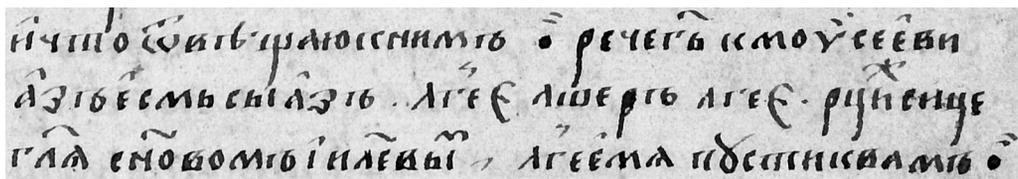
Илл. 25. РНБ, Солов. № 74/74, л. 65

(«люди»)³⁹. Между тем далее читаем: «ЭгеС ма пѣсти к вамъ»; на этот раз особая буква, которая в предыдущей фразе выглядела как *л*, изменила свою форму и приближается по начертанию к букве Э, т.е. «э оборотному» (илл. 24) – в том виде, как эта буква представлена, например, в Восьмикнижии Румянцевского собр. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об., 42; илл. 22, 23). Еще ближе к букве «э оборотное» эта буква становится в данной рукописи (Пятикнижии Соловецкого собр.) в форме «Эль шаддаи» (Исх. VI, 3; л. 65 / л. 67 старой фолиации) (илл. 25). Несомненно, это та же буква, хотя и в трансформированном виде.

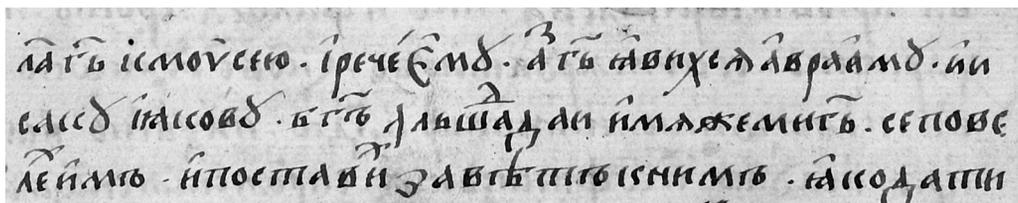
Кажется очевидным, что при воспроизведении еврейских фраз писец не противопоставлял начертание, напоминающее скорописную букву *Л* (букву «люди»), и начертание Э («э оборотное»), воспринимая их как варианты одной и той же графемы. Поэтому мы вправе были бы, вообще говоря, передавать все еврейские формы в этой рукописи через Э: «ЭгеС Эшеръ ЭгеС [...] ЭгеС ма пѣсти к вамъ», «Эль шаддаи».

Обратимся для сравнения к Пятикнижию Архива древних актов первой четв. XVI в. (РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790). В ответе Бога Моисею (Исх. III, 14) первая буква еврейской фразы – иначе говоря, первая буква первого слова – передается особой буквой, отчасти похожей на букву *Л*, но все же отличающейся от нее в рассматриваемой рукописи по начертанию: правая черта этой буквы заметно возвышается над строкой; мы условно обозначим эту букву тем же знаком *л*. Остальные же два слова интересующей нас еврейской фразы (Исх. III, 14) начинаются обычной буквой *Л* (славянской буквой «люди»), не отличающейся по начертанию от того, как писец вообще пишет эту букву в других случаях (в славянских, не еврейских словах). Мы читаем: «Азь есмь сы азь. лгеС лшеръ лгеС»; и далее в следующем затем пассаже (Исх. III, 14) также стоит *лгее* (с такой же характерной буквой в начале слова): «лгее ма пѣсти к вамъ» (л.

³⁹ Ср. в скорописи [Беляев 1911: 18 (третий вариант буквы *Л*)]. См. также азбуку (прописи) 1680-х гг. из Гос. архива (Riksarkivet) в Стокгольме (Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2. № 365) (первые пять вариантов буквы *Л*). Сходное начертание представлено в букваре Кариона Истомина (см. изд. [Карион Истомина 1694]).

Илл. 26. РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790, л. 65

Илл. 27. РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790, л. 68

65; илл. 26)⁴⁰. В другом почерке подобное начертание буквы *Л* было бы возможно⁴¹, и может возникнуть впечатление, что писец вполне сознательно противопоставлял знакомые ему начертания этой буквы, используя одно из них для передачи еврейского алефа. Вместе с тем, при передаче еврейского 'el šadday в тексте Исх. VI, 3 та же буква меняет свое начертание, существенно отдаляясь от формы буквы *Л* («люди») и в какой-то мере приближаясь к букве Э: ее правая часть не только возвышается над строкой, но и продолжается под строкой: «лль шаддаи» (л. 68; илл. 27). Таким образом, мы склонны видеть здесь особый графический знак, отличный от буквы *Л* («люди»); именно поэтому мы передаем его условным знаком *л*.

Необычная буква при передаче еврейского 'el šadday в Пятикнижии Архива древних актов (РГАДА, ф. 188 / Рук. собр. ЦГАДА, № 790, л. 68; илл. 27), довольно близко соответствует начальным буквам слов «эгее эшеръ эгее» в Восьмикнижии Румянцевского собр., XVI в. (РГБ, ф. 256 / Румянц., № 28, л. 40 об.; илл. 22), отчасти же – слов «лгее лшеръ лгее» в Пятикнижии Соловецкого собр. (РНБ, Солов. № 74/74, л. 62 об. / л. 64 об. старой фолиации; илл. 24).

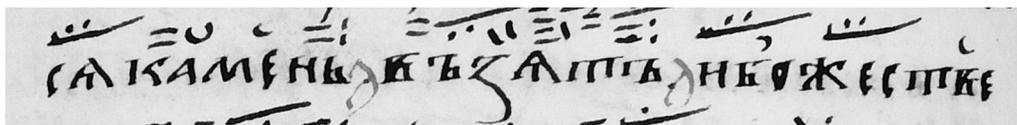
Во всех этих случаях, по-видимому, имеет место воспроизведение одной и той же буквы, которая стоит на месте еврейской буквы алеф.

Наконец, в Пятикнижии Погодинского собр., XVI в. (РНБ, Погод. № 1435) в соответствующих формах на месте еврейского алефа всякий раз стоит обычная буква *Л* (славянская буква «люди»), которая ничем не отличается по начертанию от других случаев употребления этой буквы у писца данной рукописи. Наименование Бога (Исх. III, 14) передается здесь следующим образом: «Азь есмь сыи азъ лгее лшеръ лгее»; и далее читаем: «лгее ма пѣсти к вамъ» (л. 455 об. / л. 454 об. старой фолиации; илл. 28). Равным образом еврейское 'el šadday (Исх. VI, 3) передается здесь как «лль шаддаи» (л. 458 / л. 457 старой фолиации; илл. 29).

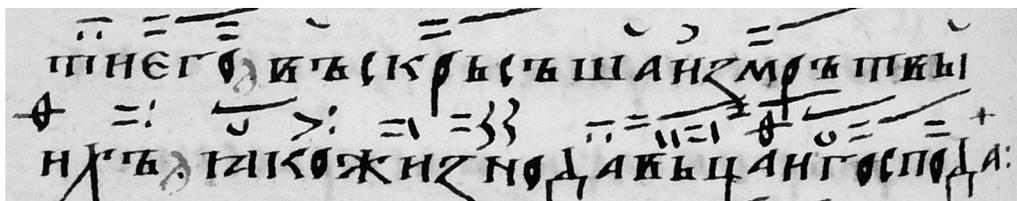
Итак, в кириллической транскрипции еврейских слов, означающих имя Бога, на месте еврейской буквы алеф появляется то буква, похожая на *Л*, то буква, напоминающая Э, то какой-то знак, объединяющий черты той и другой буквы. Все эти начертания варьируются и, очевидно, воспринимаются как элементы одной графемы.

⁴⁰ Над словами «лгее» и «лгее» во второй фразе стоит маленький надстрочный значок ˘ (знак титла?).

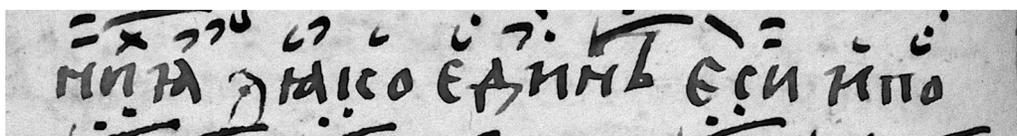
⁴¹ См. в скорописи XV в. [Черепнин 1956: 249, шестой вариант этой буквы]; ср. в скорописи XVII в. [Там же: 365, второй вариант этой буквы]. Ср. также цитированную выше азбуку (прописи) 1680-х гг. из Стокгольмского архива (шестой вариант буквы *Л*).

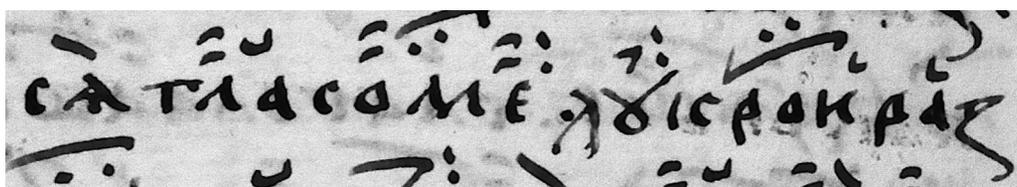
Илл. 30. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408, л. 106 об.

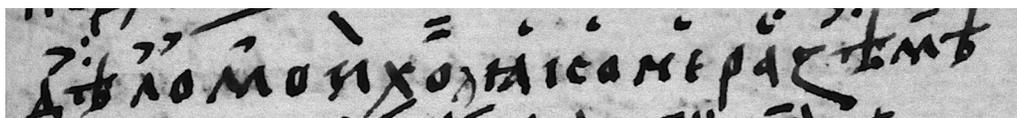
Илл. 31. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408, л. 106 об.

Илл. 32. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 149 об.

Илл. 33. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 212 об.

Илл. 34. РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 259

буква *o* («фита») в качестве элемента знаменного распева восходит к греч. *Θεός* с тем же значением 'Бог'. Повторение ЭЭЭ в аненайке соответствует повторению слова *эль* (которое мы видели в Сильвестровском сборнике).

Действительно, семиографическое Э в древнейших певческих рукописях может разительно напоминать по форме особую букву, которая колеблется между начертаниями Л и Э в русских списках Библии. Так, например, вставное Э в певческом сборнике Троицкого собр. второй пол. XV в. (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг. № 408, л. 106 об., 107 об.; *илл. 30, 31, 16*) – древнейший из известных нам примеров семиографического Э – палеографически очень близко к букве Э в еврейских словах со значением имени Бога в Румянцевском Восьмикнижии XVI в.: «эгее эшеръ эгее» (РГБ, ф. 256/Румянц., № 28, л. 40 об.; *илл. 22*). Такие же примеры можно найти и в Троицком стихираре кон. XV в. (РГБ, ф. 304.I/Тр.-Серг., № 409, л. 7, 20 об., 28 об., 32 об., 51, 53, 54 об., 56 об., 70 об.,

87, 92 об., 131, 148, 148 об., 149 об., 171 об., 179 об., 180 об., 181 об., 209 об., 212 об., 218, 242 об., 259, 285, 289 и др.; *илл.* 32, 33, 34).

9. В заключение остановимся на дальнейшей судьбе буквы Э в русской письменности. Как уже говорилось, сакральный характер этой буквы наблюдается исключительно в Великой Руси: в Юго-Западной Руси она пишется преимущественно в иностранных словах. Собственно, и в Великой Руси эта буква пишется в словах иностранных, однако сами слова эти имеют сакральное содержание (этому не противоречит, по-видимому, и употребление буквы Э в певческих текстах).

Лишь с XVII в. «э оборотное» начинает встречаться в великорусских текстах вообще в словах иностранного происхождения (не ограниченных наименованием Бога), что естественно объяснить влиянием Юго-Западной Руси (о влиянии Юго-Западной Руси на великорусскую книжную культуру в XVII в. см. [Успенский 2002: 411–426, § 16.1–16.4]).

Первоначально эта буква sporadически появляется здесь в грамматических сочинениях, связанных с книжной традицией Юго-Западной Руси. Так, великорусские книжники начинают писать «эѳмологїа», заимствуя это слово из грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, см. такое написание в грамматическом сборнике 1620-х гг. (РГБ, ф. 299 / Тихонр., № 336, л. 1 об., 18 об., 82, 93 об., 111; ср. изд. [Кузьмина 2002: 19, 46, 153, 174, 206]), в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого (1648, л. 76)⁴⁵ и в трактате «О еже како просодия достоит писати и глаголати» ([Ягич 1896: 459–460], по рукописи РГБ, ф. 256 / Румянц., № 1, XVII в., представляющей собой великорусский список с югозападного русского оригинала, см. [Там же: 457]); см. в этой связи [Успенский 1975: 188]. Ср. также замечание в трактате о азбуке, что славянской букве «естъ» соответствует у греков «эсть» ([Ягич 1896: 409]; ср. грамматический сборник первой пол. XVII в.: ГИМ, Син. № 933, л. 60 об.; то же в букваре Федора Поликарпова 1701 г., см. [Поликарпов 1701: л. 8, ср. л. 11, 36]). Сходным образом в «Технологии» Федора Поликарпова 1725 г. читаем: «пишетсѧ ѠмманѢиль, а произноситсѧ ЭмманѢиль, пишетсѧ еѳмологїа, а произноситсѧ эѳмологїа, пишетсѧ элементъ, а произноситсѧ элементъ», см.: РНБ, НСРК F 1921.60, с. 18; ср. изд. [Поликарпов 2000: 248]) – буква Э выступает при этом как элемент транскрипции⁴⁶.

Как отмечает И.С. Беляев, буква «э оборотное», отсутствующая в церковнославянской азбуке, в XVII в. употребляется в скорописи, причем – характерным образом – пишется в начале иностранных фамилий [Беляев 1911: 28]; наиболее ранний пример относится к 1640 г.⁴⁷ Примерно тогда же Э как вариант буквы Ё появляется в перечне русских букв, помещенных в печатном лютеранском катехизисе [Alfabetum Rutenorum], который был напечатан в Стокгольме без обозначения года (см. [Sjöberg 1975: 19–22; Maier 2012: 351]); разные исследователи датируют это издание в пределах 1632 и 1644 г.

⁴⁵ Наличие буквы Э в московском издании грамматики Смотрицкого (в слове «эѳмологїа») было отмечено в свое время В.К. Тредиаковским (см. [Тредиаковский 1748: 360, примеч.] и затем Е.Н. Каржавиным (см. [Karjavin 1789: л. 2 об. тетради 11]).

Тем более любопытно, что в соответствующем месте первого – югозападного русского – издания грамматики Смотрицкого (см. [Мелетий Смотрицкий 1619: л. 1 тетради «В»]) стоит «эѳмологїа». Переиздавая эту грамматику в Москве, московские книжники руководствовались не столько оригиналом, сколько своими представлениями о языковых нормах. Форма «эѳмологїа» – с буквой Ё, а не Э – значится и в грамматике Зизания (см.: [Лаврентий Зизаний 1596: л. 1 об., 15 об., 16 об.]).

⁴⁶ Равным образом В.Е. Адодуrow в пространной грамматике русского языка 1738–1740 гг. может различать звук («глас») Э и букву («литеру») Е, см. [Успенский 1975: 17, примеч. 29]; одновременно он говорит и о букве Э, см. [Там же: 187]; буква Э фигурирует в его краткой грамматике 1731 г. [Adodurov 1731: 3], откуда она и проникла, очевидно, в грамматику пространную. Ср. в письме В.Н. Татищева к В.К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г.: «Е, Ѣ почитай никоей разности не имеет, ибо Э значит» [Татищев 1990: 222].

⁴⁷ То же явление отмечается в киевской скорописи XVII в., см. [Щепкин 1967: 142].

(см. [Tarkiainen 1971: 137; Sjöberg 1975: 19; Maier 2012: 355]; ср. [Успенский 1997б: 508–509, 558, примеч. 123])⁴⁸. Буква Э фигурирует затем в московском печатном букваре 1667 г. [Букварь 1667] – единственном из русских букварей XVII в. (см. [Шустова 2010: 477, 487]). В обоих случаях появление буквы Э может объясняться влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси: так, в стокгольмской азбуке отсутствуют склады с ерами, что отличает вообще югозападнорусские буквари от великорусских, и может отражаться чтение буквы ѣ как *i* (см. [Успенский 1997в: 266]; ср. [Sjöberg 1975: 25; Maier 2012: 342, 353, примеч. 51]); что же касается Букваря 1667 г., то его составителем был, по-видимому, не кто иной, как Симеон Полоцкий; (см. [Сетин 1982: 94–95, 97–98; Sazonova, Robinson 2012: 94]).

Показательно, что буква Э в 1710 г. вводится Петром I в гражданскую азбуку, преимущественно связанную со скорописью. См. азбуку, правленную Петром [Азбука 1877: 4; Обнорский, Бархударов 1949: 152]; о связи гражданской азбуки со скорописью см. [Живов 1986: 62–63; Успенский 1994: 115–116]. Правке Петра предшествовало изданное в Московской типографии «Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных» (1708–1709 гг.), где начертание Э, так же как и в стокгольмском «Alphabetum Rutenogum», представлено как вариант буквы С ([Изображение 1708–1709: 6]; ср. [Шустова 2010: 487–489]). На обороте переплета тетрадки с этим изданием Петр написал: «Сими литеры печатат[ь] исторические і маниоактурныя книги, а которыя подчернены, тех в' [в]ыше писанных книгах не употреблят[ь]»; см. [Азбука 1877; Письма и бумаги Петра, X: 127; Обнорский, Бархударов 1949: 151–153]. В самом же издании Петр зачеркнул («подчернил») букву С и оставил как единственный вариант этой буквы начертание Э. 29 января 1710 г. исправления Петра приобрели силу указа, см. [Азбука 1877: 1, запись внизу страницы]. Характерно, что на пробных оттисках гражданского шрифта, исполненных словолитцем Михаилом Ефремовым в 1708 г. (хранившихся в Московской синодальной типографии), поверх букв гражданского алфавита, включающих букву С, наклеена полоска с буквами, где С заменено на Э: первый перечень заканчивается буквами С Ю Я Ѡ, второй – буквами Э Ю Я Ѡ (см. [Григорович 1877: прилож., оттиск I]).

В XVIII в. употребление буквы Э может служить предметом полемики (см., в частности [Успенский 1975: 187–188]), рассмотрение которой выходит за рамки настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аввакум 1927 – Сочинения протопопа Аввакума // Памятники истории старообрядчества / Под ред. Я.Л. Барскова, П.С. Смирнова. Кн. I. Вып. 1. Л., 1927 (= «Русская историческая библиотека». Т. XXXIX).
- Азбука 1877 – Азбука гражданская с нравочениями. Правлена рукою Петра Великого. [СПб.], 1877 (= «Общество любителей древней письменности». VIII).
- Алексеев (в печати) – А.А. Алексеев. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи: Результаты и перспективы исследования // Jews and Slavs. Vol. XXI (в печати).
- Архипов 1995 – А.А. Архипов. О происхождении древнеславянской тайнописи // А. Архипов. По ту сторону Самбатриона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контекстах в X–XVI веках. Oakland (California), 1995 (= «Monuments of Early Russian Literature». Vol. 9).
- Барсов 1981 – Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстол. коммент. М.П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М., 1981.
- Беляев 1911 – И.С. Беляев. Практический курс изучения древней русской скорописи для рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1911.
- Библия 1581 (Острожская библия) – Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по языкѣ словенскѣ. Острог, 1581. Репринт: М.; Л., 1988.

⁴⁸ Составителем катехизиса был, возможно, немец Ганс Флёрх (Hans Flörich), служивший ранее переводчиком в Москве при Борисе Годунове, см. [Sjöberg 1975: 19–22]. По другим предположениям им мог быть Юхан Рослин (Johan Roslin), см. [Maier 2012: 353; Sjöberg 1975: 19–22].

- Библия 1663 (Московская печатная библия) – Библия. М., 1663.
- Богомолова 2009 – *М.В. Богомолова*. История бытования термина «захват» в рукописных источниках XVI–XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V: Музыкальное искусство христианского мира. Вып. 1 (4). М., 2009.
- Бражников 1984 – *М.В. Бражников*. Лица и фиты знаменного распева. Л., 1984.
- Бражников 2002 – *М.В. Бражников*. Русская певческая палеография. СПб., 2002.
- Букварь 1667 – Букварь. М., 1667.
- Булько 1970 – *А.М. Булька*. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск, 1970.
- Бурилина 1980 – *Е.Л. Бурилина*. О соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях XVI–XVII вв. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980.
- Буслаев 1917 – *Ф.И. Буслаев*. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917. (То же: *Ф.И. Буслаев*. Сочинения. Т. III. Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930.)
- Владышевская, Успенский 2011 – *Т.Ф. Владышевская, Б.А. Успенский*. Истинноречие // Православная энциклопедия. Т. XXVII. [М., 2011].
- Гарднер, I–II – *И.А. Гарднер*. Богослужбное пение русской православной церкви: сущность, система и история. Т. I–II. Jordanville (N. Y.), 1978–1982.
- Гранстрем 1953 – *Е.Э. Гранстрем* (сост.). Описание русских и славянских пергаменных рукописей [хранящихся в РНБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л., 1953.
- Григорович 1877 – [*Н. Григорович*]. Азбука с исправлениями императора Петра Великого и указом его о введении в употребление гражданского шрифта // Азбука гражданская с нравовучениями. Правлена рукою Петра Великого. [СПб.], 1877 (= «Общество любителей древней письменности», VIII).
- Григорьев 2001 – *Е. Григорьев*. Пособие по изучению церковного пения и чтения. 2-е изд., доп. и перераб. Рига (Рижская Гребенщиковская старообрядческая община), 2001.
- Гусейнова 2006 – *З.М. Гусейнова*. Музыкальные рукописи эпохи Ивана III в собрании Кирилло-Белозерского монастыря // Труды кафедры истории России [Санкт-Петербургского гос. университета] с древнейших времен до XX века. Т. I. СПб., 2006.
- Гусейнова 2008а – *З.М. Гусейнова*. Стихирари минейные в Кирилло-Белозерских рукописях XV в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V: Музыкальное искусство христианского мира. Вып. 1 (2). М., 2008.
- Гусейнова 2008б – *З.М. Гусейнова*. Нотированные рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века // Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции: Восток – Русь – Запад (Материалы междунар. науч. конф. 23–27 мая 2005 г.) (= «Гимнология». Вып. 5). М., 2008.
- Гусейнова 2010 – *З.М. Гусейнова*. Знаменная нотация XV в. (по рукописям Кирилло-Белозерского монастыря) // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 4. СПб., 2010.
- Живов 1986 – *В.М. Живов*. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Труды по знаковым системам. Т. XIX (= «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та». Вып. 720). Тарту, 1986.
- Зигабен 1883 – Толковая Псалтирь *Евфимия Зигабена* (греческого философа и монаха), изъясненная по святоотеческим толкованиям. Перевод с греческого. Киев, 1883.
- Изображение 1708–1709 – Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных. М., [1708–1709]. Воспроизведено в изд.: Юности честное зеркало. СПб., 1717 (репринт: М., 1990).
- Каган и др. 1980 – *М.Д. Каган, Н.В. Понырко, М.В. Рождественская*. Описание сборников XV века книгописца Ефросина // Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской литературы АН СССР]. Т. XXXV. Л., 1980.
- Карион Истомина 1694 – *Карион [Истомин]*. Букварь. М., 1694. Репринт: Букварь. Составлен Карионом Истоминным, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве. Л., 1981.
- Карский 1928 – *Е.Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. Репринт: М., 1979.
- Конотоп 1989 – *А. Конотоп*. Новое толкование путно-демественного знака «Э» (к проблеме сохранения и распространения византийской певческой традиции на Руси) // Старинная музыка в контексте современной культуры: проблемы интерпретации и источниковедения. Материалы музыковедческого конгресса (Московская консерватория, 27 сентября – 1 октября 1989 г.). М., 1989.

- Костюхина 1974 – Л.М. Костюхина. Книжное письмо в России XVII в. М., [1974].
- Крижанич 1859 – Граматично изказанье об Руском језику попа Јурка Крижаница [...] писано въ Сибири лита 7174 [1666 г.] / Изд. О. Бодянского. М., 1859. Оттиск из изд. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете». 1848. Кн. 1; 1859. Кн. 4.
- Кудрявцев 1960 – Собрания Д.В. Разумовского и В.Ф. Одоевского; архив Д.В. Разумовского: Описания / Под ред. И.М. Кудрявцева. М., 1960.
- Кузьминова 2002 – Грамматический сборник 1620-х годов / Изд. и исслед. Е.А. Кузьминовой. Napoli, 2002 (= «Annali dell'Istituto Orientale di Napoli: Slavistica», Quaderno № 1).
- Лаврентий Зизаний 1596 – [Лаврентий] З[изаний]. Грамматика словенска съвершенна[о] искусства осми частей слова и иных нуждных. Вильна, 1596. Репринт: Лаврентій Зизаній. Грамматика словенська / Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ, 1980.
- Лавров 1915 – П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. СПб., 1915 (= «Энциклопедия славянской филологии». Вып. 4.1).
- Леонид 1886 – Леонид [Кавелин]. Стихиры, положенные на крюковые ноты: творение царя Иоанна, деспота российского, по рукописи библиотеки Троице-Сергиевой лавры № 428 / Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886 (= «Памятники древней письменности и искусства». LXVIII).
- Лукашевич 2011 – А.А. Лукашевич. Нотация рукописи РГБ. ф. 304/1. 428 // Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д.В. Разумовского) (Материалы междунар. науч. конф. 12–16 мая 2009 г.) (= «Гимнология». Вып. 6). М., 2011.
- Майков 1911 – Вл. Майков. Послание к патриарху Гермогену о злоупотреблении в церковном пении «хабува» // Сергею Федоровичу Платонову ученики и почитатели. СПб., 1911.
- Мелетий Смотрицкий 1619 – Мелетій Смотрицькій. Грамматіки Славенския правилное Свнтагма. Евье, 1619. Репринт: Мелетій Смотрицький. Грамматика / Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ, 1979.
- Мелетий Смотрицкий 1648 – [Мелетий Смотрицкий]. Грамматика. М., 1648.
- Морохова 1989 – Л.Ф. Морохова. Логгин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989.
- Мошин 1958 – В.А. Мошин. К датировке рукописей из собрания А.Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской литературы АН СССР]. Т. XV. М.; Л., 1958.
- Обнорский, Бархударов 1949 – С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. II. Вып. 1. М., 1949.
- Письма и бумаги Петра, I–XIII – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I–XIII. СПб.; М., 1887–2003.
- Поликарпов 1701 – [Федор Поликарпов]. Алфавитарь, рекше бѣкварь славенскими, греческими, римскими писменами, оучитиса хоташымъ и любомѣдріе в' ползу д[ш]шеспасителн[ш]ю вбрести тшашымс[ш]. М., 1701.
- Поликарпов 2000 – Федор Поликарпов. Технологія: Искусство грамматики / Изд. и иссл. Е. Бабаевой. М., 2000.
- Преображенский 1924 – А.В. Преображенский. Культурная музыка в России. Л., 1924 (= «Русская музыка». Непериодическая серия, издаваемая Разрядом истории музыки [Российского Института истории искусств]. Вып. II).
- Рогов 1973 – А.И. Рогов (сост.). Музыкальная эстетика Древней Руси. М., 1973.
- Сборник 1877 – [Фрагменты сборника сер. XVIII в. собр. П.П. Вяземского, № XVI in folio]. [СПб.], 1877 (= «Общество любителей древней письменности». XV).
- Св. кат. XIV в. – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская. М., 2002.
- Сл. РЯ XI–XVII вв., I–XXIX – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–XXIX. М., 1975–2011. Издание продолжается.
- Сетин 1982 – Ф.И. Сетин. «Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI–XVII вв. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.
- Смоленский 1901 – С. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях: историко-палеографический очерк. СПб., 1901 (= «Памятники древней письменности и искусства». CXLV).
- Смоленский 1904 – С.В. Смоленский. О ближайших практических задачах и научных разысканиях в области русской церковно-певческой археологии. СПб., 1904 (= «Памятники древней письменности и искусства». CLI).

- Смоленский 1910 – С.В. Смоленский. Мусикийская грамматика Николая Дилецкого. СПб., 1910 (= «Общество любителей древней письменности». СХХVIII).
- Сотникова, Спасский 1983 – М.Н. Сотникова, И.Г. Спасский. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
- Татищев 1990 – Василий Никитич Татищев: Записки, письма 1717–1750 гг. / Отв. ред., автор вступит. ст. и примеч. А.И. Юхт. М., 1990 (= «Научное наследство». Т. XIV).
- Тихонравов, I–II – Памятники отреченной русской литературы (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России») / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. I–II. М., 1863.
- Третьяковский 1748 – В. Третьяковский. Разговоръ между чужестраннымъ челоѡкомъ і російскімъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежить къ сей матеріи. СПб., 1748.
- Тюрина 1997 – О.В. Тюрина. Экспостиларий: Стилиевые редакции экспостилария знаменного распева // Православная энциклопедия. Т. XVIII. [М., 1997].
- Успенский 1971 – Б.А. Успенский. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Дис. ... докт. филол. наук. М., 1971.
- Успенский 1975 – Б.А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). М., 1975.
- Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
- Успенский 1997а – Б.А. Успенский. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.
- Успенский, 1997б – Б.А. Успенский. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.
- Успенский 1997в – Б.А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997.
- Успенский 2002 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Успенский 2012 – Б.А. Успенский. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Черепнин 1956 – Л.В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956.
- Шангина 2011 – О.В. Шангина. Евангельское чтение и славник Преображению Господню // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. V. СПб., 2011.
- Шустова 2010 – Ю.Э. Шустова. Азбука в печатных кириллических букварях южнославянской и восточнославянской традиции в XVI – начале XVIII в. // Очерки феодальной России. Вып. XIV. М.; СПб., 2010.
- Щепкин 1967 – В.Н. Щепкин. Русская палеография. [2-е изд.] М., 1967.
- Ягич 1896 – И.В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке – V. Jagić. Codex slovenicus rerum grammaticarum. СПб., 1896. Оттиск из изд.: «Исследования по русскому языку». Т. I. СПб., 1885–1895. Репринт: München, 1968 (= «Slavische Propyläen». Bd 25).
- Adodurov 1731 – [W. Adodurov]. Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache // Teutsch-Lateinisch- und Beyßisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскіи и рускіи Лѣзиконы купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. SPb., 1731, прилож. (с. 1–48 отд. пагинации). Репринт: Drei Russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O. Unbegaun. München, 1969 (= «Slavische Propyläen». Bd 55).
- Alfabetum Rutenorum – Alfabetum Rutenorum. Stockholm, s. a. Воспроизведено в изд. A. Sjöberg. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum») // Slavica Lundensia. 3(p). Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975.
- Gardner 1976 – J. von Gardner. Kommentar // S.V. Smolenskij. Paläographischer Atlas der altrussischen linienlosen Gesangsnotationen. Unveränderter Offsetnachdruck mit Einleitung und Kommentar von Johann von Gardner. München, 1976 (= «Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Abhandlungen», N. F., Hft 80).

- Karjavin 1789 – [E. Karjavin]. Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet; ouvrage posthume qui fait connoître le génie de cette langue et ses rapports avec le grecque. Publié, corrigé et augmenté, par Phéodor Karjavin... SPb., 1789.
- Kopijewitz 1706 – Рѣководеніе въ грамматыкѣ во славяноросійскѣю или московскѣю ко оутребленію оучащихся языка московскаго. Manuductio in grammaticam in sclavonico rosseanam seu moscoviticam, in usum discentium linguam moscoviticam. Per Eliam Kopijewitz adornata. Stoltzenbergii, 1706. Репринт: Drei Russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O. Unbegaun. München, 1969 (= «Slavische Propyläen». Bd 55).
- Križanić 1983 – J. Križanić. Objasnjenje vivodno o pismě slověnskom [1661] / Priredio, uvod napisao e tekst preveo J. Hamm. Zagreb, 1983 (= J. Križanić. Sabrana djela, knjiga 1).
- Maier 2012 – I. Maier. Wer war der Autor von *Alfabetum Rutenorum* (Stockholm ohne Jahr)? // I. Podtergera (Hrsg.). Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3. Vom Wort zum Text. Bonn, [2012].
- Sazonova, Robinson 2012 – L. Sazonova, M. Robinson. Н.Н. Глубоковский: у истоков научного описания церковнославянских рукописей и старопечатных книг в Швеции // I. Podtergera (Hrsg.). Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 1. Slavistik im Dialog – einst und jetzt. Bonn, [2012].
- Sjöberg 1975 – A. Sjöberg. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum») // Slavica Lundensia. 3(p). Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975.
- Smolenskij 1976 – S.V. Smolenskij. Paläographischer Atlas der altrussischen linienlosen Gesangsnotationen. Unveränderter Offsetnachdruck mit Einleitung und Kommentar von Johann von Gardner. München, 1976 (= «Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Abhandlungen», N.F., Hft 80). Воспроизведение изд.: С.В. Смоленский. Описание знаменных и нотных рукописей церковного пения, находящихся в «Соловецкой библиотеке» Казанской Духовной Академии. Казань, 1885.
- Tarkiainen 1971 – K. Tarkiainen. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen i början av 1600-talet // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala, 1971.
- Unbegaun 1969 – Drei Russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B.O. Unbegaun. München, 1969 (= «Slavische Propyläen». Bd 55).

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГОХРАНИЛИЩ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Сведения об авторе:

Борис Андреевич Успенский
 Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»
 borisusp@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.05.2013.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2013 г. К.Г. КРАСУХИН

**НОВЫЕ РУКОВОДСТВА ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

Статья посвящена выходу учебника Л.Г. Герценберга «Краткое введение в индоевропеистику» и переизданию широко известных пособий Р.С.П. Бекеса и М. Майер-Брюггера. Автор уделяет особое внимание изложению аксиом сравнительного языкознания, а также спорных вопросов, прежде всего ларингальной теории, реконструкции рядов переднеязычных согласных, аблаутным и акцентным парадигмам имен и глаголов. Рассмотрен вопрос о способах изложения этого материала учащимся.

Ключевые слова: учебные пособия, индоевропейское языкознание, реконструкция, ларингалы, аблаут, акцент

The new handbook of Leonarg Herzenberg «Brief introduction in Indo-European linguistics», and also the second editions of the books of Robert S.P. Beekes and Michael Meier-Brügger, are reviewed. Author pays a special attention to the exposition of axioms of comparative linguistics, as well as to the disputable question of Indo-European linguistics: the laryngeal theory, the quantity of rows of velar stops, and the Ablaut and accent nominal and verbal paradigms. The manner of presentation of these materials to the students is investigated.

Keywords: handbooks, Indo-European linguistics, reconstruction, laryngeals, Ablaut, accent

Памяти выдающегося ираниста
и индоевропеиста Л.Г. Герценберга
(1934–2012) посвящается

За прошедшие три года произошло несколько важных событий в индоевропейском языкознании. Опубликован учебник Л.Г. Герценберга [Герценберг 2010], вторым изданием вышла известная книга Р.С.П. Бекеса [Beekes 2011; первое издание – 1995], девятым – учебник М. Майер-Брюггера [Meier-Brügger 2010; первое издание – 1998]. В 90-е гг. XX века учебники Бекеса и Майер-Брюггера не были своевременно отрецензированы, что дает нам право откликнуться на их переиздание. Наша цель – дать ответ на два важных вопроса: 1) что представляет собой и какой видится современная индоевропейская лингвистика¹; 2) надо ли преподавать ее основы?

¹ Об актуальности вопроса свидетельствует рецензия [Бурлак, Живлов, Иткин 2010] на сборник [Rasmussen, Olander 2009]. После краткого и неточного пересказа включенных в него статей авторы делают вывод (никак не вытекающий из их изложения) о том, что «современная индоевропеистика очень отстает от синхронной лингвистики в исследовании семантики, словообразования и синтаксиса». Во-первых, авторы никак не обосновывают свое решительное заявление. Во-вторых, на основании одной книги его и сделать невозможно, учитывая, что большинство статей в ней были посвящены иным темам. Целесообразнее было бы обратиться к работам, трак-

В рецензируемых работах много общего. Можно считать, что они относятся к единой научной парадигме, что также позволяет рассматривать их вместе. Но, конечно, они не повторяют друг друга. Так, Бекес начинает с довольно подробного обзора истории сравнительного языкознания начиная со Средневековья и Возрождения (с. 13–17). Можно лишь сожалеть, что автор не упоминает трудов Ф. Сассети, который первым познакомил европейцев с санскритом, Михаила Литвина, приведшего 76 удивительно точных лексических соответствий латыни и литовского, и Юрия Крыжанича, создавшего в XVII в. по сути первую сравнительную грамматику славянских языков. Но при этом Бекес приводит достаточно небанальные сведения, которых нет в стандартных учебниках по истории языкознания. Лейденский языковед Маркус ван Боксхорн (1602–1653) уже в середине XVII в. предполагал, что латынь, древнегреческий, славянские, германские, балтийские и славянские языки, а также персидский и санскрит происходят из одного источника, который он назвал «скифским». Он отмечал, что только регулярные соответствия в сравниваемых языках, в частности в морфологии, доказывают их родство. А в 1767 г. французский священник Кёрду (Cœrdoux) в работе, опубликованной только в 1808 г., представил довольно последовательное и в общем довольно точное описание системы соответствий санскрита, древнегреческого и латыни. Это нисколько не отменяет заслуг Боппа, но, как говорили римляне, fuerunt ante Nomenum poetae («были поэты и раньше Гомера»). Некоторые лингвисты и до Боппа не просто говорили о родстве языков (таких было не так уж мало), но старались строго сформулировать это положение. Основное достижение Боппа состоит в том, что он, пытаясь реконструировать грамматическую структуру индоевропейского праязыка, наиболее последовательно провел сопоставление флексий сравниваемых языков.

В книге М. Майер-Брюггера обзор истории науки значительно более краток. Но в нем с подробной библиографией дано решение терминологического вопроса: кто создал термин «индогерманские языки» (с. 11). В примечании к русскому переводу книги Б. Дельбрюка «Введение в науку о языке» С.К. Булич указывает на Ю. Клапрота [Klaproth 1823], первым употребившим этот термин в литературе, замечая при этом: «Ничто не говорит о том, что именно Клапрот является создателем этого термина» [Булич 1904: 2]. Авторы, на которых ссылается Майер-Брюггер, указывают на датского географа Конрада Мальте-Бруна (1775–1826), первым заговорившего о langues indogermaniques в первом выпуске своего многотомного атласа «*Precis géographique universelle*» (1810). Он относил сюда санскрит, персидский (с авестийским), «греческие» (т.е. собственно греческий и латынь, которую в соответствии с античной традицией считал происходящей из эолийского диалекта), германские и славянские языки. Термин же «Indoeuropean» (в слитном написании) впервые ввел выдающийся английский физик и лингвист Томас Юнг² в большой рецензии (1813 г.) на известный труд К. Аделунга «*Mithridates, oder allgemeine Sprachkunde*» (1801–1809). Он полагал, что в эту семью относятся, помимо указанных выше, кельтские языки, а также семитские, баскский, этрусский. Как указывает К. Кёрнер [Koerner 1981], в XIX в. шла борьба между двумя терминами: Ф. Бопп в своей сравнительной грамматике использовал вариант «indoeuropäisch», А.Ф. Потт в своем словаре – «indogermanisch». В немецкоязычной литературе последний используется в Германии, первый – за ее пределами. По мнению же Ф. Шапиро [Sharigo 1981], К. Мальте-Брун, будучи географом, а не лингвистом, едва ли мог сам изобрести подобный термин. Скорее всего, он позаимствовал и упростил название этой семьи из ранней работы Ю. Клапрота, опубликованной в «*Archiv für asia-*

тующим именно семантику, словообразование и синтаксис индоевропейских языков, к примеру, [Anttila 2003; García Ramon (ed.) 2002; Hettrich (ed.) 2002; Clackson, Olsen (eds) 2004]. В-третьих, компаративистика имеет дело не с текстом, а с реконструкцией, поэтому в названных областях всегда будет отставать от синхронного языкознания.

² Фамилия Young транскрибировалась по-русски в XIX в. именно так. Исследования Юнга по природе света вошли в учебники физики с этого времени, поэтому мы оставляем старое написание, не переходя на фонетически более точное *Янг*.

tische Literatur, Geschichte und Sprachkunde» (1810), где указанная семья поименована «Indisch-Medisch-Sclavisch-Germanische». Если это так, то предтечей интересующего нас термина был все-таки Клапрот. Возможно, учащимся нет необходимости рассказывать историю этого термина в таких подробностях, оставив ее для особого курса «История индоевропейского языкознания».

Л.Г. Герценберг излагает историю индоевропейского языкознания после фонетики и морфологии; на наш взгляд, предпочтительнее следовать традиции, которой придерживаются не только Бекес и Майер-Брюггер, но и большинство авторов учебников и обобщающих работ, т.е. после определения предмета науки. То же относится к информации об индоевропейских языковых группах, – ее целесообразно давать в начале, тогда как в книге Герценберга она изложена в предпоследнем разделе. Из предшественников сравнительного языкознания Герценберг называет Сократа, Данте, Р. Бэкона, далее голландского ученого XVII в. Адриана ван Схрика, ван Боксхорна, также Клода Сомеза (1588), шведского ученого Егера. Интересно терминологическое уточнение (с. 140): ван Схрик и ван Боксхорн именовали гипотетический праязык «скифским»; о скифах как предках европейских народов писали еще Кассиодор (V в.) и Исидор Севильский (VI в.)

Важное достоинство учебника Майер-Брюггера заключается в том, что он начинается с определений сути сравнительного языкознания, даваемых на сайтах различных институтов, где преподается эта дисциплина. Приведем их в сокращении:

Предметом сравнительно-исторического языкознания являются языки, которые могут быть опознаны как родственные благодаря регулярным сходствам в окончаниях, словообразовании, синтаксисе и словарном запасе (Кёльнский университет);

Сравнительное индоевропейское языкознание (индоевропеистика) – это эмпирически-историческая, теоретически обоснованная наука. Она включает в себя исследования различных областей. С одной стороны, она стремится путем сравнения индоевропейских языков постичь язык и культуру общего предка этих языков – индоевропейского. И здесь на первом плане стоит грамматическая система этого праязыка и ее изменения после <его> распада в отдельных языках. С другой стороны, индоевропеистика благодаря знанию закономерностей в упомянутых областях и изучению самых ранних документов на отдельных языках способствует лучшему пониманию исторических феноменов в языках и культурах индоевропейских народов (Мюнхенский университет).

Аналогично определяется сравнительно-историческое языкознание и в программе Юрцбургского университета (с. 2–4). В книге Бекеса тоже даются аналогичные определения, хотя и не в начале. У Герценберга введение материала начинается со своеобразного эксперимента: предлагается восстановить прототип слов со значениями ‘брат, бровь, береза’. Внутренняя реконструкция иллюстрируется исследованием лат. *nix, nivis* ‘снег’, где на основании сравнения именных форм с глагольным *ningit, ninguit* ‘снежит’ обосновывается восстановление конечного корневого $*g^u-$. Примеры Герценберга хороши и убедительны, но оценить их может учащийся, уже владеющий основами компаративистики. Майер-Брюггер тоже приводит примеры реконструкций до изложения фонетических законов (в том числе *nix, nivis* – со ссылкой на М. Майрхофера), но его обзор индоевропейской фонологии гораздо подробнее, чем у Герценберга.

Все процитированные определения сравнительного языкознания не представляются завершенными: не прояснено понятие закономерных соответствий. Более того, указание на сходство, данное в программе Кёльнского университета, неточно. В рецензируемых книгах закономерность разъясняется через фонетические и синтаксические изменения. Автор описывает основные виды фонетических изменений (собственно изменение, т.е. переход $A > B$, расщепление, слияние³, выпадение, а также менее регулярные проте-

³ В европейской и американской лингвистике приняты термины «split» и «merger»; в российском языкознании говорят о «дивергенции» и «конвергенции» [Поливанов 1968], объединяя их и термином «мутация» [Якобсон 1985].

зу, метатезу, дистантную диссимиляцию, гаплоглоию, «антиципацию»), отмечая также факторы пространства и времени. В качестве формулировки предлагается следующее: «Слова в своем изменении следуют строгим правилам... Исключения объясняются и управляются своими правилами». Это совершенно справедливо. Представляется более целесообразным с самого начала определить предмет изучаемой науки. Родство языков устанавливается не по их сходству (языки и сравниваемые их фрагменты могут быть совершенно несходными⁴), а по закономерностям в различиях фонем в сравниваемых морфемах, прежде всего словоизменительных (см. [Широков 2003: 577]).

Но дело не в отдельных способах подачи материала. Гораздо важнее то, что в представленных учебниках содержится общее мнение об основаниях науки. И действительно, из всех лингвистических специальностей именно сравнительно-историческое языкознание наиболее четко аксиоматизировало свой предмет изучения. В мире существуют группы языков, происходящих из одного источника, – они именуются родственными. Между ними существуют закономерные различия в морфемах, происходящих из общего источника, – прежде всего в словоизменительных, так как они по большей части не заимствуются. Эти закономерные различия определяются фонетическими законами. Действие фонетических законов корректируется аналогией, а также факторами пространства и времени. Эти положения были установлены в конце XIX – начале XX в., и, по-видимому, сохраняют свою актуальность навсегда.

Специальная глава книги Бекеса посвящена аналогии как фактору, ограничивающему фонетический закон, – пропорциональной аналогии и выравниванию по основе (leveling). Здесь отметим интересную идею о причинах исчезновения корневых имен в балто-славянском и их трансформации в других языках. По мнению автора, в их перестройке существенную роль сыграл аккузатив: и.-е. **plh₃-* ‘насыпь, стена’ (> др.-инд. *pūr*), вин. п. **plh₃-m̃* > лит. *pilī*. Затем по аналогии с именами на *-i-* корневое имя перешло в этот же класс (*pilis* ‘замок’). Это вполне возможно, но переход корневых имен в основы на *-i-* засвидетельствован и в других языках: так, уже в Ригведе, помимо гапакса *nak* ‘ночь’ (VII 71, 1), имеется и форма *nāktīs* (Nominativus pluralis, II 2,2). Так что лит. *naktīs*, слав. *ноуѣ* может соответствовать и корневой (ср. также лат. *nox*, греч. *νύξ*), и йотовой основе⁵. И корень **plh₃-* в древнегреческом засвидетельствован только в основе на *-i-*: *πόλις*.

По мысли Бекеса, в результате сходных процессов сформировалось гот. *fotus* ‘нога’: **pōd-s*, вин. п. *pōd-m̃* > гот. *fotu*, на базе которого появился и новый им. п. *fotus*. Это значительно менее убедительно: как показывает склонение консонантных основ, и.-е. *m̃#* > 0 в готском: *baurgs* ‘крепость’, вин. п. *baurg*; ср. и иные консонантные основы: *broþar* ‘брат’, вин. п. *broþr*. В *nium* ‘девять’ < **neum̃*, но здесь соседство /u/ способствовало сохранению *-n#*. Идею о переходе корневых имен в германские основы на *-u-* под влиянием аккузатива ед. и мн. ч. предложил Ф. Шпехт [Specht 1947: 82], А. Баммесбергер [Bammesberger 1990: 198] и В. Грипентрог [Griepentrog 1995: 154–155] ссылаются на гот. *tunþus* ‘зуб’ (ср. лат. *dens*, греч. *ὀδούς*), где вин. п. *tunþu* может происходить из **h₁dént-m̃*. Особое значение придается форме дат. п. мн. ч. **fotum* (< **-m̃s*), **tunþum*.

⁴ Канонический пример: греческое *δύω/δύο* и армянское *erku* ‘два’ не имеют ни одной общей фонемы, но восходят к одной праформе. Нет совпадающих фонем в греч. *ὄλοξ* и др.-инд. *sárva* ‘весь, целый’, но каждый звук греческой леммы четко соответствует древнеиндийскому.

⁵ В [Wodtko et al. 2008: 509] упоминается форма род. п. мн. ч. *naktī* (наряду с *naktiū*), что может быть доказательством изначально корневой основы, ср. *žuvīs* ‘рыба’ – *žuviū/žuvū* [Eckert 1983: 15]. Сам Р. Эккерт полагает, что перед нами *-i-*основа, что проявляется в наречии *naktije* ‘ночью’, а также в нем. *Nachtigall* ‘соловей’. Очевидно, имя **nek^u-t-/nok^u-t-* имело по крайней мере две основы уже в праиндоевропейском (корневою и на *-i-*). Попутно отметим, что, возможно, вокализм греч. *νύξ* изменился под влиянием древнеегипетской предложной конструкции *m wh* ‘в ночь’, которая на поздней стадии должна была читаться как **n uhi* и заимствовалось в *νύχα·νύκτωρ* ‘ночью»; *ἐννύχιον· διὰ τῆς νυκτός* ‘то же’ (Hes.). Египетская форма особенно точно воспроизведена в гомеровском *ἀτονύχι* ‘в ту же ночь’. Основу на *-χ-* как след египетского влияния см. также в *πάννυχό, παννύχιος* и др. [Ернштедт 1953: 57–58].

Но вопрос о нераспространении данного склонения на другие корневые имена остается нерешенным. Грипентрог, правда, упоминает имена частей тела с основой на *-u-*, которые могли повлиять на *foṭus* и *tunḥus*: *handus* ‘рука’, *liḥus* ‘член’, *qiḥus* ‘живот’. Но в Ригведе засвидетельствовано имя *pādūs* ‘нога’ (RV X 27, 34), пофонемно совпадающее с готским и позволяющее реконструировать и.-е. **pōdūs*, не прибегая к объяснению по аналогии⁶.

Еще менее убедительна идея о том, что подобный же процесс привел к распространению тематической парадигмы в древнеиндийских глаголах и именах. По мысли Бекеса, он реконструируется так: им. п. **pód-s* > *pád* (*pāt*), вин. п. **pód-ṃ* > *pádam* → им. п. *padam*; **é-k^uer-m* > *ákaram*; *é-k^uer-t* > *akar akarāt*. Но дело в том, что имя *padam* означает вовсе не ‘нога’, а ‘шаг’, т.е. является тематическим производным. Распространение тематического гласного в глагольных основах – явление, характерное для всех индоевропейских языков, ср. др.-инд. *átti* ‘он ест’ – греч. *ἔδω*, лат. *edo*⁷.

Мы не случайно так подробно остановились именно на этой теме. Во-первых, действие аналогии нарушает регулярность фонетических процессов, ибо она сама по себе нерегулярна в том смысле, что аналогический процесс захватывает не все языковые единицы сходной структуры. Например, если латинский номинатив *honor* вытеснил ст.-лат. *honos* (аналогия, возникшая благодаря ротацизму в основе косвенного падежа), то имена *mōs*, *flōs* не подвержены аналогии. В силу этого при наличии альтернативы в реконструкции необходимо выбирать решения, не опирающиеся на аналогию. И, конечно, в учебнике компаративистики необходимо разъяснить читателям границы применимости аналогии. Во-вторых, и это, пожалуй, еще важнее для рецензируемых книг, изменение основы имени и глагола за последние 40 лет превратилось в одну из самых популярных тем в индоевропеистике. С ним связано понятие внутренней деривации, подробно описанное во всех работах, о которых идет речь. Поэтому процессы трансформации имени и глагола должны быть рассмотрены с особой тщательностью, с учетом всех возможных факторов.

Определенное *communis opinio* наблюдается и при характеристике фонетики и морфологии. Все авторы исходят из системы консонантизма и вокализма, сложившейся в лингвистике в начале XX в. и представленной в классических работах Хирта, Мейе и Семереньи. При реконструкции системы смычных согласных признается существование трех серий (глухие, звонкие, звонкие придыхательные) и пяти рядов (губные, переднеязычные, заднеязычные – палатализованные, велярные и лабиовелярные). В языках *centum* сохраняются велярные и лабиовелярные, а палатализованные сливаются с велярными; в языках *satəm* лабиовелярные утрачивают свой лабиальный признак, сливаясь с велярными, а палатальные превращаются в переднеязычные (свистящие и шипящие). В рецензируемых учебниках эта реконструкция представлена по-разному. М. Майер-Брюггер (с. 130–131) полагает, что три ряда представлены в лувийском (*k* > *k*, *kars* ‘резать’ < **(s)ker-*; *k^u* > *ku*, *kui* ‘кто’ < **k^ui-*; *k̂* > *z-*, *zārt-* ‘сердце’ < **~kērd-*, ср. [Melchert 1994: 251]), в албанском [Pedersen 1900] и армянском [Pisani 1950]. Бекес (с. 125) излагает эту теорию более подробно. Он указывает на то, что сведения о наличии в любом засвидетельствованном языке трех рядов заднеязычных недостаточно достоверны. Вопрос о лувийских рефлексах **k/k̂* требует, очевидно, дальнейшего рассмотрения: не обусловлена ли палатализация в лув. *zart* влиянием следующего гласного переднего ряда? Герценберг (с. 33–36), как и Майер-Брюггер, полагает, что три ряда

⁶ Баммесбергер [Bammesberger 1990: 202] полагает, что долгота в этом корне возникла благодаря ассимиляции и выпадению первого ассимилированного звука: **pod-s* > **pos-s* > **pōs* с последующим восстановлением *-d-* по аналогии. На наш взгляд, такая реконструкция не объясняет происхождения др.-инд. *pādus* с его обобщенным долгим корневым гласным, при том что в корневом имени долгота существует только в номинативе и аккузативе единственного и двойственного числа: вед. *a-pād* ‘безногий’, *pādam*, *pādā/pādau*, но локатив *padí*, инструменталь *padā* и т.д.

⁷ В латыни в 2 и 3 л. ед. ч. представлен как атематический (*ēs*, *ēst*), так и тематический варианты (*edis*, *edit*). Они запечатлели процесс экспансии тематического спряжения.

заднеязычных присутствуют в албанском (* \hat{k} > *th*, **k* > *q*, **k*^u > *k*), армянском (* \hat{k} > *s*, **k* > *k'*, **k*^u > *č*) и лувийском (* \hat{k} > *z*, **k* > *k*, **k*^u > *ku*). По его мнению, тембр вокального призвука в древнеиндийском может свидетельствовать о том, что здесь различались простой и лабиовелярный ряды заднеязычных (**grH-tó*- > *gīrnás* ‘проглоченный’, **g^urH-tó*- > *gūrtás* ‘желанный’). Но пример Герценберга трудно назвать убедительным. В основе др.-инд. *gar*, *gir* ‘поглощать’ лежит корень **g^uerH-* (а не **gerH*), ср. греч. βιβρώσκω, лат. *vorare* ‘пожирать’. От древнеиндийского корня *gar/gir* в значении ‘восхвалять’ известно и имя *gir* ‘хвалебная песнь’, и послеведическое причастие *gīrnás*. Вокальный призывок при слоговых сонантах часто варьируется: *táratī*, *tirátī* ‘переводить; одолевать’ – *viśvatūr* ‘всепобеждающий’. Вообще, вокальные призвуки при слоговых сонантах часто бывают разнородными, ср. слав. *грьло/жрьло* < **gūr-dlo*/**žūr-dlo* < **g^urH-dhlo-*.

Реконструкции трех рядов препятствует наличие centum-ных рефлексов в языках *satəm*. Это обстоятельство вызвало к жизни теорию двух рядов, согласно которой в праиндоевропейском имелись только велярный и лабиовелярный ряды. В.И. Георгиев [Георгиев 1932] полагал, что палатальные заднеязычные развивались в соседстве с гласными переднего ряда и переднерядными рефлексами слоговых сонантов. Бекес (с. 125) тоже считает, что эти колебания могут быть обусловлены комбинаторными условиями: наличие сонанта *U*, гласных заднего ряда и лабиовелярных способствует утере палатальности. Так, русск. *слово* < **k^hlejos* содержит палатализованный, а перед **o* он теряется: лит. *kláusti* ‘спрашивать’, *klausyti* ‘слушать’. Но условия возникновения различных рефлексов гораздо сложнее; и ц.-слав. *слюхъ* (с производными), и лит. *šlovė*, почти фонемно соответствующее имени *слава* (ср. также *šlōvinti* ‘славить’), не обнаруживают никакой депалатализации. Этой проблеме следовало бы посвятить больше места. Дело в том, что количество подобных дублетов достаточно велико (в фундаментальной статье А. Пахареса их приводится больше 100 [Pajares 1971]). Ср. только в русском языке: *свѣтъ* – *свѣтъ*, *клонить* – *при-клонить*, *город* – диалектное *зород* ‘стог, огороженное место для стога’. Последний пример имеет впечатляющую параллель в литовском: *gārdas* ‘загородка, стойло’ – *žārdas* ‘островье, прясло’ (с тем же распределением акцентов, что и в славянском, – акут, неподвижная акцентуационная парадигма), *žaiṛdis* (с акутом *žaiṛdiena*) ‘загон’.

В некоторых случаях можно полагать заимствование из языка centum: слав. *камы* и лит. *akmiū* ‘камень’ могут быть заимствованы из древнебалканского языка, из формы, близкой к греч. *ἀκμων*. Это отрицал О.Н. Трубачев, полагая, что само сочетание /*k^m/* могло привести к утере заднеязычным палатализации. Но непонятно, почему этого не произошло в лит. *ašmiū* ‘лезвие’. Идея Ф. Кортландта [Kortlandt 1978] о влиянии сонантов на депалатализацию также не вполне согласуется с фактами (ср. большой ряд производных от корня **k^her₁-* ‘голова; рог’: др.-инд. *sīrás*, *śngá* и т.д.) Общеслав. **kórva*, относящееся к тому же корню, и почти полностью совпадающее с ним лит. *kárvė*, скорее всего, заимствованы из кельтского: кимр. *carw*, корн. *carow*, бретон. *caro*. Напротив, имя **sr̥bna* и др.-прусс. *sirwis* исконно (см. [Трубачев 1984: 106–112] с важной информацией о первичном одомашнивании скота). Но далеко не все дублеты могут быть объяснены как заимствования. Объяснение процесса палатализации [Георгиев 1932] упоминалось выше; Бекес его поддерживает.

Проблема усложняется тем, что возможны и колебания палатальных / лабиовелярных. Так, и.-е. **g^her-* ‘сиять, гореть’ (лит. *žarà* ‘заревое’, *žarijà* ‘пылающие угли, жар’, русск. *жаря*) явно связано с **g^{uh}er-* ‘тепло, жар’ (греч. θερμός, лат. *formus*, русск. *жар*). Можно предположить, что и упоминавшийся корень **d^heg^h-m-* ‘земля’ («findet keinen weiteren Anschluss») [Wodtko et al. 2010: 89] сопоставим с **d^heg^{uh}-* ‘гореть’. Тогда «земля» может быть объяснена как «пожарище» — наследие эпохи огнево-подсечного земледелия.

Иногда же в одном корне могут встречаться согласные из всех трех рядов: лат. *fel* ‘желчь’, как и однокоренное русское слово, позволяет реконструировать корень **g^{uh}el-*, тогда как греч. *χόλη* – **g^hel-*. Более того, этот корень обнаруживает колебания и в славянских языках: имена *желтый*, *желна* «род дятла» демонстрирует начальное **g^h-* или

* g^{uh} -, а *зеленый, знак* – * g^h -. Довольно много таких примеров собрано в монографии О.Н. Сорокина [Сорокин 1993]⁸. Автор, привлекая большой материал, предполагает, что и палатализация, и веляризация – вторичные явления; поначалу в праиндоевропейском был только один ряд переднеязычных. Такую же точку зрения высказывали Я. Сафаревич [Safarewicz 1945], Ю.В. Откупщиков [Откупщиков 1988], А.А. Кретов [Кретов 2009]. В этой связи следует отметить взвешенную позицию И.М. Тронского [Тронский 1967: 57], отмечавшего, что здесь надо различать праязык в ближней и дальней реконструкции. В ближней перспективе следует реконструировать три ряда, в дальней – два или даже один. Отметим также мнение Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова о палатальном ряде заднеязычных как наиболее маркированном и, следовательно, наименее устойчивом. Поэтому он изменяется чаще всего: либо депалатализуется, либо превращается в переднеязычные сибиланты и аффрикаты [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Таким образом, вопрос о рядах заднеязычных не столь явно разрешен, как может показаться читателю рецензируемых книг. В пособии по индоевропеистике необходимо суммировать весь разброс мнений. Тем более, что, как можно убедиться из вышеприведенных примеров, в этимологическое сравнение оказываются вовлечены корни и слова, значимые для реконструкции индоевропейской культуры⁹.

То же можно сказать и о ларингальной теории. В настоящее время наиболее популярна реконструкция трех ларингалов, представленная в рецензируемых пособиях. Бекес полагает, что h_1 мог быть глоттальным смычным (? , аналогичный арабскому), h_2 – фарингальным, способствующим понижению гласного ($e > a$), h_3 – огубленным фарингальным, придающим огубленность и гласному. Но, конечно, их истинный фонетический облик остается неясным (с. 147). По Майер-Брюггеру (с. 106–107), первый ларингал был фонетически немаркированным, второй – спирантом, третий – звонким огубленным. Гамкрелидзе и Иванов связали их с тремя рядами заднеязычных: h_1 – палатальный, h_2 – велярный, h_3 – лабиовелярный. В принципе, такую картину можно найти и в монографиях, специально посвященных ларингальной теории [Lindeman 1997: 19]: h_1 – нейтральный звук [x '], h_2 – «близкий к a (a -colouring) [x]», h_3 – «близкий к o (o -colouring) [x^w]». Это, так сказать, консенсус, который принят и Бекесом, и Майер-Брюггером. Поэтому все разногласия в артикуляционных характеристиках ларингалов носят скорее терминологический характер, тем более, что установить их точно пока не представляется возможным.

Линдеман также упоминает о том, что некоторые исследователи рассматривали ларингал как вокальный звук [Lindeman 1997: 34]. Думается, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Дело в том, что ларингал, по всеобщему признанию, в позиции между согласными приобретает слоговой характер. В фундаментальном исследовании [Bell 1978: 183] утверждается: если в языке имеются слоговые ларингалы, то в языке должны иметься и слоговые фрикативные согласные (что иллюстрируется, правда, только языками салиш в Британской Колумбии). В индоевропейских языках слоговыми могут быть только сонанты. Возможно, типология слоговых согласных еще не завершена; так называемые «ларингалы» могли иметь и иные акустические характеристики. В последней по времени большой индоевропейской грамматике [Adrados, Bernabe, Mendoza 1995] предполагается наличие шести ларингалов: по три палатальных и велярных. По мнению авторов, в интервокальной позиции некоторые из них превращались в $-u-$, $-i-$ (не вполне ясно, при каких условиях это происходило вместо обычного выпадения).

⁸ Эта посмертно изданная работа осталась неизвестной не только зарубежным, но, судя по всему, и отечественным индоевропеистам; мне не доводилось встречать ссылок на нее. Она, однако, заслуживает внимания как один из самых подробных и аргументированных обзоров данной проблемы. Автор предложил чрезвычайно интересную и хорошо обоснованную реконструкцию заднеязычных.

⁹ Так, сравнивая о-слав. **korva* и **srъna*, мы можем предположить заимствование скотоводства славянами от кельтов; этимология *земли* сохраняет память о древнейшем способе возделывания земли.

Такие корни, как **leh₂-i-* ‘желать’, **kei-* ‘лежать’, должны восстанавливаться как **leH₁-*, **keH₃-*, а **(s)neh₂-u-* ‘плыть’, **ie_u-* ‘связывать’ – как **sneH₂-*, **ieH₃-* [Ibid.: 370], что не выглядит вероятным¹⁰. Некоторые ученые вообще не признают ларингальную теорию. Э.А. Макаев [Макаев 1970] и В. Маньчак [Mańczak 1995] полагают, что все аргументы ларингальной теории имеют иное объяснение. По их мнению, исчезновение целого класса фонем маловероятно. Возражая на это, Е. Курилович [Kuryłowicz 1971: 123] отметил, что в аккадском языке произошел именно подобный процесс. Попутно отметим концепцию Л.Г. Герценберга, который предложил интереснейшую реконструкцию ларингалов не как самостоятельных фонем, а как характеристики одного из видов ударения – ларингализированного [Герценберг 1981]. В рецензируемом же «Введении» Л.Г. Герценберг признает существование трех ларингалов, но упоминает, что индоевропейское *schwa* могло быть рефлексом особого прерывистого акцента. Постулированное различие двух типов ударения (прерывистого и ровного), по мнению исследователя, объясняет развитие придыхательной серии. Автор допускает языковое состояние с противопоставлением только звонких и глухих согласных, тогда как придыхательность развивалась при соседстве с определенным типом ударения.

Если представление о том, что ларингалов было больше трех, могут считаться своего рода курьезом, то теории одного, двух ларингалов, а также опровергающие их существование, заслуживают более внимательного рассмотрения.

Перейдем теперь к реконструкции серий согласных. Авторы придерживаются традиционной нотации: глухая, звонкая и звонкая придыхательная серии. Майер-Брюггер указывает на основные соответствия и важнейшие фонетические законы. Он дает обширную библиографию, где рассматривается «глоттальная теория», резюмируя, что спорные вопросы здесь едва ли решены, следовательно, опираться на нее в учебном пособии нельзя (с. 126). У Герценберга она изложена очень кратко, с упоминанием главным образом идей Ф. Кортландта: глухие согласные суть сильные, звонкие – слабые, звонкие придыхательные – слабые с придыхательным призвуком (с. 31). Такое изложение лучше дать студенту, имеющему уже некоторое представление об изучаемом предмете. Бекес же указывает, что традиционная нотация не выглядит типологически достоверно: как правило, звонкая придыхательная серия предусматривает наличие глухой придыхательной, как это обстоит в древнеиндийском. При этом глухие придыхательные в санскрите вторичны, не могут быть проецированы на праязыковой уровень. Таким образом, решение, предложенное в классической работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, выглядит, по мнению Бекеса, более убедительным (с. 128). Тем не менее, на их нотацию (вместо *p, b, b^h – p^{hl}, p', b^{hl}*) он не переходит. Думается, что в этом проявляется не только консерватизм. Глоттальная теория действительно оставляет много пока не разрешенных вопросов. Во-первых, не совсем ясен статус факультативной придыхательности. В германских и армянском она превращается в облигаторную при глухих, полностью исчезает при звонких, а в древнеиндийском – наоборот. Во-вторых, что еще более важно, глоттальная теория в том виде, в каком она представлена в [Гамкрелидзе, Иванов 1984], представляет собой «переписывание» традиционной реконструкции скорее на типологической, а не на сравнительно-исторической основе. Для того, чтобы глоттальная теория стала фактом именно индоевропейской реконструкции, надо, чтобы она объясняла факты, необъяснимые из традиционной реконструкции. Представляется, что на такую роль может претендовать именно закон Бартоломэ (на что первым обратил внимание О.С. Широков [Широков 1981]). Пока же мы можем констатировать, что глоттальная теория еще не стала завершенной парадигмой, способной во всем конкурировать с традиционной реконструкцией согласных. Тем не менее, она, конечно, заслуживает упоминания в любом учебнике по индоевропеистике.

¹⁰ Отметим позицию Ф.О. Линдемана [Lindeman 1997], который начинает свою книгу с рассмотрения трех ларингалов [Ibid.: 25], затем высказывает предположение о шести ларингалах: трех звонких и трех глухих. По мнению исследователя, звонкий *H₁* отражается в хеттском как *h-*, *-h-*, глухие *H₂*, *H₃* – как *h-*, *-hh-*, остальные – как 0 [Ibid.: 183–185].

Наконец, следовало бы сказать и о теориях, получивших меньшую известность, чем глоттальная. Так, А. Эрхарт [Erhart 1962; 1970] еще в 60-е гг. обратил внимание на колебание придыхательных и простых согласных (др.-инд. *bhrājate* – *bhrās* ‘блестеть’). Он предположил, что в праиндоевропейском признак придыхательности был факультативным, связанным с соседством ларингала. В свое время о лабильности признаков серий писал Г. Хирт [Hirt 1927]. Надо ли учитывать такие альтернативные реконструкции? Наверное, все-таки упомянуть об этом необходимо. Если предположить, что праиндоевропейский был когда-то языком изолирующего строя (наиболее подробно это обосновано в [Клычков 1989]), то все упомянутые вариации отражают процесс распада праязыковых силлабем. Конечно, такая тема может показаться сложной для вводного пособия. Ее, однако, целесообразно изложить в конце, в лекции, подводящей итоги и намечающей перспективы развития индоевропеистики. Там можно охарактеризовать гипотетический строй праиндоевропейского и связать его основные черты с особенностями фонетики и акцентологии, изложенными выше.

Авторы придают большое значение аблауту, поэтому они признают силовой характер индоевропейского акцента. Майер-Брюггер вообще на этом вопросе специально не останавливается, а просто описывает основные проявления: подвижный акцент в древнегреческом и древнеиндийском, его следы в германском (по закону Вернера), соответствие литовской неподвижной парадигмы греко-санскритской баритонезе, подвижной – окситонезе; начальное ударение в ранней латыни (с. 151–159). У Бекеса же есть специальный параграф «Праиндоевропейский как тоновой язык?» (с. 159). Здесь в качестве следов этого явления упоминаются: ударные / безударные частицы в ведическом и их способность образовывать комплексы (это может быть объяснено разными тональными характеристиками клитик): рассматриваются «правило Дыбо» в балто-славянском (постановка словесного акцента на самой левой доминантной морфеме); ограничения на звонкость и придыхательность в корне (в одном корне не могут сочетаться два простых звонких, а также глухой со звонким придыхательным). Надо сказать, что двойственный характер индоевропейского ударения отмечал еще Ф.Ф. Фортунатов. О его силовом характере свидетельствует количественный аблаут; о тоновом характере – открытые самим Фортунатовым (и одновременно Ф. де Соссюром) соответствия между балто-славянским акутом и греко-санскритскими долготами, циркумфлексом – и краткостью. Очевидно, тон характеризовал каждый слог индоевропейского слова вне зависимости от места иктуса, а подвижное силовое ударение было отличительной чертой словоформы в целом. Его место зависело от словообразовательных характеристик и грамматического значения слова. Замечу в этой связи, что многие лингвисты Лейденского университета [Kortlandt 1975; Lubotsky 1988¹¹] развивают теорию тонового праиндоевропейского акцента.

В области вокализма внимания заслуживает раздел в учебнике Бекеса «Отсутствие праиндоевропейского *a*» (с. 141). Автор указывает на то, что существует довольно мало примеров, позволяющих надежно реконструировать эту фонему в праязыке; там же, где она присутствует, ее можно объяснить либо воздействием ларингала (**h₂eg-* > греч. *ἄγω*, лат. *ago*, ср. *gero* < **h₂ges-*), либо особенностями лексики (экспрессивнопейоративной – др.-инд. *kakhati* ‘смеяться’, греч. *βάρβαρος*). Греч. *κάπρος* ‘козел’, лат. *faba* ‘боб’, по мнению автора, появляются в отдельных языках на поздней стадии¹². Понимая типологическую недостоверность вокальной системы без фонемы <*a*>, автор полагает, что **e* могло звучать как [æ], **o* – как [ʌ], т.е. иметь более низкий подъем.

¹¹ Диссертация А.М. Лубоцкого была защищена под руководством самого Р.С.П. Бекеса.

¹² Эта часть умозаключения представляется спорной. Греч. *κάπρος* безукоризненно соответствует лат. *caper*, лат. *faba* – русск. *боб*, др.-прусс. *babo*. Конечно, дальнейшая история этих лексем не вполне ясна: насколько имя козла родственно лат. *aper* ‘вепрь’? Каково родство латинского и славянского имени с общегерманским **bōn* (нем. *Bohne*, англ. *bean*) и греч. *φακος* ‘чечевица’? Вопрос, очевидно, нуждается в дальнейших исследованиях.

В отечественной лингвистике такие решения предлагались И.М. Тронским [Тронский 1967: 65–67], О.С. Широковым [Широков 1981].

Бекес специальный параграф посвящает закону Клуге, о котором другие авторы не упоминают. Это относится не только к рецензируемым руководствам: в обоих изданиях известной книги [Collinge 1985; 1997] нет соответствующего раздела; не упоминается он и в других пособиях по индоевропеистике и сравнительной германистике. Формулируется этот закон так. Сочетание смычных с **n* в прагерманском преобразуется в двойной согласный, если следующий слог ударен; геминаты сокращаются после долгих гласных и дифтонгов. Ср.: англ. *bottom* – греч. *πυθμήν*, др.-инд. *budhná* ‘дно’ (прагерм. **budmen*/**buttaz*), но гот. *hweits*, англ. *white* – др.-инд. *śvítna*, *śvetá* ‘белый’¹³. Как и закон Вернера, закон Клуге может помочь в реконструкции прагерманского ударения.

В области морфологии все авторы поддерживают реконструкцию, которая приобрела большую популярность благодаря работам выдающегося индоевропеиста Йохема Шиндлера (1944–1994) и его преподавательской деятельности в университетах Вюрцбурга, Сорбонны, Гарварда и Вены¹⁴. Согласно Шиндлеру, атематические имена можно классифицировать в зависимости от акцентуации «сильных» (номинатива, аккузатива, отчасти локатива) и «слабых» (генитива и датива) падежей. Обычно в корневых именах ударение стоит на основе в «сильных» падежах и окончании – в «слабых». Этим они существенно отличаются от тематических имен с фиксированным ударением. Но Шиндлер и его единомышленники [Schindler 1967; 1972; 1975; Eichner 1973] предложили более подробную классификацию. Атематические имена подразделяются на акростатические с неподвижным ударением (ступень корня *o* в «сильных» падежах, *e* – в «слабых»); протеродинамические с перемещением ударения с корня на суффикс, гистерокинетические с перемещением ударения с суффикса на флексию, голокинетические (амфикинетические) с перемещением ударения с корня на флексию¹⁵. Впоследствии Шиндлер высказал предположение о существовании акростатических имен с продленной ступенью корня в «сильных» падежах и полной – в «слабых» (*ē/ĕ*). Также последователи этой теории (названной Эрлангенской школой) исследуют переход имен из одного класса в другой. Это так называемая внутренняя деривация – с изменением акцентуации и апофонии основы (по аналогии с внутренней флексией). Наиболее подробная монография на эту тему – [Widmer 2004].

Следует отметить несколько вариаций той же теории. М. Майер-Брюггер указывает на работу [Beekes 1985] и [Tremblay 1996], где предложены дополнения к классической модели Шиндлера. По мнению Бекеса, существует апофония следующего вида: номинатив *Kék-K-s* – аккузатив *KKék- m* – генитив *KK(K)ós*. К. Трембле восстанавливал для имен с суффиксом *-ōs* и *-tór* особый аблаут: номинатив *Kek-ōs*, *Kek-tór* – генитив *Kék-s-s*, *Kék-tr-*. Майер-Брюггер оценивает эти гипотезы сдержанно, вторую считает вообще неправдоподобной, справедливо отмечая, что в слабых падежах ударение никогда не движется влево. Теория же Бекеса развивалась его учениками [Lubotsky 1988; Kloekhorst 2010]; в настоящее время она характеризует Лейденскую школу акцентологии как вариант Эрлангенской. Поэтому скажем о ней несколько слов. С помощью идеи о перемещении акцента в аккузативе лейденцы пытаются объяснить некоторые anomальные типы склонения. Итак (переходим на нотацию Бекеса), исконная форма номинатива *CéC-R* (1) переходит в *CéC-ōR* (2), затем в *C(e)C-ōR* (3), затем в *CC-ēr* (4). Соответствен-

¹³ Сам Фридрих Клуге [Kluge 1913: 78] в своей позднейшей работе сформулировал его в виде предположения о том, что развитие и падение геминат (из сочетания смычного с назальным) связано с акцентологией.

¹⁴ Первые наброски этой теории появились в книгах [Pedersen 1926; Kuiper 1943]. М. Майер-Брюггер также отмечает семинар в Эрлангенском университете, организованный в 1964 г. Карлом Хофманом. Поэтому школа, развивающая теорию, изложенную ниже, названа Эрлангенской.

¹⁵ Говоря точно, амфикинетическими можно именовать только суффиксальные имена, где акцент не падает на суффикс. Корневые имена с подвижным акцентом лучше называть просто кинетическими. Как мы убедимся, передвижение ударения характеризует все атематические корневые имена.

но, генитив всюду имеет вид *CC-R-ós* (в подтипе 3 – *C(e)CR-ós*), аккузатив – *CCÉR-m* (в подтипе 3 – *C(e)C-oR-m*). Подтип 1 соответствует гот. *bandi* ‘связка’, подтип 2 – и.-е. *dhééh-om* ‘земля’, подтип 3 – греч. *δῶτωρ* ‘даритель’, подтип 4 – и.-е. **ph₂-tér* ‘отец’. С помощью такой метатезы Бекес объясняет колебания **ġ^héi-ōm* (авест. *ziiā°* ‘зима’) – **ġ^hiōn* (греч. *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима’), **yeġ-ont-* (греч. *ἐχών*) – **uk-ont-*, род. п. **uk-nt-ós* (др.-инд. *uśān, uśatāh* ‘желающий’). Так же объясняется разница хетт. *tekan* (**d^héġ^hōm*; в действительности **d^héġ^h-m*) – греч. *χθών* (**d^hġ^hōm*). От этих типов резко отличается статическое спряжение, которое может характеризовать не только корневые, но и суффиксальные имена. Так Бекес объясняет своеобразный генитив древнеиндийских имен на *-tar-*: *patúr* ‘отца’, *mātúr* ‘матери’ (*-tur* < **-trs*): им. п. **méh₂-tr* – род. п. **méh₂-trs*. В принципе, к аргументам Бекеса и его последователей можно прибавить еще один. К. Боргстрём [Borgstrøm 1954: 31] отмечал, что корневые имена с корнем структуры ССС имеют основу *CC^e/_oC-* (состояние II по Бенвенисту). Ср. др.-инд. *tvác* ‘шкура’, греч. *πρόξ* ‘олень’, *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима; буря’. Конечно, правило это отнюдь не абсолютное, ср. греч. *σκόψι ψωρά* ‘парша, кожная болезнь’, *δόρξ* ‘газель’, а также аккузатив *ὄλκα* (< *ῥωλκα*, II. XIII 707; Od. XVIII 375) ‘борозду’. Но тенденция существует, и ее можно было бы объяснить с позиции Лейденской школы. Однако ряд пунктов вызывает возражение. Прежде всего, ни в одном языке не сохранилось и следов парадигмы, где бы аккузатив акцентом и аблаутом отличался от номинатива. Примеры, приводимые Бекесом, могут иметь и иное объяснение. Так, *tekan* – имя среднего рода, тогда как *χθών* и *kṣām* – женского¹⁶. Следовательно, перед нами именно то, что именуется внутренней деривацией, вполне сопоставимое с лат. *sēmen* < **seh₁-m_ṅ* ‘зерно’ – *Semō* (*ōnis*) < **seh₁-mon-s* ‘бог посевов’. Как справедливо отмечал П. Видмер [Widmer 2004: 35], одно из грамматических значений внутренней деривации – образование имен одушевленного рода. Баритонные имена типа *δῶτωρ* – результат относительно позднего развития, когда разные аблаутные варианты суффиксов приобрели разное значение. Эволюция основы **d^héġ^hm* → **d^hġ^hōm* (*-oms*) показывает механизм внутренней деривации: правосторонний акцентный сдвиг¹⁷.

Не вполне убедительно объяснение древнеиндийского генитива **-trs* > *-tur*. Прежде всего отметим, что акцентуация имени **meh₂tēr* не единообразна. В греческом (*μήτηρ*) и литовском (*mótė* ‘жена; мать’, *móteris, mótina* ‘мать’, – все 1 акцентуационная парадигма) оно бесспорно баритонно, тогда как др.-инд. *mātā* демонстрирует окситонезу. Др.-в. нем. *muoter*, др.-англ. *moðor* по закону Вернера тоже указывают на суффиксальное ударение (прагерм. **mōder* < **māitēr-*). Понимая эти сложности, К. Трембле и предложил свой вариант реконструкции с рецессией акцента в слабых падежах: им. п. **meh₂-tēr* (*-tēr-s*) – род. п. **méh-tr̥-s*. Не вполне понятна апофония такого имени (в реконструкции Трембле): полная ступень корня и суффикса в сильных падежах. Вышеприведенное возражение Майер-Брюггера против этой гипотезы весьма основательно. Л.Г. Герценберг оценивает теорию внутренней деривации чрезвычайно высоко, считая ее «последним по времени крупным открытием в области индоевропеистики». По его мнению, она «конгруэнтна» акцентологической реконструкции В.А. Дыбо для балто-славянского, о которой мы упоминали выше (постановка иктуса на самой левой доминантной морфеме). Но выводы В.А. Дыбо касаются всех грамматических форм слов только в балто-славянском. В праиндоевропейском же, судя по совокупным данным греко-арийского, а также отрывочным сведениям из прагерманской и анатolianской акцентуации, ударение в тематическом склонении оставалось неподвижным, в корневых именах было подвиж-

¹⁶ Попутно отметим, что авестийское *ziiā°* (чаще *zyā°*) не дает основания для реконструкции дифтонга в корне. Это обычная именная основа с 0 ступенью корня и полной суффикса, с передвижением акцента в «слабых» падежах (род. п. *zəmo*), почти пофонемно совпадающая и с греч. *χιών*, и с лат. *hiems*.

¹⁷ Готское *bandi* вообще не относится к именам с подвижным акцентом. Это стандартное имя с основой на *-jō-* (и.-е. **-iā-*), в склонении которого нет аблаута.

ным, в производных атематических проявляло тенденцию к формированию колумнального акцента.

Редактор 2-го издания книги Р.С.П. Бекеса М. де Ван настроен критически к некоторым положениям Эрлангенской школы. Так, на с. 183 [Beekes 2011] говорится: «Ни один из этих примеров не является убедительным доказательством изменений в праиндоевропейских флективных классах». В письме автору этих строк от 2.10.2012 он заметил, что, в частности, переход из протеродинамического в гистеродинамическое спряжение по сути нигде не засвидетельствован. С нашей точки зрения, если под внутренней деривацией подразумевать передвижение акцента (*δόλιχος* ‘долгий пробог’ – *δολιχός* ‘длинный’; *λεῦκος* ‘белый тополь’ – *λευκός* ‘белый’; *κῆϛνα* ‘черная антилопа’ – *κῆϛνά* ‘черный’), то такие словообразовательные модели восходят к праиндоевропейскому языковому состоянию. Производные имена не демонстрируют различий в акцентных парадигмах, т.к. ударение в них становится неподвижным.

Добавим еще несколько соображений. Окситонеза **māter* в древнеиндийском и древнегерманских языках может быть объяснена влиянием других имен родства: **ph₂tér*, **d^hugH-tér*. Окончание же *-tur* известно только в древнеиндийском и может быть рассмотрено как инновация: в авестийском подобные имена имеют нормальные генитивные окончания: *dāta* ‘творец’ (вед. *dhātár*) – род. п. *dāθrō* (< *dātras* vs. вед. *dhātúr*). Вместе с тем именно в Авесте имена, соответствующие ведическим именам с неподвижной акцентуацией, демонстрируют генитив с нулевой ступенью флексии: *ātars* ‘огонь’ – род. п. *ātars* (наряду с *aθrō* < *atras*) [Tichy 1995]. Вообще, склонение имен на *-r* в авестийском довольно разнообразно: вед. *nár* ‘муж’ – *náras*: авест. *nā* – род. п. *narš* и *nərəš* (< *nrs*). Большая же часть имен образует стандартный генитив *--ō* (< *-as#*): *dāθrō* (*dātā* ‘податель, установитель’), *starō* (*star-* ‘звезда’) [Reichert 1909: 220]. Ср. и древнеперсидское *piça* (< **pitras*) от *piā* ‘отец’ [Brandenstein, Mayrhofer 1964: 60]. Трудно сказать, возникла ли редукция гласного в иранских языках или она отражает архаизм – генитив **'-s*¹⁸. Во всяком случае, очевидно, что в праиндоиранском существовало несколько моделей склонений имен на **-e/r̥*: баритонные (типа др.-инд. *dātār*), окситонные (*dātār*) и подвижные (**patér*) с тремя типами генитивов: **'-tor(o)s*, **-tér(o)s*, **-trós*. В результате их контаминации и появился новый вариант суффикса **tRs*. Он находился в оппозиции как к номинативу, так и к производным тематическим именам (*dātram*, *dātrám* ‘дар’).

Вообще, Эрлангенская реконструкция пока далека от завершения. Во-первых, существование акростатических имен остается недоказанным. К именам с аблаутом *o/e* традиционно относят греч. *δῶ* ‘дом’ > **dom#* / *δεσπότης* ‘хозяин’ > **dems-pot-* и ряд других примеров, где так называемый генитив представлен только в композитах. Но в той же позиции появляется вариант и с другими ступенями вокализма, например микен. *dopota* (PY Tn 315) *δομο-ποται* ‘владыке’ (дат. п.), репрезентирующий ступень *o* или *0* (**dom-s/dm-s*). Такие формы логичнее определить как атрибуты, а не генитивы. Что же касается имен с количественным чередованием гласных (*ē/ě*), то они вообще по большому счету не выявлены. Др.-инд. *rāt* (род. п. в композитах *samrājāḥ*), лат. *rēx*, *rēgis* ‘царь’ имеют долготу во всей парадигме, как и греч. *μήν*, *μηνός* ‘месяц’ (см., например, [Ringe 2006] с попыткой реконструкции акростатического **mēHn-s/mēHn-s*¹⁹). Во-вторых, все протеродинамические имена подчиняются тем же закономерностям, что и простые кинетические. В слабых падежах ударение сдвигается вправо. Тот же грамматический способ используется при деривации. Конкретные имена (например, имена деятеля и прилагательные) образуются от абстрактных (имен действия) путем сдвига акцента на суффикс или флексию. Протеродинамические имена, как правило, образуются от имен со стабилизировавшимся ударением тем же способом: ср. др.-инд. *krátus*

¹⁸ В любом случае существенно, что однокоренные греч. *άνήρ* и арм. *ayr* демонстрирует мобильность, редко встречающуюся в многосложных именах: **h₂nēr* > *άνήρ*, *ayr*; **h₂nros* > **άρός* > *άνδρός*, *arn*. По-видимому, иммобилизация ударения в имени **nār* произошла только в индоиранском праязыке.

¹⁹ Как Ринге различает кластеры **ēHC* и **eHC*, остается совершенно неясным.

‘сила’ (преобладает генитив *krátvas*²⁰) – *греч.* *κρατύς* ‘сильный’, ср. гот. *hardus* ‘то же’ (с протеродинамическими косвенными падежами). Бекес полагает, что именно гистеродинамические имена часто одушевлены и адъективны, тогда как протеродинамические имена чаще являются неодушевленными существительными. В действительности, как указывал еще Ф. Кёйпер [Kuiper 1942: 10–11], соотношение прямо противоположно. Достаточно сказать, что в качестве примера протеродинамического имени Бекес (с. 215) упоминает **méd^hu* ‘мёд’. В действительности же от ведического *madhu* засвидетельствовано 67 генитивов *mádhvas* и только 13 – *mádhos*. Аналогично соотношение и форм в ведических именах, допускающих протеро- и гистеродинамические варианты: последние преобладают.

Но бесспорна связь передвижения акцента с грамматикой и семантикой. В различении классов имен заключается суть внутренней деривации: абстрактные vs. конкретные, одушевленные vs. неодушевленные, действие vs. деятель (подлежащий vs. подлежащий, результат). Флексия и деривация, связанная с мобильным ударением, управляются законом правостороннего передвижения акцента: чем правее стоит ударение, тем более конкретное значение будет иметь словоформа. Она может выражать производность, подчиненность, принадлежность. Представляется, что в учебнике по индоевропейскому языкознанию необходимо не просто повторить стандартные положения Эрлангенской школы, но подчеркнуть и то общее, что объединяет различные парадигмы. Эти парадигмы традиционно называются акцентно-аблаутными. Но можно предложить понятие аблаутно-акцентной парадигмы, основанной на законе правостороннего передвижения акцента. Именно она интегрально описывает словоизменение атематических имен и ряд словообразовательных моделей.

Что же касается глагола, то все названные авторы придерживаются сходных же взглядов. По их мнению, в атематических глаголах существует две различные акцентные парадигмы: подвижная и неподвижная. При подвижной парадигме ударение стоит на основе в ед. ч. действительного залога (сильные формы) и передвигается на флексию в мн. ч. и среднем залоге (слабые формы). Вокализм основы и флексии соответствует их ударности / безударности. В неподвижной парадигме ударение стоит на основе, в сильных формах наличествует продленная ступень вокализма, а в слабых – полная. Эта классификация впервые появилась в работе [Narten 1968]; она подкреплена авторитетом словаря [LIV 1998; 2001]. Однако внимательный анализ материала показывает вторичность всех глаголов второго типа, приведенных в LIV, («протеродинамических», согласно Й. Нартен). Герценберг предполагает у этого типа глаголов особое значение, подобное англ. *Present Continuous* (с. 44). Первым высказался в этом духе Г. Риков [Rikov 1986], см. также работу [Kümmel 1998]: «нартеновский (протеродинамический) презент» обозначал длительное действие.

Несмотря на определенное расхождение во взглядах, следует признать изложение системы глагола у Майер-Брюггера образцовым. В учебнике подчеркнуто, что глагол состоит из основы, модального суффикса (-0- в индикативе, -e-/o- в конъюнктиве, **ieh₁*- в опативе) и флексии. Глагольная словоформа, собственно, может относиться к одной из трех несводимых друг к другу основ – презентной, аористной, перфектной. При описании различных классов основ автор опирается на [LIV 2001], где речь идет о 22 классах презенса. При этом Майер-Брюггер высказывает несогласие с отдельными деталями. Например, глагол **g^hih₁yé-ti* ‘жить’, согласно автору, является не «презенсом на -u-» (класс E, согласно [LIV 2001]), а деноминативом, образованным от прилагательного **g^hih₁yós* ‘живой’. Добавим, что многие глаголы с суффиксом **-néu-/nu-* (класс L, V класс в санскрите) суть отыменные: др.-инд. *dhr̥ṣṇóti* ‘держат’ – *dhr̥ṣṇú* ‘дерзкий’ [Koch 1978; Schmidt-Brandt 1987]. Вообще, классификация [LIV 2001] отнюдь не бесспорна, но опираться на нее в учебнике можно. Со времени Бругмана и Дельбрюка это

²⁰ Очень важно различать изначально и вторично стабилизированное ударение. П. Видмер [Widmer 2004: 60] считает и.е. **kr^é/₁tu-* акростатическим именем, противореча и тому определению, которое дают его единомышленники: в таких именах присутствовал генитив **-s*, а не **-e/_os*.

первое развернутое описание всех типов индоевропейских глагольных основ. Можно лишь приветствовать и отказ от попыток определить соотношение между презентной, аористной и перфектной основами. В настоящее время этот вопрос до конца не решен. Попутно отметим одно спорное утверждение. Майер-Брюггер, ссылаясь на [Meiser 1998: 224], утверждает, что атематизм лат. *fert* – это результат синкопы. Аргументы самого Г. Майзера таковы. В сабелльских текстах известно только маррукинское *feret, ferenter* (Lex sacra); конъюнктив глагола *ferre* образуется так же, как у тематических глаголов: *ferat* (субъюнктив), *feret* (футурум) вместо **ferit*, подобного *sit* и *velit*²¹. Поэтому лат. *fert* и другие атематические формы не могут быть проецированы на праиндоевропейский уровень и быть сопоставлены с др.-инд. *bibharti*. Но от атематического *ēst* (< **ēd-t*) ‘он ест’ тоже не засвидетельствован конъюнктив **edim*, **edit*. Атематические формы от данного глагола известны в умбрском (**fert**u ‘ferto’, **fert**uta ‘ferto’); здесь, правда, они могут быть результатом синкопы, более развитой в умбрском, чем в латыни. Наконец, в ведическом имеется и нередуцированное *bharti*, фонемно соответствующее лат. *fert*. Ср. гомеровское *φέρετε* ‘несите’ (2 л. мн. ч. императива), которое также однозначно соответствует лат. *ferte*. Все это говорит о том, что атематическая и тематическая формы данного глагола пришли из праязыка. Тематические глаголы с полной степенью вокализма относятся к поздним общеиндоевропейским формациям; корень **b^her-* наглядно демонстрирует пути их образования. Формирование тематического спряжения (как и склонения) – один из важнейших процессов индоевропейской морфологии, и ему стоит уделить особое внимание.

Бекес избрал более краткий способ описания глагольных основ. Его классификация такова. А. Корневые презенсы – атематические, тематические с полной и 0 степенью вокализма. Особая группа – известные по преимуществу в хеттском презенсы со степенью *o* корня: *mallai* ‘молоть’ (лит. *malti*, гот. *malan*), *sipandai* ‘возливать’ (греч. *σπένδω*). Они мало распространены в других индоевропейских языках и связаны общим происхождением с перфектом; Бекес считает их предтечей перфекта²². В. Редуцированный презенс. Сюда относятся как атематические (**dé-deh₃-* ‘давать’) и тематические (**si-sh₁e-* ‘сеять’) глаголы²³. С. Презенсы с суффиксом **-ei-/i-*. Это такие глаголы, как **k¹-ei-* (др.-инд. *kséti* ‘жить’), **mn-ei-* (лит. *mini* ‘он вспоминает’, слав. *мьнитъ*, греч. *μνίωμα* ‘безумствовать’, др.-инд. *mányate* ‘он считает, полагает’). Последний случай не вызывает сомнения; здесь суффикс **-i-/i_o-* в презенсе чередуется с **-ē-* (**-eh₁-*) в аористе (лит. *minėiti*, слав. *мьнѣти*, греч. *ἐμίανην*), т.е., в терминах [LIV 2001] – статив/фиентив (Бекес отмечает его, но рассматривает отдельно). Др.-инд. *kséti*, видоизмененное греч. *κτίζω* не дает такой ясной картины. Этимология этого глагола еще требует исследований. О балто-славянском типе *mini/minėiti* см. [Jasanoff 1973]. Бекес далее указывает и на другие функции суффикса: каузативную, итеративную, деноминативную. Затем под рубрикой D следуют презенсы с суффиксом **-eh₁-*. Е – презенсы с суффиксом **-sk-*, требующие 0 степени корня и тематической флексии. Согласно Бекесу, первоначальное значение этого суффикса трудноопределимо: в латыни он образует инхоативные глаголы, в хеттском – итеративные, в тохарских языках – каузативные. Следовало бы упомянуть и армянский так называемый цойный аорист: *gorceac* ‘он сделал’ (< **uorǵesk-*), ср. также футурум II *beric* ‘< **b^her-isk-* ‘он принес’. F – презенсы с сигматическим

²¹ У этих атематических и «полутематических» глаголов субъюнктив происходит из старого опатива, ср. ст.-лат. *sied* ‘пусть будет’ (Дуэнова надпись) = др.-инд. опатив *syāt*.

²² Дж. Джезанов [Jasanoff 2003] предположил существования особого атематического презенса со степенью *o* в «сильных» формах (активный залог ед. ч.) и *e* – в «слабых». Такой аблаут, однако, засвидетельствован только в хеттском, где может рассматриваться как вторичное явление [Kloekhorst 2012]. Попутно заметим, что вопрос о первичности перфекта или презенса с корневым *o* представляется схоластическим. Древнейший презенс отличался от древнейшего перфекта, по-видимому, отнюдь не темпоральными, а диатезными характеристиками.

²³ Бекес (с. 255) характеризует этот глагол так: «became thematic». Но этот корень с редупликацией нигде не обнаруживает следов атематического склонения. Может быть, он, как и **pi-ph₃-e* ‘пить’ (др.-инд. *pibati*, лат. *bibere*) был изначально тематическим.

суффиксом. Он чаще образует аорист, но встречается и в презенсах типа др.-инд. *śrōṣati* ‘слушать(ся)’ [с весьма важными параллелями: лит. *kláusti* ‘спрашивать’, *klausyti* ‘слушать’, *klūsti* ‘становиться послушным’; слав. *слышати*, *слушати*²⁴; др.-в.-нем. *hlosēn*, др.-ирл. *cloor* (1 л. ед. ч.), тох. А *klyos-*, В. *klyaus-* ‘слушать’]. Вместе с редупликацией этот суффикс образует дезидеративы²⁵. В особых рубриках упоминаются иные суффиксы (*-d^h-, *-k-) и назальные презенсы.

При изложении истории глагольных и именных флексий Майер-Брюггер исходит, на мой взгляд, из неудачного методологического принципа. Он приводит только реконструированные формы. Гораздо предпочтительнее тот путь, которым шли классические старые учебники – Мейе, Семереньи, Савченко: на основании парадигм нескольких сравниваемых языков (древнеиндийского, древнегреческого, латыни, готского, литовского, хеттского) показать студенту правила и результаты морфологической реконструкции. Этим достигается сразу несколько целей: во-первых, праиндоевропейское языковое состояние предстает не как абстракция, а как настоящая предтеча живых языков. Во-вторых, не теряется разнообразие морфем. В изложении Майер-Брюггера, к примеру, упущено окончание тематического генитива *-oso (< *-os-so), присутствующее в греческом, готском и древнепрусском²⁶.

Напротив, Бекес, приводя вначале таблицу реконструированных флексий, более подробно излагает происхождение падежных окончаний; его изложение в общем адекватно, но его можно и дополнить. Прежде всего отметим то, что отличает реконструкцию Бекеса от иных. Он предполагает два окончания номинатива атематических имен: *-s, что традиционно, и VR (где R – любой основообразующий сонорный). Иными словами, Бекес выступает против так называемого закона Семереньи, согласно которому присоединение -s# к сонорному приводит к отпадению -s# с последующим удлинением гласного перед сонорным [Szemerényi 1964: 395]. Первым эту связь отпадения с удлинением сформулировал В. Штрайтберг [Streitberg 1894], который объяснял удлинение редукцией заударного гласного (**māter-os* > **māter-s* > **mātēr*). В классической работе Н. Коллинджа [Collinge 1993: 181–182] закон Штрайтберга отнесен к основным законам, а закон Семереньи – к малым (minor laws): первый трактует фонетические процессы раннеиндоевропейского, второй предлагает скорее чисто морфологическое объяснение.

По мнению Бекеса, закону Семереньи противоречат такие явления, как существование акростатических генитивов типа **dems* (не переходящий в ***dēm*). На этот вопрос попытался ответить Й. Расмуссен [Rasmussen 2001: 240], отметивший, что акростатические генитивы сформировались после действия других аблаутных черт, в результате падения двухморных корневых гласных в безударной позиции: ***dēmós* > **dēms* и рецессии акцента согласно «общему автоматическому правилу (complete automatic rule)». Общая рецессия акцента действительно одно время действовала в праиндоевропейском (она затрагивала префиксы и редуцированные слоги), но происходила она в период, когда морфология была практически сформирована. Если же принять объяснение Расмуссена, то остается неясным, почему рецессия коснулась только акростатического склонения (даже если признать его существование). Но идея одновременных явлений аблаута и акцента, на мой взгляд, поистине замечательна и способна разъяснить сложности, возникающие с применением законов Штрайтберга и Семереньи.

²⁴ Отметим также слав. имя *слухъ*. Его наличие доказывает, что сигматический суффикс был свойствен и именам, которые имеют общее происхождение с сигматическими глагольными формами.

²⁵ Суффикс дезидератива скорее следует восстанавливать как *-*Hs-*. Это объясняет и удлинение гласного в корне, и позволяет возвести к дезидеративу латинские плюсквамперфект, футурум II и субъюнктивы системы перфекта (суффикс -*er-* < *-*Hs-*). Подробнее см. [Erhart 1989: 37–40].

²⁶ Подобно тому, как *-*os-jo* представляет собой флексия номинатива + указательное *-*jo* [Knobloch 1951], *-*os-so* содержит демонстратив *-*so*. Он же присутствует в ц.-слав. *чесо*.

Кажущееся отступление от них проявляется и в спряжении атематических глаголов, чьи основы оканчиваются на сонорные. Почему в латыни **pāter-s* переходит в *pat-er*, но в форме **b^hér-s > fers* ‘ты несешь’ конечный согласный не падает?²⁷ Вероятно, и здесь мы имеем дело с одновременными процессами. Происхождение окончания 2 л. *-s* полностью не прояснено. По-видимому, оно возникло в результате довольно сложных морфонологических процессов [Erhart 1989: 23–24], когда формирование падежной системы было завершено. Глагольные флексии дольше сохраняли свой агглютинативный характер: форма типа **bhér-mi*, **éi-mi* могла восприниматься как содержащая личное местоимение. Поэтому границы морфем в такой форме ощущались более отчетливо, что и препятствовало выпадению *-s#* после сонорного. И «акростатические генитивы», являющиеся, по-видимому, атрибутами, сформировались именно в это время. Тогда же сформировалось и окончание аккузатива множественного числа **-ns* (< **-m-s*), в котором тоже не произошло отпадение *-s*. Правильно поставленный Бекесом вопрос о правомочности законов Штрайтберга и Семереньи приводит к необходимости установления относительной хронологии действия этих законов.

Происхождение номинатива типа - VR# Бекес связывает с эргативной конструкцией предложения в праиндоевропейском. Это окончание, по его мнению, принадлежит абсолютному падежу, тогда как эргатив оканчивался на **-os*. Индоевропейский эргатив использовался в функции как падежа подлежащего (при переходном глаголе), так и генитива (об этом см. также [Knobloch 1951; Schmalstieg 1982]). Но, во-первых, проблема неноминативного строя индоевропейского праязыка за последние 40 лет обсуждалась очень подробно [Климов 1977; Schmalstieg 1980; Гамкрелидзе, Иванов 1984; Степанов 1989; Lehmann 2002], и следовало бы, пожалуй, кратко изложить аргументы сторонников этой идеи. Во-вторых, даже если признать эту далеко не полностью доказанную реконструкцию, остается непонятным, почему долгота гласного перед сонорным ауслаутом характеризует имена только мужского и женского, т.е. одушевленного рода. Ср. греч. *λύων* ‘развязывающий’ (причастие м. р., < *λυ-οντς*) – *λύον* ‘развязывающее’ (ср. р., < *λυ-οντ#*).

Для инструментала мн. ч. Бекес реконструирует окончание **-b^his*, для датива – **-mus*. Но это также вызывает возражения. Во-первых, не засвидетельствовано языков, где обе флексии были бы зафиксированы в одной парадигме. Основные языковые группы делятся на три зоны в зависимости от флексии этих падежей (**b^hi*-языки – греко-индо-иранские, ср. др.-инд. *pitṛbhis/pitṛbhyas*; авест. *dātərəbiš/dātərəbyo*; микен. *popi под-φι(σ)?*; **b^ho*-языки – итало-кельтские, ср. лат. *patribus*, галл. *atrebo*, др.-ирл. *atrib*; **mo*-языки – германо-балто-славянские: гот. *wulfam*, лит. *žvėrimis/žvėrims*, слав. *зв.рьмь/зв.рьмь*). Во-вторых, не вполне ясна база реконструкции флексии **-mus*. Формы балто-славянского датива скорее ведут к праформе **-mos*. В-третьих, и это самое важное, форманты **b^h-* и **m-* известны не только в мн. ч.: ср. литовский инструменталь *žvėrimi*, слав. *звѣрьмь*. Особенно показательны гомеровские формы на *-φι*. Они могут выражать отдаление, цель, местонахождение, принадлежность, быть связанными с единственным и множественным числом: *βίηφι(ν)* ‘силой’, *ὄχησφι(ν)* ‘повозками / на повозках’. Иными словами, у этих форм по сути еще нет выраженного значения числа; падежное же их значение неопределенно. Это классический пример наречий. Гомеровский язык здесь оказывается более архаичным, чем крито-микенский, где окончание *-pi* связано только с мн. ч. Вторичность формы **-bhis* по отношению **bhi*, как и лит. *-mis* по отношению к *-mi*, не вызывает сомнений. Вероятнее всего, формант *-s* заимствован из других флексий мн. ч. Ср. флексию аккузатива **-ns* (< ед. ч. **-m + *-s*). Дж. Дезанов [Jasanoff 2009: 141–142] полагает, что это особый наречный суффикс, представленный в латыни, греческом, санскрите (*bis* < **duis*, греч. *δῆς* ‘дважды’, вед. *bahih* ‘снаружи’)²⁸. Местоименное происхождение формантов **-b^hi*, **-mo-* не вызывает сомнений; ср. общеиндо-

²⁷ На это в свое время обратил мое внимание Ю.В. Откупщиков.

²⁸ Дальнейшее обсуждение этого вопроса завело бы слишком далеко. См. [Erhart 2006; Николаева 2008] о различных морфемах **-s*.

европейскую форму дательного падежа **tu-b^hei/tue-b^hei*: лат. *tibi*, слав. *тебѣ*, др.-инд. *túbhyaṃ*. Это подробно рассмотрено в цитированной статье Джебзанава. Формант **-to* пришел из склонения указательных местоимений: общеиндоевропейский датив **to(s)* *to-* в др.-инд. *tasmai*, гот. *þamma*, лит. *tám*, слав. *тому*. Местоименные формы проецируются в праязык. А их проникновение в именную парадигму произошло в период значительной диалектной раздробленности. Подытожим: у нас нет оснований проецировать особые флексии инструменталия и датива мн. ч. в общеиндоевропейское праязыковое состояние. Вообще, можно считать установленным, что специальные формы множественного числа развивались позже, чем формы единственного числа [Тронский 1946]. Это доказывает и акцентуация (форма типа **pód-es* была бы невозможна в период действия силового ударения), и морфология. Мы уже упоминали о производности аккузатива; номинативная флексия **-es* явно происходит из ед. ч. В хеттском известны только окончания *-as, -es, -us* (последняя обслуживает аккузатив). Флексия **-om*, которая в большинстве языков относится к генитиву мн. ч., в хеттском характеризует и единственное число. Можно согласиться с тем, что формант **-bhi* содержится в нем. *bei*, англ. *by*, гот. *bi*²⁹. К этому стоит добавить, что происходит он, скорее всего, из древнего возвратного местоимения: лидийское *bilis* (ср. р.) ‘свой’, сопоставляемое и с греч. *φίλος* ‘друг’, у Гомера ‘родной, дорогой; свой’.

В разделе о глаголе Майер-Брюггер включает в реконструированную парадигму только медиальные окончания **-to/-to-i, -o* (3 л.), формант **-r(i)* упоминает чуть ниже, связывая его с категорией статива. Окончание **-toi/-oi* засвидетельствовано в грекоиндоиранской группе языков, флексия же **-tor(i)/-ori* – в итало-кельтской, анатolianской, тохарской, а также во фригийском языке. Поэтому она должна быть внесена в таблицу реконструкций. Согласно автору, спряжение тематических глаголов отличаются от атематического только флексией 1 л. ед. ч. настоящего времени (**-ō/-oh₂* vs. *-mi*). Тем самым студент остается в неведении о сложной проблематике, связанной с древнегреческими и восточнобалтийскими тематическими флексиями, хотя этот вопрос был серьезно исследован 40–45 лет назад [Kuryłowicz 1964; Watkins 1969]³⁰. Эта проблематика излагается в учебнике Бекеса. Автор, однако, не углубляется в подробности, а лишь упоминает о тематический парадигме, восстанавливающейся так: 1 л. **-oH*, 2 л. **-eh₁*³¹, 3 л. **-e*. «Первичные» тематические окончания засвидетельствованы в греческом и литовском, «вторичные» – в остальных языках. Медиальные окончания автор вслед за Стангом [Stang 1932] и Куриловичем [Kuryłowicz 1932] считает контаминацией активного **-t* + **-o*. Названные ученые вывели флексию **-o* из перфекта, Бекес – из окончания древнейшего медиа типа **kéi-o* > др.-инд. *śáye* ‘лежать’³². Мы же полагаем, что **-tó* развилось из **-t* в результате акцентного сдвига.

В учебнике Герценберга кратко изложены основные сведения из фонетики (только смычные согласные), в виде примеров с таблицами приводятся основные именные и глагольные окончания. После этого автор приводит басню Шляйхера в варианте М. Петерса (опубликована в [Birkhan 1985]) и ее «перевод» на древнеиндийский, древнегреческий (архаический вариант, близкий к микенскому), латинский, готский и церковнославянский (все переложения даны по работе [Zimmer, Jahnkuhn, Ködderitsch 2004]). Ко всем текстам дан подробный этимологический и грамматический комментарий. Та-

²⁹ В разделе, посвященном аналогии, Бекес приводит флексию **-bhis* как пример расширения из простого **-bhi* по аналогии с окончаниями множественного числа. Следовательно, речь идет о закономерности проецирования новой морфемы **-bhis* на праиндоевропейский уровень. На наш взгляд, для этого нет достаточного основания.

³⁰ В другом месте (с. 171) упоминается статья М. Кюммеля, посвященная греческой флексии *-ei*.

³¹ Ларингал в этой флексии восстанавливается по литовскому *-i* < **éi#*. Но исконный акут здесь мог появиться и под влиянием 1 л. Мы полагаем, что изначально 2 и 3 л. вообще не имели специального окончания; формант **-e* есть не что иное, как тематический гласный.

³² Впрочем, генетическая, морфологическая и семантическая близость этого типа медиа к перфекту никем не отрицалась.

ким образом, данный учебник (в отличие от Бекеса и Майер-Брюггера) не является настоящим введением, т.к. азы науки излагает недостаточно подробно. Но его можно использовать для работы со студентами, уже изучившими основные фонетические законы индоевропейских языков. Кроме того, у Герценберга, пожалуй, наиболее подробна информация о группах языков индоевропейской семьи: характеризуются ареалы распространения, основные письменные памятники, а также основные учебные пособия по отдельным группам.

Отметим важное новшество в учебнике Бекеса по сравнению с первым изданием: в нем после ряда разделов приводятся упражнения, написанные М. де Ваном, что можно только приветствовать. Басня Шляйхера – последнее упражнение; она дана в нотации самого Шляйхера, затем – один из 10 вариантов, предложенных Ф. Кортландтом для разных периодов праиндоевропейского. Кроме того, М. де Ван устранил раздел «Сравнительное языкознание и другие виды языкознания», главы, посвященные веллярным согласным и *n*-основам, перенес из вводной части в разделы «Фонология» и «Морфология». Вместо них редактором написаны разделы «Звонкие смычные в Авесте» и «Пассивный аорист в индоиранском». Небольшая глава посвящена индоевропейскому синтаксису.

Все три автора высказали свое мнение и о перспективах установления внешнего родства индоевропейской семьи. Бекес отвергает индоевропейско-афразийское родство, но считает возможным общность с уральской семьей, хотя отмечает, что научное сравнение далеко отстоящих языков находится в зачатке («in infancy», с. 32). Далее возможно присоединение и «индо-уральской» также юкагирского, чукотских и эскимосско-алеутских языков и реконструкция «евразийской» макрофамили. Майер-Брюггер полагает, что дальнее родство индоевропейской семьи с какой-либо еще невозможно ни опровергнуть, ни доказать (с. 41). Герценберг оценивает все разыскания еще более скептически. Он считает, что индоевропейско-уральских схождения недостаточно для создания полноценной сравнительной грамматики, а прочие попытки именуется резко, но небезосновательно: «Вполне фантастическими и ненаучными являются “ностратические” манипуляции» (с. 148).

В рецензируемых руководствах наблюдается тенденция к унификации материала. Отчасти это можно объяснить педагогическими установками: студенты должны сначала усвоить азы науки и только затем переходить к проблемам и дискуссиям. Действительно, никто не станет требовать, чтобы в школьном учебнике излагались неэвклидовы геометрии. Но здесь мы подходим к принципиальным различиям естественных и гуманитарных наук. В естественных науках новые теории, как правило, не отменяют старые, а указывают на пределы их применимости. Так, эвклидова геометрия сохраняет свою силу там, где искривлением пространства можно пренебречь. И даже теория плоской земли может использоваться как основа планиметрии – при величинах, сопоставимых с размером человеческого тела³³. В гуманитарных науках дело обстоит иначе. Объектом их изучения является деятельность человека – предмет, принципиально непредсказуемый и не поддающийся полной формализации (см. подробнее [Шапир 2006]). Поэтому в гуманитарных науках нередко нельзя предложить непротиворечивое решение задачи, охватывающее все ее аспекты. Это делает возможным сосуществование нескольких отрицающих друг друга научных теорий. И, возвращаясь к затронутому материалу, нужно признать: мы до сих пор не знаем точно, сколько рядов заднеязычных имелось в праиндоевропейском, был ли ларингал самостоятельной фонетической единицей или суперсегментным признаком слова, сколько типов акцентно-аблаутных парадигм имен имелось в раннеиндоевропейском языковом состоянии³⁴. Думается, что

³³ Разумеется, какие-то теории отвергаются наукой как противоречащие эмпирическим данным – теория четырех элементов или флогистона.

³⁴ Еще раз подчеркну: с моей точки зрения, все реально существовавшие акцентно-аблаутные парадигмы суть варианты единой аблаутно-акцентной парадигмы. Ее следы в глаголе описаны в [Красухин 2004], в имени – в [Красухин 2005].

студент с самого начала должен задаваться этими вопросами. Значит ли это, что обучение индоевропеистике надо начинать с полемики? Конечно, нет! Восхождение от простого к общему – закон дидактики. Необходимо только четко определить, что же элементарно для нашей науки. Очевидно, это – представление о языковом родстве, общее представление о фонетическом законе и самые основные, важнейшие фонетические соответствия между сравниваемыми языками. Сюда же следует отнести фонетические законы, никем не оспоренные за всю историю науки. После изложения этого материала можно переходить к дискуссионным вопросам: ларингалам, глоттальной теории, акцентологии, дилеммам морфологической реконструкции. Следует, пожалуй, отдельную лекцию посвятить структуре корня, которая в рецензируемых руководствах изложена очень кратко.

Добавлю, что чтение рецензируемых учебников, при всем моем несогласии с авторами по многим вопросам, доставляет порой истинное эстетическое удовольствие. Приведу прекрасные слова М. Майер-Брюггера: «Нет ничего более привлекательного и творческого, чем сравнительно-историческое языкознание, так думаю я и не только я. Но следует сразу сделать предупреждение. Путь к академическому признанию в языкознании труден и тернист. Кто стремится к этому, может выиграть или же проиграть. Тот, кто хочет иметь много денег на счете, должен идти другим путем» (с. 4). И рассказ о том, что требуется для овладения основами компаративистики, превращается в настоящий гимн этой сложной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булич 1904 – С.К. Булич. История языкознания в России. М., 1904.
- Бурлак, Живлов, Иткин 2010 – С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, М.А. Живлов. [Рец. на кн.:] *J.E. Rasmussen, Th. Olander* (eds). Internal reconstruction in Indo-European: methods, results, and problems. Copenhagen, 2009 // ВЯ. 2010. № 5.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.
- Георгиев 1932 – В.И. Георгиев. Индоевропейские гуттуралы. София, 1932.
- Герценберг 1981 – Л.Г. Герценберг. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
- Герценберг 2010 – Л.Г. Герценберг. Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010.
- Ернштедт 1953 – П.В. Ернштедт. Египетские заимствования в греческом языке. М.; Л., 1953.
- Климов 1977 – Г.А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Клычков 1989 – Г.С. Клычков. Теории верификации в сравнительно-историческом языкознании // Теория и методология языкознания / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1989.
- Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Красухин 2005 – К.Г. Красухин. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.
- Кретов 2009 – А.А. Кретов. Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных // А.А. Кретов. Славянские этимологии. Воронеж, 2009.
- Курилович 1972 – Е. Курилович. [Рец. на кн.:] Э.А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970 // ВЯ. 1971. № 3.
- Макаев 1970 – Э.А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика. М., 2008.
- Откупщиков 1988 – Ю.В. Откупщиков. Ряды индоевропейских гуттуральных // А.В. Десницкая (отв. ред.). Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Л., 1989.
- Поливанов 1968 – Е.Д. Поливанов. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Сорокин 1993 – О.Н. Сорокин. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках. Томск, 1993.
- Степанов 1989 – Ю.С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Тронский 1946 – И.М. Тронский. Семантика множественного числа в древнегреческом и латыни // Ученые записки ЛГУ. 1946. Вып. 21 (Сер. историко-филологических наук).
- Тронский 1967 – И.М. Тронский. Общенидоевропейское языковое состояние. Л., 1967.

- Трубачев 1984 – *О.Н. Трубачев* (гл. ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 10. М., 1984.
- Шапир 2006 – *М.И. Шапир*. Вместо послесловия: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006.
- Широков 1981 – *О.С. Широков*. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М., 1981.
- Широков 2003 – *О.С. Широков*. Языковедение: Введение в науку о языках. М., 2003.
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Принципы исторической фонологии // Р.О. Якобсон. Избранные труды. М., 1985.
- Adrados, Bernabe, Mendoza 1995 – *F.R. Adrados, A. Bernabe, J. Mendoza*. Manual de lingüística indoeuropea: I. Prólogo. Introducción. Fonética. Madrid, 1995.
- Anttila 2003 – *R. Anttila*. The Indo-European words for «field» and «catch». Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Bammesberger 1990 – *A. Bammesberger*. Die Morphologie des urgermanischen Nomens. Heidelberg, 1990.
- Beekes 1985 – *R.S.P. Beekes*. The origins of Indo-European nominal inflection. Innsbruck, 1985.
- Beekes 2011 – *R.S.P. Beekes*. Comparative Indo-European linguistics. Berlin, 2011.
- Bell 1978 – *A. Bell*. Syllabic consonants // Universals of human languages. V. 2. Oxford, 1978.
- Birkhan 1985 – *H. Birkhan*. Etymologie des Deutschen. Bern, 1985.
- Borgström 1954 – *K. Borgström*. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word forms // Word. V. 10. 1954.
- Brandenstein, Mayrhofer 1964 – *W. Brandenstein, M. Mayrhofer*. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Clackson, Olsen 2003 – *J. Clackson, B.A. Olsen* (eds). The Indo-European word-formation. Copenhagen, 2003.
- Collinge 1993 – *N. Collinge*. The laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Eichner 1973 – *H. Eichner*. Die Etymologie von hethitischen *mehur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1973. Hft 31.
- Eckert 1983 – *R. Eckert*. Die Nominalstämme auf *-i-* im Baltischen unter besonderer Berücksichtigung des Slawischen. Berlin, 1983.
- Erhart 1956 – *A. Erhart*. Zum indogermanischen Wechsel *Media: Media aspirata* // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1956. A 4 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 1962 – *A. Erhart*. Zum indogermanischen Konsonantismus // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1962. A 10 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 1970 – *A. Erhart*. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970.
- Erhart 1989 – *A. Erhart*. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
- Erhart 1995 – *A. Erhart*. Das ewige *-s-*: Die indogermanische *s-*Morphe und ihre Substituenten // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1995. A 43 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 2006 – *A. Erhart*. Ausgewählte Abhandlungen zur indogermanischen vergleichenden Sprachwissenschaft / Hrsg. von B. Vykypěl. Hamburg, 2006.
- García Ramon 2002 – *J.L. García Ramon* (ed.). Bertold Delbrück y syntaxis hoy. Salamanca, 2002.
- Griepentrog 1995 – *W. Griepentrog*. Die Wurzelnomina im Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995.
- Hettrich 2002 – *H. Hettrich* (Hrsg.). Die indogermanische vergleichende Syntax. Wiesbaden, 2002.
- Hirt 1927 – *H. Hirt*. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1927. Bd. II: Phonetik.
- Jananoff 1973 – *J. Jananoff*. The Germanic third weak class // Language. 1970. V. 49.
- Jananoff 2003 – *J. Jananoff*. Hittite and the Indo-European verb. Oxford, 2003.
- Jananoff 2009 – *J. Jananoff*. **-bhi, *-bhis, *-ōis*: following the trail of the PIE instrumental plural // J.E. Rasmussen, Th. Olander (eds). Internal reconstruction. Copenhagen, 2009.
- Klaproth 1823 – *J. Klaproth*. Asia polyglotta. Paris, 1823.
- Kloekhorst 2010 – *A. Kloekhorst*. Indo-European nominal ablaut patterns // Proceedings of the Workshop indogermanischer Akzentologie. Göttingen, 2010.
- Kloekhorst 2012 – *A. Kloekhorst*. Hittite «*ā/e*»-ablauting verbs // H.C. Melchert (ed.). The Indo-European verb: Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European studies, Los Angeles, 13–15 September 2010. Wiesbaden, 2012.
- Kluge 1913 – *F. Kluge*. Urgermanisch: Vorgeschichte der altgermanischen Dialekten. Straßburg, 1913.
- Knobloch 1951 – *J. Knobloch*. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs des *o*-Stammes auf **-sjo* // Die Sprache. Bd. 2. 1951.

- Koch 1978 – *H. Koch*. The Greek factitive verbs in -ύνω // W. Dressler (ed.). Proceedings of the XIIth International Congress of linguists. Innsbruck, 1978.
- Koerner 1981 – *K. Koerner*. Observations on the sources, transmission and meaning of ‘Indo-European’ and related terms in the development of linguistics // *Indogermanische Forschungen*. Bd 86. 1981.
- Kortlandt 1975 – *F. Kortlandt*. Slavic accentology. Leyden, 1975.
- Kortlandt 1978 – *F. Kortlandt*. I-E palatovelars before resonant in Balto-Slavic // *Recent development in historical phonology*. The Hague, 1976.
- Kuiper 1942 – *F.B.J. Kuiper*. Notes on the Vedic noun inflexion // *Meddeelingen van Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*. V. 5. 1942.
- Kümmel 1998 – *M. Kümmel*. Wurzelpräsent neben Wurzelarist im Indogermanischen // *Historische Sprachforschung*. Bd 111. 1998.
- Kuryłowicz 1932 – *J. Kuryłowicz*. Les desinences moyennes de l’indoeuropéen et du hittite // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1932. V. 33.
- Kuryłowicz 1964 – *J. Kuryłowicz*. The inflectional categories of Proto-Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Lehmann 2002 – *W.P. Lehmann*. Pre-Indo-European. Washington Dc., 2002.
- Lindeman 1997 – *F.O. Lindeman*. Introduction to the «laryngeal theory». Innsbruck, 1997.
- LIV 1998 – *H. Rix* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden 1998 (2. Aufl. – 2001).
- Lubotsky 1988 – *A. Lubotsky*. The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
- Mańczak 1995 – *W. Mańczak*. Critique de la théorie des laryngales // W. Smoczyński (ed.). *Analecta Indoeuropaea Cracoviensia I. Safarewicz memoriae dedicata*. Krakow, 1995.
- Meiser 1998 – *G. Meiser*. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.
- Meier-Brügger 2010 – *M. Meier-Brügger*. Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin, 2010.
- Melchert 1994 – *H.C. Melchert*. The Anatolian historical phonology. Amsterdam, 1994.
- Narten 1968 – Zur proterodynamischen Präsens // *Pratidānam: Festschrift F.B.J. Kuiper*. The Hague, 1968.
- Pajares 1971 – *A. Pajares*. Aportaciones al estudio fonológico de las guturales indoeuropeas // *Emerita*. T. 39. 1971.
- Pedersen 1900 – *H. Pedersen*. Die Gutturale im Albanesischen // *Zeitschrift für vgl. Sprachforschung*. Bd 36. 1900.
- Pedersen 1926 – *H. Pedersen*. La cinquième déclinaison en latin. Copenhague, 1926.
- Pisani 1950 – *V. Pisani*. Studi sulla fonetica dell’armeno // *Ricerche linguistiche*. 1950. V. 1.
- Rasmussen 2001 – *J.E. Rasmussen*. The growth of IE ablaut: Contrastive accent and Vṛddhi // *Carlene Jones-Bley et al. (eds)*. Proceedings of the 11th Annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2000.
- Rasmussen, Olander 2009 – *J.E. Rasmussen, Th. Olander* (eds). Internal reconstruction. Copenhagen, 2009.
- Reichert 1909 – *H. Reichelt*. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.
- Ringe 2006 – *G. Ringe*. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford, 2006.
- Rikov 1986 – *G.T. Rikov*. The Indo-European *ex*-conjugation and origin of proterodynamic present // *Балканско езиковзнание*. Т. 29. 1986.
- Safarewicz 1945 – *J. Safarewicz*. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prąjęzyku indoeuropejskim // *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*, 1945. № 46.
- Schindler 1967 – *J. Schindler*. Zum hethitischen *nekuz* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd.81. 1967.
- Schindler 1972 – *J. Schindler*. L’apophonie des noms-racines indoeuropéens // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1972. V. 67.
- Schindler 1975 – *J. Schindler*. L’apophonie des thèmes indoeuropéens -r/-n // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1975. V. 70.
- Schmalstieg 1980 – *W.R. Schmalstieg*. Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park, 1980.
- Schmalstieg 1982 – *W.R. Schmalstieg*. The genitive with verbs denoting ‘to fill’: Partitive or ergative? // *Baltistica*. XX (2). 1982.
- Schmitt-Brandt 1987 – *R. Schmitt-Brandt*. Aspekten im Indogermanischen? // *Journal of Indo-European Studies*. 1987. V. 15.

- Shapiro 1981 – *F. Shapiro*. On the origin of the term ‘Indo-Germanic’ // *Historiographia linguistica*. 1981. V. 8.
- Specht 1947 – *Fr. Specht*. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
- Stang 1932 – *Chr. Stang*. Perfektum und Medium // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskab*. 1932. Bd 6.
- Streitberg 1894 – *W. Streitberg*. Die Entstehung der Dehnstufe // *Indogermanische Forschungen*. 1894. Bd 3.
- Szemerényi 1962 – *O. Szemerényi*. Trends and tasks in comparative phonology. London, 1962.
- Szemerényi 1964 – *O. Szemerényi*. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Napoli, 1964.
- Tichy 1995 – *E. Tichy*. Die Nomina agentis auf *-tar* im Vedischen. Heidelberg, 1995.
- Tremblay 1996 – *X. Tremblay*. Un nouveau type apophonique des noms athématiques suffixaux de l’indoeuropéen // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1996. V. 91.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1969. Bd III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion.
- Widmer 2004 – *P. Widmer*. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekten der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004.
- Wodtko et al. 2008 – *D. Wodtko., B. Irslinger, C. Schneider*. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.
- Zimmer, Jankuhn, Ködderitsch 2004 – *S. Zimmer, H. Jankuhn, R. Ködderitsch*. Schleicher’s Tale: Six Post-IE versions // *Per aspera ad asteriskos: In honorem Jens E. Rasmussen*. Innsbruck, 2004.

Сведения об авторе:

Константин Геннадиевич Красухин
Институт языкознания РАН
krasukh@mail.ru

Статья поступила в редакцию 3.04.2012.

РЕЦЕНЗИИ

Вопросы языкового родства / Под ред. В.А. Дыбо. 2013. № 9. М.: ЯСК, 2013. xii + 166 с. (Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Языкознание». 2013. № 5 (106).)

В этом году вышел 9-й номер «Вопросов языкового родства» в рамках Вестника РГГУ (№ 5/106). Номер целиком уделен трудам Круглого стола, состоявшегося осенью 2012 г. в Российском государственном гуманитарном университете и посвященного по предварительной задумке 90-летию археолога Николая Яковлевича Мерперта. Но, коль скоро юбиляр умер незадолго до события, пришлось посвящать Круглый стол его памяти. Для обсуждения, что необычно для юбилеев, была избрана одна тема – индоевропейская прародина, а поскольку участники не сошлись в месте этой прародины, тема скорее звучит как индоевропейские прародины. Непосредственно этой темой юбиляр не занимался, но он немало поработал над археологическими культурами степей (ямная культура) и Балкан, а также Ближнего Востока, а во всех этих местах те или иные исследователи помещают очаг происхождения индоевропейцев.

Правда, «Индоевропейские прародины» называется книга другого давно умершего археолога Владимира Александровича Сафронова, который упоминается в статьях сборника и которому в будущем году исполнилось бы 80 лет, но Сафронов [Сафронов 1984] под множественным числом «прародины» имел в виду этапы обитания праиндоевропейцев – сначала в Карпатах и Полесье (свидерская культура IX тыс. до н. э.), потом на Ближнем Востоке (Иерихон и Чатал-гёюк), потом в Балкано-Дунайском регионе (Винча и Лендель) и, наконец, на севере Центральной Европы (культура воронковидных кубков). Это был чрезвычайно талантливый археолог, хотя многие его экстравагантные концепции покоятся на слабом основании. Но идеи хороши.

Основной, заглавный доклад «Прародина индоевропейцев и миграции» был прочитан Вяч.Вс. Ивановым и Т.В. Гамкрелидзе. Подзаголовок: «Полвека исследований и обсужде-

ний». Полвека – это значит с 1960-х. Но первый устный доклад обоих авторов об их концепции происхождения индоевропейцев состоялся в 1972 г., статьи и знаменитый двухтомник появились в 1980-х, а почти все работы, упоминаемые в докладе, относятся к 1990-м и 2000-м. Скорее всего, имеются в виду работы Марии Гимбутас, хотя лежащая в их основе концепция была выдвинута раньше Э. Вале и Г. Чайлдом.

Свой доклад авторы начинают с указания на новые открытия староассирийских текстов XX–XVIII веков до н. э. со включениями хеттских и лувийских имен (богов и людей). Эти открытия позволяют «достаточно далеко» отодвинуть в глубь времен документацию хеттского и лувийского языков: с XVI века до XX–XVIII. Анализ этих включений позволяет авторам сделать вывод о том, что к группе кентум принадлежали северные анатолийские языки (хеттский и палайский), а южные в той или иной мере были охвачены сатемизацией. Не будучи лингвистом, я не стану оценивать ни состоятельность, ни значение этой констатации. Сатемизация вообще процесс, вызывающий споры. Никто не спорит о наличии такого процесса, но есть ли на индоевропейском генеалогическом древе специальный узел «языки группы сатем» – остается под вопросом.

Далее авторы приступают к характеристике и оценке четырех концепций происхождения индоевропейцев. В «модели А» у них по не вполне ясным причинам объединены концепции североевропейского происхождения и широкой прародины от Прибалтики до приуральских степей. «Модель В» – южноанатолийская концепция Ренфру и его последователей, которую авторы отделяют от своей концепции восточноанатолийского происхождения, хотя их разница по всем показателям, кроме хронологии, незначительна. «Модель С» у них балкано-дунайская, предлагавшаяся

И.М. Дьяконовым (авторы называют ее центральноевропейской). «Модель D» – степная волжско-уральская, которую отстаивали Гимбутас, Мэллори и Энтони.

Североевропейскую концепцию (модель A) они отвергают сразу: «эта модель была предложена до выявления фактов анатолийских и тохарских языков, с которыми ее трудно согласовать для раннего периода» (с. 116). Как раз согласование ее именно с этими фактами ныне на основе археологии выглядит очень многообещающим: продвижение баденской культуры в Анатолию неплохо соответствует миграции хеттов и лувийцев, а чемурчская культура Алтая, Монголии и Синьцзана, выводимая из неолита Франции и Швейцарии (дальняя миграция!), хорошо совпадает с движением тохаров, см. [Клейн 2012; Ковалев 2012а; 2012б].

Концепция Ренфру (модель B) до сих пор пользуется поддержкой ряда исследователей [Gray, Atkinson 2003; Bouckaert et al. 2012], но критика ее была многообразна и убедительна, а авторы выдвигают против нее очень весомое возражение: «устанавливаемая по глоттохронологии лексико-статистическая дата распада языка около 5000 лет до н.э. *оказывается более поздней, чем начало проникновения результатов неолитической революции в Европу*» (с. 116).

Балкано-дунайскую, широкую и степную концепции авторы вообще не рассматривают и сразу приступают к подтверждению и уточнению своей старой концепции восточно-анатолийского происхождения индоевропейцев. Исключительное значение в этом вопросе авторы придают языковым заимствованиям. Массовые заимствования из праиндоевропейского обнаруживаются, по Г.А. Климову и С.А. Старостину, в пракартвельском и семитских языках. Авторы резонно полагают, что такие контакты имели место там, где обитали предки картвелов и семитов, то есть на Ближнем Востоке, к югу от Кавказского хребта. Авторы не замечают, что такие односторонние заимствования могли остаться от пребывания на Ближнем Востоке части праиндоевропейцев, основной состав которых пребывал в другом месте, то есть от вторжения носителей праиндоевропейского языка из отдаленной прародины на Ближний Восток, хотя бы на Кавказ, где такие вторжения засвидетельствованы археологами для весьма раннего времени (Новосвободненская культура с мегалитами).

Правда, Старостин предположил также ряд заимствований из прасеверокавказского в праиндоевропейский. Он мотивировал это тем, что в северокавказских языках очень много согласных, а в индоевропейских сравнительно мало, и разнообразие консонантизма в схожих северокавказских словах говорит о том, что

заимствование шло из прасеверокавказского в праиндоевропейский, а не наоборот. Это служило бы аргументом в пользу заимствования вблизи прасеверокавказского. Но если диалекты прасеверокавказского распространялись на Малую Азию, то именно они двигались и в Европу через Балканы, и тогда ближневосточное население Европы должно было говорить на языках, близких к прасеверокавказскому (об этом пишет В.А. Дыбо), а значит, заимствование могло происходить в Европе. Кроме того, авторы доклада, проследив, как ведут себя фонемы в этих словах, возражают Старостину: «Он предположил, что они большей частью заимствованы из прасеверокавказского или его диалектов в праиндоевропейский. Типологические выводы относительно законов звуковых изменений скорее говорят об обратном направлении заимствований...» (с. 118). Но если эта поправка верна, то она лишает убедительности как раз доводы о ближневосточной прародине индоевропейцев.

Сюда же авторы присоединяют выведенные в начало доклада открытия хеттских и лувийских заимствований в староассирийском аккадском (семитском). Но эти открытия углубляют индоевропейское присутствие на Ближнем Востоке всего на несколько веков – от силы до XX века. Еще на несколько веков позволяют углубить это присутствие правящие династии кутиев Месопотамии и шумерские тексты города Эблы, которые, по гипотезе Г. Уитакера, возможно, содержат индоевропейские (близкие к хеттскому) заимствования второй половины IV тыс. до н.э. Это уже не так далеко от предполагаемой даты отделения хеттского от праиндоевропейского (4670 г. до н.э. по С. Старостину, 4340 по Г. Старостину). Но пока это лишь гипотеза и она говорит лишь о раннем прибытии хеттов в Азию.

Завершают свою статью Гамкрелидзе и Иванов анализом археологических и палеозоологических сведений о раннем одомашнивании лошади в ботайской культуре Казахстана и предположением о том, что носители этой культуры были не индоевропейцами, а енисейцами (ближе всего к бурушаски). Это может расцениваться как аргумент против концепции степного происхождения индоевропейцев (против модели D).

Что совершенно отсутствует в статье Гамкрелидзе и Иванова, как и в их знаменитой книге, это археологические аргументы, которые бы свидетельствовали о том, что с Ближнего Востока реально осуществлялись хоть какие-то крупные дальние миграции в эпоху, соответствующую не неолитизации, а распаду праиндоевропейской общности – в пятом–четвертом тысячелетиях до н.э. Время это хорошо изучено в археологии. Известна миграция

с юга на Кавказ – это майкопская культура, но дальше на север она не идет. Ямная культура степей от нее совершенно не зависит. Между Балканами и Анатолией происходит взаимодействие, но направление его прямо противоположно: с Балкан на Анатолию. Если взять восточный путь – в обход Каспийского моря, через Среднюю Азию, – то здесь за пределами ареала оседлого населения начинается степной мир с совершенно другим, подвижным, населением и натиск идет из этого периферийного мира на поселения земледельцев. Во всех этих регионах с юга на север движутся предметы торговли – металлические изделия и образцы вещей, но агрессия идет в противоположном направлении. Поэтому идея ближневосточной прародины буквально повисает в воздухе. Она может реализоваться для очень раннего времени – для мезолита или верхнего палеолита, для нестратических событий, но не для эпохи распада праиндоевропейского языка.

Археологическую реализацию идеи Иванова и Гамкрелидзе сделал своей целью С.А. Григорьев из Челябинска, но его доклад «Археологические культуры Ближнего Востока и Северной Евразии в свете индоевропейской проблемы» не вошел в рассматриваемый сборник. Есть лишь краткий пересказ его в общем отчете о конференции (с. 164–165). Однако, по счастью, аналогичный доклад Григорьев сделал на конференции памяти М.П. Грязнова той же осенью в Петербурге, и этот доклад опубликован – «Миграции и их роль в культурогенезе Евразии» [Григорьев 2012] со ссылками на другие статьи и книгу Григорьева.

Одну миграцию автор ведет на Урал из Англии, от хенджей типа «Авербери» (он имеет в виду Эйвбери). Оставим ее здесь без рассмотрения, так как она не относится к нашей теме. Две миграции он ведет из Сиро-Анатолийского региона. Одна – это синташтинская культура, которую он на основе аналогий в металлургии и круглоплановых городищах считает «классическим примером почти однокомпонентной миграции». Культура Синташты относится к первым векам II тыс. до н. э. и считается принадлежащей то ли индоиранскому этносу, то ли иранскому (на мой взгляд, второе вернее). Никакого отношения к происхождению индоевропейцев она иметь не может. Иранцы в Малой Азии не отмечены. Индоарийские слова туда попадали во II тыс. до н. э. как имена богов и чужеродные термины обращения с конями и колесницами (предположительно из Митанни).

Еще одна миграция восстанавливается Григорьевым для сейминско-турбинской культуры середины II тыс. до н.э. Миграция эта действительно вполне реалистична, идет от Алтая до Урала и восточноевропейской равнины.

На основании нескольких отдельных находок артефактов Григорьев продолжает ее до Англии и Франции и таким образом связывает эту культуру с кельтами. Это, конечно, шедевр дилетантизма, но при чем тут происхождение индоевропейцев? Наконец, на основе обнаружения на Урале нескольких мегалитов он реконструирует миграцию из Иордании на Урал в энеолите. Мегалиты Иордании сами выводятся некоторыми исследователями из Западной Европы. Распространение мегалитов по миру вообще остается загадочным. И каких именно праиндоевропейцев привел Григорьев на Урал и зачем? Оттуда они, что ли, разошлись по всем землям?

Вацлав Блажек из Университета Масарика в Брно в докладе «Индоевропейские зоонимы в афроазиатской перспективе» сопоставляет 30 зоонимов семитских и других афроазиатских с индоевропейскими. Он исходит из предположения, что, выделившись из нестратической семьи, эти языковые семьи долго находились поблизости одна от другой, что облегчало контакты. Названия (их 16) диких животных подчиняются звуковым соответствиям в нестратической семье, и Блажек считает их в обеих ветвях общим наследием, а 14 названий домашних животных иногда не подчиняются регулярным звуковым соответствиям, и Блажек считает их заимствованиями, причем по общим соображениям (неолитизация) – из афразийского источника в праиндоевропейский. Но ведь не исключаются и противоположно направленные заимствования (например, другие названия лошади).

Происхождение из единой нестратической семьи предполагает исходный очаг в одном месте, видимо, на Ближнем Востоке (никак не в ареале свидерской культуры) – в очаге возникновения скотоводства и земледелия, а затем, возможно (но не обязательно), какое-то время существование рядом. Распад большой нестратической семьи размещается Г. Старостиным ок. 13 500 до н.э. или 12 000, если исключить картвельскую и дравидскую ветви, а распад афроазиатской начался ок. 10 000 г. до н. э. Это значит, что их разделение и предположительное соседство где-то на Ближнем Востоке относятся ко времени до неолитизации Европы. Впрочем, заимствования не обязательно предполагают соседство – они могли осуществляться и через посредников, как и заимствование самих животных. А где и когда праиндоевропейцы вошли в Европу, по этим данным неясно.

Доклад известного сторонника степной прародины Джеймса Мэллори из Университета Королевы в Белфасте (Северная Ирландия) называется «Тучи двадцать первого века над индоевропейскими прародинами». Мэллори счи-

тает, что на конференции представлены только три модели происхождения – неолитическая анатолийская (Ренфру), ближневосточная (Гамкрелидзе – Иванова) и понтокаспийская степная (модель Гимбутас, отстаиваемая им самим и Энтони). Над всеми этими моделями сгущаются в XXI веке тучи.

Первая туча заключается в лингвистических трудностях и спорах по группировке индоевропейских языков и, следовательно, по очередности отделения от праиндоевропейского корня. Но анатолийская ветвь, по всем данным, отделилась раньше других. По мнению Мэллори, этому хорошо соответствует степная модель, в ближневосточной модели (у Григорьевой) анатолийский тоже отделен без трудностей, но другие идут сложным путем (через Кавказ на Балканы), а у Ренфру армянский уходит из прародины в Анатолии, а затем возвращается в нее. У его современных последователей (Букэрт и др.) греческий уходит на запад из Анатолии, а арии – на восток, и их лингвистическая близость необъяснима.

Вторая туча касается домашних животных и растений. Модели должны объяснить, каким образом у западных и восточных индоевропейцев оказываются одни и те же домашние животные и растения. При распространении из Малой Азии две группы индоевропейцев оказываются разделены огромным расстоянием и неиндоевропейскими народами, а как они пронесли термины пахотного земледелия через степь с ее подвижным скотоводством? Мэллори считает, что с этим лучше всего справляется степная концепция, хотя непонятно, как в ней бытовало исходное пахотное земледелие. При этом ему достаточно, чтобы термин присутствовал хотя бы в одном языке западной группы и в одном восточной. Возможности миграций соответствующих народностей и вообще заимствований, воспринимаемых по звуковым соответствиям между языками (подлаживание слов под унаследованные от общего предка), в расчет не принимаются.

Термины, которые Мэллори взял, выбраны произвольно и не разработаны подробно этимологически. Когда пытаешься восстановить фрагмент праязыкового лексикона, а не корнеслова, как это обычно делается для праиндоевропейского языка, нужно различать, где наследовались общие лексемы, а где имело место образование от одного праязыкового корня в разных группах языков. В статье Мэллори, как и в его с Адамсом «Энциклопедии», это в ряде случаев не делается.

В конце доклада он признает, что каждая из анализированных им моделей при детализации представляет «серьезные трудности» (с. 152). Однако он не анализировал модели А и С, а только В (в двух вариантах) и D.

Дэвид Энтони из Хартвик-колледжа, штат Нью-Йорк, представил доклад «Две индоевропейские филогении, три праиндоевропейские миграции и четыре вида степного пастушества». Он отстаивает степную прародину индоевропейцев (модель С). Для начала он дает критику нашумевшей статьи Р. Букэрта, Грэя, Эткинсона и др. в журнале «Сайенс», где эта «модель» нашла новейшую реализацию на теоретической основе, заимствованной из вирусологии (эту работу на конференции защищал Пол Хэгерти из Института Макса Планка в Лейпциге, чей доклад не напечатан). В главе «Анатолийский вирус» Энтони показывает, что вывод о реальности модели Ренфру вытекает из самой методики и держится только на ней. Энтони рассуждает логично: из праиндоевропейского попали во все индоевропейские языки термины, связанные с коневодством и повозками (только у хеттов и других анатолийцев этих унаследованных терминов нет), изобретение их произошло после 4000–3500 до н. э. Стало быть, хетты и лувийцы отделились до этого времени, а остальные – уже после этой даты. Модель Ренфру и хронология Грэя и Эткинсона связывает это событие с неолитизацией и датирует 6000 до н. э., что не отвечает изложенным фактам.

Далее Энтони переходит к позитивной части своего доклада: по кладистике Ринджа и др. он излагает три последовательные отделения ветвей от праиндоевропейского древа и соответственно рисует три миграции. В археологической реализации этих миграций – главная суть его доклада.

Первую миграцию, хеттскую, он представляет как движение энеолитических культур типа Суворова и Мариупольского могильника из Поднепровья-Приазовья в Нижнее Подунавье вплоть до культур Деча-Мурешулуи, Девня и Чернавода I (4400–4200 гг. до н.э.). С этим он связывает гибель поселений расписной керамики на Нижнем Дунае. Это чистая гипотеза. Погибли эти поселения от восточных соседей, или от северных (воронковидные кубки), или от собственных междоусобиц, неизвестно. Сами культуры типа Суворова имеют ряд черт, показывающих роль северо-западного компонента в их формировании (курган, чернолощенная керамика, трапециевидные могилы). С памятниками типа Мариуполь – Деча-Мурешулуи их объединять негоже.

Вторую миграцию (3300–2800 гг. до н.э.), тохарскую, он представляет как миграцию репинской (раннеямной) культуры в предгорья Алтая, где она образовала афанасьевскую культуру, претендующую на статус пратохарской. Но происхождение афанасьевской из ямной остается пока гипотетичным, хотя и возможным. А вот пути из афанасьевской культуры в

бассейн Тарима (Синьцзян), к историческим тохарам, не ведут, несмотря на то, что такие предположения отдельными археологами делались. Тогда как сейчас на Алтае и в Монголии обнаружена чемурчская культура, скорее всего тохарская, но происходящая не из наших степей, а из Франции и Швейцарии.

Третья миграция (3000–2800 гг. до н.э.) по Ринджу и др. отделяет не ариев (индоиранцев) или грекоариев, а кельто-италиков и германцев. Что ж, у Энтони для них готово продвижение ямной культуры (основной ствол праиндоевропейцев) в степные ареалы Венгрии и Болгарии, в земли усатовской культуры, коцопень и позднебаденской. Отсюда уже недалеко до земель позднейших кельтов, италиков и германцев. Как-то они потом до этих земель добрались. Проблема в том, что из этих западноямных культурных образований (ямных, но с местной керамикой) нет никаких миграций и влияний на территорию Центральной и Северной Европы и в Италию. Культуры эти чужды тем регионам – это хорошо показал А. Хойслер [Häusler 1963a; 1963b]. Если куда-то есть движение из этих центров, то в Грецию.

Таким образом, не получается в археологии реализовать миграции из степной прародины. Последний раздел работы Энтони – «Четыре вида пастушества» – я опущу, поскольку он не связан с рассматриваемой темой.

Доклад С.В. Кулланды из Института востоковедения (Москва) «Раннеиндоевропейская социальная организация и индоевропейская прародина» сам по себе интересен, но к теме имеет, на мой взгляд, весьма косвенное отношение. Автор анализирует термины родства в праиндоевропейском, использующие суффикс *tēr*. По его мнению, это исходно не термины родства, а названия социальных групп: матери, отцы, братья, дочери и ятрови. Тому подысканы доказательства в значениях унаследованных терминов в индоевропейских языках. Получается половозрастное деление весьма раннего типа.

Установив свою систему половозрастного деления (вообще-то оно у всех народов есть), Кулланда рассуждает так: система эта сопряжена с пастушеским подвижным образом жизни (есть этнографические примеры), следовательно, праиндоевропейцы жили в степях, и модель С наиболее подходит.

Что индоиранцы и, возможно, предки греков и армян были подвижными жителями степей, ясно, и что у них соответственная лексика и социальная организация, как у масан – возможно. Но была ли когда-либо такой лексика западных и северных индоевропейцев? Надо их рассматривать по отдельности. Перенос индоиранских значений на праиндоевропейцев не самоочевиден.

Но возникает целый ряд вопросов по самой реконструкции. Система должна быть системной. Аномалии более интересны, чем естественные соответствия. Если есть отец, должен быть и сын, между тем матери соответствует два термина другого поколения – дочь и ятровь (вообще не родственница, а свойственница), а отцу – ни одного. Братья есть, а сестра где? Это требует объяснения (тем более, что в славянском и германском вроде соответствующий термин есть). У Кулланды вырисовывается нечто вроде пуналуальной семьи Л. Моргана: все мужчины одного поколения являются мужьями всех женщин того же поколения, которые сестры между собой. Это явно чрезмерная архаизация, не говоря уж о фантастичности самой семьи пуналуа. Мешает ятровь – жена брата. Наконец, совершенно не учитывается возможность переноса родственных идентификаций на социальные отношения – так, священников зовут отцами, поскольку отношение к отцу сопряжено с почтением. Термины кровного родства несомненно использовались и прежде для социальных значений. Но в какой стадии этого процесса были праиндоевропейцы – не совсем ясно.

Меня очень заинтересовали доклады лингвистов из Российского государственного гуманитарного университета – акад. Владимира Антоновича Дыбо и чл.-корр. РАН Анны Владимировны Дыбо.

Работа В.А. Дыбо «Диалектное членение праиндоевропейского по акцентологическим данным» является обобщением и результатом его длительных исследований индоевропейской акцентологии. Я совершенно не могу судить об акцентологических исследованиях, могу лишь осмысливать результаты. В результате этих исследований автор пришел к выводу, что по своей акцентной системе индоевропейские языки распадаются на две большие области: северо-западная группа языков (балто-славянский, германский, кельтоиталийский) является архаической зоной, а юго-восточная (индоиранский, греческий и, возможно, другие) является зоной инновационной. Это может иметь только одно объяснение: северо-западная зона – это исконная территория индоевропейских языков, а юго-восточная занята ими позже.

Для подтверждения В.А. Дыбо обращается к археологии, и стимулом для него послужила книга В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины». Он увидел на археологической карте несколько блоков культур. Первый блок: Старчево – Кёрёш – Караново (вторая половина VI / первая половина V–IV тыс. до н.э.), культура линейно-ленточной керамики (V тыс.), культуры ленточно-накольчатой керамики (после 4000 г.), трипольская культура (4000–3600 гг. до н.э.). Этот блок он считает возможным свя-

зять с языками северо-кавказского типа. Это возможно, коль скоро они, по-видимому, образовались в ходе неолитизации Европы и вторжения малоазийского населения, родственного северокавказцам. Второй блок состоит из культур Винча (сер. V – сер. IV тыс. до н.э.), Лендель (Дыбо пишет Лендъел, как у Сафронова, IV тыс.), культуры воронковидных кубков (3000–1800/1 600 г. до н.э.), культуры шаровидных амфор (вторая половина III тыс. до н.э.), культур шнуровой керамики (датировка примерно та же). Автор подробно рассматривает по отдельности культуры шнуровой керамики, занимавшие огромную территорию – от Западной Европы до Волги. Этот второй блок культур Дыбо связывает с индоевропейской семьей языков. Культура воронковидных кубков означает раннюю привязку этого блока к Балтике, к северо-западу ареала, а распространение культур шнуровой керамики на восток соответствует более поздней и, следовательно, инновационной (из-за смешивания с субстратами) группе языков.

Сейчас археологи не столь уверенно связывают близость культур с языковым родством, как в эпоху, когда работал Сафронов. Но, как мне представляется, в целом это очень реалистичная картина. Она явно укладывается в «модель А». В археологической части работа, к сожалению, несовременна. Кроме Сафронова (чья книга вышла в 1984, но была написана значительно раньше) автор опирается на А.Л. Монгайта, чья популярная книга вышла в 1974, да Монгайт и не был специалистом по первобытной археологии – он специализировался по Древней Руси. Я не уверен, что можно относить Винчу и Лендель к праиндоевропейцам. Все датировки устарели. Культура воронковидных кубков датируется сейчас IV тыс., а не III, трипольская культура – V–IV тыс., а в Румынии (Кукутень) – с начала VI, и т. д. Совершенно несуразны гадания о языковом соответствии отдельных культур, например о трипольской культуре как тохарской. Для таких гипотез археологические основания (Монгайт, Сафронов и Чайлд 20–50-х годов) у исследователя явно недостаточны.

Интересен также доклад Анны Вл. Дыбо «Язык и археология: некоторые методологические проблемы. 1. Индоевропейский и алтайский ландшафты». Рассмотрев словарь, касающийся ландшафта в праиндоевропейском (и для сравнения в алтайском праязыке), исследовательница нашла, что в алтайском как раз мало терминов для гор и камней и много для свободных пространств и широких рек, а в праиндоевропейском много терминов для камней, каньонов, пещер и т.п. Она пришла к выводу, что алтайский праязык до распада существовал в степной зоне, а праиндоевропейский

как раз нет. То есть степная прародина праиндоевропейского отпадает. Исследовательница заключила, что праиндоевропейский сформировался в горной местности или в предгорьях, покрытых лесом.

Подразумевается ли, что для этого вполне подходила бы территория Малой Азии или Закавказья (модели Ренфру и Гамкрелидзе–Иванова)? Явно не только они. Ведь по содержанию видится не столько горный ландшафт, сколько (и скорее) послеледниковая территория равнин и предгорий с обилием валунов и морен, а это Северная часть Европы – от Атлантики и Балтики до Швейцарии и Пиреней – модель А.

Есть и некоторые сомнения в отборе терминов. Принадлежат ли все выделенные слова к праиндоевропейскому? Из приведенных примеров такой уверенности не вытекает. Если слово представлено даже в отдаленных друг от друга ветвях, это еще не гарантия, что оно было в праиндоевропейском. Расстояния между ветвями или их частями могли быть в прошлом другими. Впрочем, об этом лучше судить лингвистам.

Серьезным вкладом в исследование проблемы является доклад О.Н. Балановского, О.М. Утевской и Е.В. Балановской, представляющий самый современный метод палеоантропологического познания – популяционную генетику или ДНК-генеалогию. Доклад этот, названный «Генетика индоевропейских популяций: прошлое и будущее», с одной стороны, показал новые возможности, а с другой – предостерег от чрезмерных ожиданий и обычного в новых отраслях науки шарлатанства. Авторы показали, что в ряде случаев есть почти полное соответствие лингвистических данных распределению гаплогрупп. Так обстоит дело на Кавказе. Думаю, что это обусловлено тем, что на Кавказе налицо результат вторжения очень резко различных по происхождению и религии этносов и они занимают локальные ниши, мало смешиваясь. Иначе обстоит дело с индоевропейцами на всей территории их обитания. Здесь сходство популяций по гаплотипу больше зависит от их географического соседства, чем от родства языков. Это, по-видимому, связано с тем, что здесь большую роль в языковой истории играло распространение через доминирование элиты, смешивание, воздействие субстрата и т.п. Все же можно установить корреляцию между целыми семьями языков и распространением гаплогрупп, но не удастся найти некий гаплотип индоевропейцев или гаплогруппу такой-то ветви индоевропейцев. Корреляция устанавливается методом расчета расстояний, особенно при парных сравнениях.

Хорошо прослеживается распространение генетического пула из Малой Азии в Европу с постепенным убыванием густоты – результат

неолитизации. Показана карта распространения Y-хромосомной гаплогруппы R1a1-M198, которую биохимик А. Клёсов приписал ариям-славянам, поскольку она распространена у восточных и западных славян (но не у южных) и в Северной Индии. Она также густо представлена на Алтае. Анализ степени генетического разнообразия говорит о распространении этой гаплогруппы скорее с юго-востока (из Индии) на северо-запад и притом в очень раннее время, задолго до формирования индоевропейцев. Ко времени индоевропейцев это уже был старый субстрат в этих областях.

В перспективном докладе С.А. Бурлак языковые контакты и смешения сгруппированы по видам в зависимости от родства языков, количественной характеристики популяций, характера их отношений (господство и зависимость), приверженности идентичности. При этом рассмотрено, какие виды соотношений при каждом из этих видов контактов образуются в культуре (соответственно в археологии) и в антропологическом пуле (соответственно в гаплотипах). Прделана чрезвычайно важная работа для решения основного теоретического вопроса этногенетических штудий: как решать, когда культура, гаплотип и язык совпадают, а когда нет.

Таким образом, в этом интересном сборнике три доклада (из напечатанных) ратуют за ближневосточную прародину индоевропейцев, отделяемую от анатолийской концепции Ренфру, и три доклада – за степную. Эти статьи, хотя и представлены выдающимися исследователями, среди которых ведущие фигуры разработчиков этих концепций, не производят впечатления справившихся с «тучами XXI века» – трудностями и противоречиями. Концепция Ренфру, недавно поддержанная в статье Букэрта и др., из сборника устранена (даже доклад ее сторонника не напечатан), но она в статьях критикуется и в своих основных чертах имеет те же плюсы и вынуждена противостоять тем же трудностям, что и ближневосточная концепция Гамкрелидзе – Иванова, и вдобавок имеет противоречие в хронологии. Два доклада видных московских лингвистов Дыбо выделяются из общего фона своей независимой позицией и конечной поддержкой европейской прародины, в чем они совпадают с позицией, выдвинутой мною и А.А. Ковалевым на чуть более ранней конференции в Петербурге. Наконец, два доклада посвящены очень важному теоретико-методическому аспекту кооперации лингвистики с археологией и палеогенетикой. Эти доклады

видятся мне особенно перспективными для решения рассматриваемой проблемы – как и ряда подобных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев 2012 – С.А. Григорьев. Миграции и их роль в культурогенезе Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Клейн 2012 – Л.С. Клейн. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Ковалев 2012a – А.А. Ковалев. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчешский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Ковалев 2012b – А.А. Ковалев. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012.
- Сафронов 1984 – В.А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький, 1984.
- Boucaert et al. 2012 – R. Boucaert, P. Lemey, M. Dunn, S.J. Greenhill, A.V. Alekseyenko, A.J. Drummond, R.D. Gray, M.A. Suchard, Q.D. Atkinson. Mapping the origins and expansion of Indo-European language family // Science. 2012. V. 337. № 6097.
- Gray, Atkinson 2003 – R.D. Gray, Q.D. Atkinson. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. V. 426 (27 November. 2003).
- Häusler 1963a – A. Häusler. Ockergrabkultur und Schnurkeramik // Jahresschrift für mitteleuropäische Vorgeschichte (Halle). 1963. Bd 47.
- Häusler 1963b – A. Häusler. Ist eine Ableitung der Schnurkeramik von der Ockergrabkultur möglich? // Forschngen und Funde. 1963. Bd 37. № 12.

Л.С. Клейн

Сведения об авторе:

Лев Самуилович Клейн
СПбГУ

За последние десятилетия изучение процессов грамматикализации прочно вошло в круг актуальных исследовательских проблем современной лингвистики. В рамках данного направления типологов интересовал прежде всего вопрос о соотношении исходной (лексической) и производной (грамматической) семантики языковой конструкции: из каких лексических единиц может развиваться определенное грамматическое значение и наоборот – какие грамматические значения могут появиться у заданной лексической единицы. В результате было обнаружено и каталогизировано значительное количество грамматикализационных цепочек, отражающих возможные комбинации такого рода (см. прежде всего [Heine, Kuteva 2002] и др.).

В гораздо меньшей степени пока что изучены детали, характерные для каждого конкретного пути грамматикализации. Действительно, на первом этапе важно было показать, что диахронические процессы в грамматике осуществляются не произвольно, а в соответствии с регулярными моделями, воспроизводимыми в генетически и ареально далеких друг от друга языках. Для этого достаточно было найти источник для того или иного показателя и убедиться, что аналогичные источники засвидетельствованы для этого грамматического значения и в других языках. Теперь же, когда перечень типологически релевантных моделей пусть и далеко не полон (так, грамматикализационный потенциал признаковой лексики изучен пока очень слабо), но тем не менее достаточно представителен, пришло время более тщательного анализа каждого отдельного пути грамматикализации – лексических, морфологических и синтаксических условий реализации перехода в конкретных языках.

Именно такую цель и преследует рецензируемая монография. Объектом исследования в ней являются конструкции, состоящие из глагола 'дать' и инфинитива, в трех славянских языках – русском, польском и чешском. В результате грамматикализации они могут приобретать каузативную и – далее – модально-пассивную семантику. В типологической литературе эти пути эволюции хорошо известны, см., например, о развитии каузативных показателей из 'дать' в [Newman 1996] и [Heine, Kuteva 2002], о пассивах на базе каузативов в [Haspelmath 1990].

На этом фоне задача исследования Р. фон Вальденфельса состоит не просто в фиксировании соответствующих переходов, но в детальном сопоставительном описании

семантики, лексического наполнения и грамматических особенностей рассматриваемых конструкций в трех языках, а также особенностей их диахронического развития.

Книга состоит из семи глав, библиографии и терминологического указателя.

Глава 1 представляет собой введение и обсуждение теоретических предпосылок работы. Она включает в себя четыре тематических блока. В первом из них кратко характеризуются семантические типы конструкций вида «'дать' + инфинитив», засвидетельствованные в русском, польском и чешском, а также содержится общий обзор структуры работы. Далее следуют три теоретических блока, посвященных, соответственно, исследованиям по грамматикализации, каузативам и соотношению модальной и каузативной семантики.

В своем описании процесса грамматикализации автор опирается на интуитивно понятное представление в духе классических работ К. Лемана, Б. Хайне, Дж. Байби, Э. Траугот и др. При этом отдельные расхождения в теоретических установках этих исследователей для задач автора оказываются, по-видимому, не столь существенными. Однако, приводя схему параметров грамматикализации, разработанную К. Леманом, автор отмечает, что многие из них не применимы к тем явлениям, которые наблюдаются при грамматикализации конструкций с глаголом 'дать' в славянских языках.

Раздел о каузативах содержит обзор семантических и синтаксических типов каузативных конструкций, которые существенны для последующего изложения. На семантическом уровне речь идет, во-первых, о типах каузации – пермиссив ('позволить сделать') и фактив ('заставить сделать'). Пермиссив далее подразделяется на две разновидности в зависимости от степени участия каузатора в каузируемой ситуации: непротивление (non-intervention) и способствование (enablement). В сфере фактивной каузации специальное внимание уделяется одному ее подвиду – куративу ('действие осуществляется посредством другого лица', ср. в русск. конструкции *Она сшила себе платье*, которая может иметь как некаузативное ['сшила сама'], так и куративное значение ['кто-то сшил для нее']).

Во-вторых, каузативы классифицируются по признаку контролируемости ситуации со стороны каузирующего и каузируемого участника: выделяются манипулятивный тип (только каузатор контролирует ситуацию), интерперсональный тип (оба участника имеют контроль), имперсональный тип (каузатор не контролирует

ет ситуацию, т.е. в роли каузатора выступает ситуация, ставшая причиной для наступления другой ситуации) и когнитивный тип (каузатор выполняет роль стимула для каузируемого участника-экспериментера). Отметим, что в последующих разделах книги при анализе конкретного языкового материала классификация по этому параметру производится достаточно формально: выбор между первыми тремя типами основан на одушевленности участников (т.е. осуществление контроля приравнивается к одушевленности), а четвертый тип соотносится с заданным набором глаголов для каузируемой ситуации (ср. 'понять', 'знать' и др.)

Наконец, на синтаксическом уровне обсуждаются два типа каузативных конструкций: так называемые каузативы типа I (каузируемый участник кодируется падежом объекта) и каузативы типа II (выражение каузируемого участника факультативно, он кодируется косвенным падежом или предложной группой, причем тип кодирования часто совпадает с кодированием агенса в пассивной конструкции). Проводится краткий обзор литературы, посвященной факторам, которые могут определять выбор между этими конструкциями.

Третий теоретический блок – о соотношении модальной и каузативной семантики – содержит, во-первых, наблюдения о типах модальных значений в применении к каузативам. Автор показывает, что каузативы могут выступать в зоне динамической (т.е. обусловленной внутренними свойствами субъекта или объективными внешними обстоятельствами) и деонтической модальности (причем в каузативном варианте эксплицируется источник модальности, который в собственно модальных глаголах содержится лишь имплицитно, ср.: *он должен уйти* vs. *обстоятельства заставляют его уйти*). Напротив, эпистемическая модальность не имеет прямых параллелей в каузативной зоне.

Во-вторых, проводится логико-семантический анализ поведения модальных предикатов и каузативов при отрицании. Оценивая положительные и отрицательные контексты в терминах логической категории информативности, автор приходит к выводу, что предикаты необходимости и фактитивы в большей степени должны тяготеть к положительным употреблением, а предикаты возможности и пермиссивы, скорее, к отрицательным.

Центральную часть монографии составляют Главы 2–4. Они содержат подробные исследования языкового материала отдельно по каждому из трех анализируемых языков. Для каждого языка приводится список синтаксических конструкций, в которых встречается 'дать' в функции грамматикализованного пока-

зателя, подробно описывается методика сбора корпусного материала, обсуждаются существующие исследования по данным конструкциям. Собственно анализ, помимо семантического описания, включает в себя подробные статистические данные, которые показывают, какую долю в общем массиве занимают конструкции с разными морфологическими формами вспомогательного глагола 'дать' (инфинитива, причастия, императива, настоящего и прошедшего времени), а также взаимодействие этих форм с аспектуальной характеристикой и отрицанием. Квантитативная оценка дается также соотношению аспектуальных форм вспомогательного и смыслового глагола.

Глава 2 посвящена русским конструкциям. В русском языке автор выделяет два типа инфинитивных конструкций с глаголом *да[ва]ть*: пермиссивная (*он дал ему отдохнуть*) и гортативная, в которой в роли вспомогательного элемента может выступать только императивная форма глагола несовершенного вида (*давай(те) неть!*). Кроме того, автор упоминает конструкцию со смысловым глаголом в финитной форме (*дай / давай я сделаю / Маша делает*), которая, не будучи инфинитивной, тем самым выходит за рамки выбранной темы исследования. Отметим, однако, что приводя примеры конструкции такого рода, автор допускает неточности: в функции прагматического маркера императивная форма совершенного вида (в отличие от формы несовершенного вида) не может выступать в сочетании с другим императивом или с глагольной формой с императивным значением (в частности, с глаголом в прошедшем времени). Соответственно, примеры в (24), с. 42: *дай пошли* и *дай иди сюда* являются неграмматичными.

Среди собственно инфинитивных конструкций основную долю в русском образуют пермиссивы. При этом, как и предсказывали теоретические построения в Главе 1, преимущественно они выступают в контексте отрицания. Последовательно рассматривая различные типы каузации (интерперсональную, манипулятивную, имперсональную), автор показывает, что семантика отрицательных пермиссивных конструкций связана главным образом с выражением идеи препятствования, ср.: *Картин ему снимать не давали*. В положительных контекстах преобладает симметричное значение непротивления, ср.: *Может, дадите рассказать, как было дело?*, и гораздо реже встречается семантика способствования, ср.: *Его взяли в сборную, давали играть*.

Из общей статистики употребления пермиссивных конструкций с *да[ва]ть* выбиваются сочетания с императивной формой глагола совершенного вида *дай(те)* (ср.: *дай ей одеться*):

во-первых, они очень частотны – в манипулятивной зоне 23 % от общего числа контекстов с перфективным *dać*. Во-вторых, в отличие от других форм, они крайне редко выступают при отрицании (в 10 % от числа употреблений формы). Автор объясняет эти факты влиянием другой грамматикализованной конструкции с *dać*(*me*) – с финитной формой глагола, ср.: *dać я им почитаю*, которая прагматически часто сближается с пермиссивной (*dać мне им почитать*). Показательно в этой связи, что в других славянских языках, в частности в польском, сочетание *dać*(*me*) с финитной формой практически не встречается и, соответственно, не наблюдается и повышенной частотности пермиссивных конструкций с *dać*(*me*).

Отдельное внимание уделяется когнитивным каузативам, то есть сочетаниям *da[wa]ć* с глаголами ментальной и перцептивной сферы (*znać*, *pojąć*, *poczuć* и под.). Показано, что такого рода конструкции типологически частотны и характерны даже для тех языков, в которых ‘дать’ не развивает каузативных значений с глаголами других типов. В диахронической перспективе автор проследживает тенденцию к лексикализации данных словосочетаний: так, наблюдается сокращение вариативности аспектуальной формы в их составе (например, для глагола *czuć* еще допустимы обе видовые формы, хотя совершенный вид – *dać poczuć* – явно предпочтительнее, тогда как для *pojąć* перфективная форма в современном языке осталась уже единственно возможной, при этом в XIX в. еще встречается вариант с *rozumieć*).

Глава 3 посвящена польскому материалу. Здесь, как и в русском, *da[wa]ć* может выступать в пермиссивных конструкциях, но для него характерно и факитивное значение куратива: [...]*piece dalać na elektrykę przerobić* ‘по моему указанию печи были переведены на электричество’.

Среди пермиссивов, в отличие от русского, подавляющую долю (83 %) образуют рефлексивные употребления. В русском подобные случаи (ср. *Дети дают себя обманывать*) занимают явно периферийное место в системе (10 %). Помимо частотности, важной отличительной чертой польской рефлексивной конструкции является ее синтаксическое поведение: каузируемый участник здесь может выражаться не только дативным дополнением (тип I), как в русском (ср. *dal Aleksandre siebie pocelować*) или как в польских нерелексивных употреблениях, но и предложной группой с *przez* (тип II, ср. *dać się manipulować przez stronę chińską* ‘позволить китайской стороне собой манипулировать’). Правда, конструкции с *przez* пока что малочастотны и допускаются

не всеми носителями, но сам факт их появления уже сближает рефлексивную пермиссивную конструкцию с пассивной.

Семантика пермиссивных конструкций в польском, как и в русском, связана с выражением (не)препятствования и способствования, однако последнее значение в польском встречается чаще, чем в русском. Сравнивая рефлексивные употребления в двух языках (с. 131 и сл.), автор находит между ними достаточно тонкое семантическое различие: в русском описывается намеренное, контролируемое действие каузатора, которое препятствует (или не препятствует) осуществлению ситуации, тогда как в польском важен сам факт (не)наступления ситуации, каузатор не совершает конкретных, осознанных действий. Показательным в этом отношении является соотношение русского примера *Ona nie dała siebie obognać* и его польского коррелята. По мнению автора, русская конструкция предполагает, что субъект намеренно препятствовал обгону, тогда как польская, скорее, имеет в виду просто быстрое движение субъекта, вследствие которого обгон был невозможен. Тем самым в польском происходит большее стирание конкретных компонентов семантики конструкции (bleaching), что свидетельствует о ее большей грамматикализованности.

Следует заметить, что хотя в целом, по-видимому, это семантическое наблюдение автора имеет под собой основания и русская конструкция действительно может описывать намеренные действия каузатора, тем не менее, это далеко не всегда верно. В частности, как раз в контекстах, аналогичных приведенному выше, речь, как и в польском, часто идет о спортивном превосходстве, а не о конкретном препятствовании. Ср. также без отрицания: *On wykladywał po pełnej, no все же дал siebie obognać*, – здесь субъект не только не совершает осознанных действий для достижения ситуации, но, напротив, старается ее избежать. Таким образом, и в русском языке можно говорить о частичном стирании значения, хотя, конечно, остальные признаки грамматикализации, характерные для польской конструкции (высокая частотность, выражение каузируемого участника предложной группой), в русском пока не наблюдаются.

Еще одним важным свидетельством большей грамматикализованности польской рефлексивной конструкции являются особенности ее сочетаемости. В отличие от русского¹,

¹ Заметим, что в русском неодушевленные существительные в рефлексивной конструкции с ‘дать’ возможны только в двух специальных случаях: 1) при метонимическом указании на

в польском при 'дать' широко употребляется неодоушевленный субъект:

- (1) *Książka (NOM.SG) nie da się czytać* 'Книгу невозможно читать' (букв. 'Книга не дает себя читать').

При этом помимо конструкции, формально совпадающей с пермиссивом, т.е. с существительным в именительном падеже («модель с согласованием»), встречается также и «модель без согласования», в которой существительное выступает в падеже прямого объекта (в аккумулятиве в утвердительном предложении и в генитиве при отрицании), а глагол – в немаркированной форме 3 л. ед. ч. (и – в прошедшем времени – среднего рода):

- (2) *Książki (GEN.SG) nie da się czytać* (букв. 'Книги (GEN.SG) не дает себя читать').

В бессубъектной конструкции могут употребляться и непереходные глаголы:

- (3) *Tu się nie da żyć* 'Здесь невозможно жить'.

Подобные конструкции – имперсональные типа (2–3) или с субъектом, не контролирующим ситуацию, типа (1), автор называет «модальным пассивом». Это значение развивается на базе пермиссива и является следующим после него этапом грамматикализации, широко представленным в польском и пока отсутствующим в русском.

Сравнение двух разновидностей польской модально-пассивной конструкции показывает, что модель без согласования (как в (2–3)) грамматикализована в большей степени, чем модель с согласованием (как в (1)). Это проявляется, во-первых, на семантическом уровне: предложение (1) описывает невозможность, обусловленную только внутренними свойствами субъекта, тогда как (2) не имеет таких ограничений, характеризуя любой тип невозможности. Во-вторых, о большей грамматикализованности конструкций типа (2–3) свидетельствует ряд формальных параметров, как, например, фиксированность рефлексивного местоимения в форме *się* (в модели с согласованием при инструментальных глаголах допустима форма *sobą*) или возможность постановки отрицания при инфинитиве (не встречается при согла-

совании). Особое внимание в этой связи автор уделяет анализу аспектуального значения вспомогательного глагола в имперсональной модели. Применяя различные морфологические и синтаксические критерии, автор показывает, что *dać się* в этом контексте приобретает некоторые имперфективные свойства, то есть переходит в разряд двувидовых глаголов и тем самым отчасти сближается с более грамматикализованными модальными глаголами.

В Главе 4 обсуждаются данные чешского языка. Сравнение русского и польского материала уже наметило определенный путь эволюции конструкций с 'дать', чешские же данные показывают, каким может быть дальнейший этап в этой эволюции.

Если в русском каузативная семантика конструкций ограничивалась пермиссивом, в польском наряду с пермиссивом появляется и фактитивная каузация (куратив), но пермиссивное значение все еще остается более частотным, то в чешском фактитив (и прежде всего его куративная разновидность) составляет основную долю всех каузативных употреблений конструкций.

Нерефлексивный пермиссив преобладает в русском, занимает периферийное положение в польском и практически исчезает в чешском, полностью уступая место рефлексивной структуре.

На синтаксическом уровне показательно оформление каузируемого участника: в русском он кодируется дативом (тип I), в польском наряду с дативом спорадически появляются предложные группы (тип II), в чешском и при рефлексивном пермиссive, и при куративе встречаются только конструкции с предлогом *od* (тип II). Дативное оформление в чешском сохраняется лишь для некоторых редких семантических классов (в манипулятивной и имперсональной зонах, а также в значении когнитивной каузации): в таких контекстах встречается ограниченный набор инфинитивов, так что соответствующие сочетания с *dá[va]t* можно считать лексикализованными. Кроме особенностей кодирования каузируемого участника эти употребления отличаются от продуктивных еще и большей частотностью имперфективного *dávat*. Между тем в более грамматикализованных контекстах (например, при рефлексивном пермиссive и куративе) перфективный вариант вспомогательного глагола (*dát*) в значительной степени вытесняет имперфективный (*dávat*).

Этот процесс достиг своего логического завершения для чешского модального пассива: здесь перфектив *dát se* остался единственно возможной формой вспомогательного глагола. И снова чешский отражает более поздний этап в том развитии, которое отмечалось для

лицо / группу лиц: *Polska nie dała się obmanąć* [О. Петров. Фiasco польской Тимошенко // АПН. 2007-10-24]; 2) в конструкции с глаголами *znać, czuć* и под. (т. е., в терминологии автора, с когнитивными глаголами): *Neopytność dawała o sobie znać!* [Л. Петрушевская. Город Света // «Октябрь». 2003].

польского, где *dać się* проявляет пока лишь отдельные имперфективные свойства, а *dawać się* еще может выступать в составе модально-пассивной конструкции.

Вместе с тем одна тенденция, которая прослеживается в польском, не имеет прямого продолжения в чешском. Речь идет о двух структурных разновидностях модально-пассивной конструкции. В польском частотнее модель без согласования, в ней участвуют как переходные, так и непереходные глаголы; кроме того, она обнаруживает семантические и формальные отличия от субъектной модели, которые свидетельствуют о ее большей грамматикализованности в сравнении с последней.

В чешском модель без согласования периферийна, она встречается преимущественно с непереходными глаголами и при этом не имеет тех семантических и формальных отличий от субъектной конструкции, которые наблюдались в польском. Вместе с тем и субъектная, и имперсональная модель по своим свойствам сопоставимы с более грамматикализованной польской конструкцией – моделью без согласования. Более того, по некоторым параметрам (ср., в частности, обсуждавшиеся выше аспектуальные характеристики ‘дать’) степень грамматикализации чешского модального пассива оказывается выше, чем у его польского аналога.

Главы 2–4 представляют результаты анализа, проведенного на базе больших одноязычных корпусов, и уже содержат основные выводы, касающиеся грамматикализации ‘дать’ в трех исследуемых славянских языках. Эти данные в последующих главах верифицируются и дополняются по материалам параллельного корпуса и диахронических источников.

В **Главе 5** проводится краткий сопоставительный анализ конструкций с ‘дать’ по данным двух подкорпусов параллельного корпуса ParaSol – русско-польского и меньшего по объему русско-польско-чешского. Автор последовательно рассматривает основные значения, выявленные для сочетаний ‘дать’ с инфинитивом, и сравнивает конструкции с этим значением в одном языке с их переводными аналогами в других языках. Так, из 73 примеров польского рефлексивного пермиссива с ‘дать’, найденных в русско-польском подкорпусе, лишь 17 случаям соответствует конструкция-когнат (*dać siebie*). Чаще (24 раза) его эквивалентом является конструкция с глаголом *pozwolić*. Напротив, русский рефлексивный пермиссив в абсолютном большинстве случаев переводится на польский конструкцией с ‘дать’. Это соотношение коррелирует с данными о частотности рефлексивного пассива в одноязычных польском и русском корпусах.

В целом, чем больше распространен определеннный семантический тип конструкции в языковой системе по данным одноязычных корпусов, тем чаще она появляется в качестве переводного эквивалента для конструкции-когната из другого языка. Тем самым материал параллельного корпуса косвенно подтверждает выводы предшествующих глав об относительной степени грамматикализованности той или иной конструкции в каждом из трех языков.

Глава 6 посвящена эволюции конструкции «‘дать’ + инфинитив» в диахронии. Здесь обсуждается датировка тех процессов, которые были выявлены в результате сопоставления синхронных данных.

Сначала автор обращается к словарям старославянского языка и некоторым источникам и устанавливает, что пермиссивное значение конструкции с ‘дать’ характерно уже для самых ранних текстов, и при этом оно не является калькой с латыни или греческого.

Далее последовательно рассматриваются исторические данные для каждого из трех языков. Основными источниками русского материала послужили «Повесть временных лет» и подкорпус текстов XVIII в. НКРЯ.

Анализируемые конструкции в русском не претерпели существенных изменений по сравнению со старославянским. Новым в системе является только развитие сочетаний с императивом *дай(те) / давай(те)*. Автор предполагает, что гортативные конструкции типа *давайте неть* появляются независимо от пермиссивных, как результат упрощения структуры с личной формой глагола *давай(те) будем неть*. В свою очередь, конструкция с финитивной формой является усилением простого – неаналитического – гортатива: *споем / будем неть* → *давайте споем / давайте будем неть*.

В целом гипотеза о независимом развитии пермиссива и гортатива кажется вполне правдоподобной, однако идея об упрощении аналитической структуры с *будем* не совсем согласуется с данными корпуса: в НКРЯ первый пример гортативной конструкции вида «*давай(те) будем* + инфинитив» появляется у Салтыкова-Щедрина (1874 г.), тогда как сочетание «*давай(те)* + инфинитив» встречается в текстах уже с самого начала XIX в. Всего в текстах XIX в. конструкция «*давай(те) будем* + инфинитив» нашлась четыре раза, между тем в подкорпусе текстов первого десятилетия XXI в., объем которого примерно равен подкорпусу XIX в., таких конструкций 23, во фрагменте газетного подкорпуса примерно того же объема (тексты с 2000 по 2004 г.) – 24. Тем самым можно предположить, что конструкция с *будем* распространилась довольно поздно, по аналогии с сочетаниями с синтетической фор-

мой будущего времени (вида *давай(те) споем*), хотя для надежных выводов, конечно, требуется привлечение большего числа языковых данных.

Таким образом, вопрос о механизме появления гортативной конструкции (*давайте петь*) остается открытым. Как кажется, полная картина эволюции императивных конструкций невозможна без обращения к историческим данным по разным типам сочетаний с *да[ва]ть*, включая не только гортатив, но и другие финитные формы, в которых может выступать смысловой глагол при *да[ва]ть*. Важно на диахроническом уровне очертить границы употребления форм *дай(те)* и *давай(те)* в различных семантических контекстах. Наконец, автор исключил из своего исследования инхотативную конструкцию со значением внезапного действия, которая является самой частотной инфинитивной конструкцией с *давай* в текстах НКРЯ XVIII–XIX вв.:

- (4) *Тут пошехонцы оробели, дрогнули, побежали и давай прятаться: кто в гору, кто в нору, а иные, поджав хвосты, в часты кусты* [О.М. Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче (1825–1833)].

Эта конструкция в силу распространенности, по-видимому, также играла определенную роль в процессе исторической эволюции сочетаний с *давать* и тем самым, безусловно, должна учитываться в общем диахроническом анализе.

В качестве источника чешских данных автор использует исторический подкорпус Чешского национального корпуса (тексты XIV–XVI и XVIII–XIX вв.). На его материале можно проследить процессы, выявленные на синхронном уровне: развитие рефлексивного пермиссива (в XIV в. его доля уже примерно равна доле нерелексивных употреблений, причем уже в это время каузируемый участник может быть неодушевленным), появление куратива (первый пример относится к XV в., в XVI в. число куративных употреблений уже превышает количество рефлексивных), переход от дативного к предложному кодированию каузируемого участника (последний пример датива встречается в XVIII в., самая ранняя предложная конструкция – в XVI в.). Наконец, модальный пассив фиксируется в текстах начиная с XVI в., но только с середины XIX в. в этом значении выступают непереходные глаголы.

Польские данные собирались по различным историческим словарям и текстовым источникам, доступным в электронном виде. Основные предпосылки и тенденции эволюции польских конструкций сходны с чешскими, тем не ме-

нее, результаты развития, наблюдаемые в современных языках, несколько различаются. Так, в польском тоже в XV в. засвидетельствованы примеры куративных конструкций, однако доля таких употреблений не столь велика, как в чешском, а к XVIII в. и вовсе наблюдается их спад. Кодирование каузируемого участника предложной конструкцией в обоих языках встречается с XVI в., но в чешском оно полностью вытеснило дативное кодирование, а в польском оно продолжает оставаться периферийным.

Некоторые из этих расхождений получают объяснение в заключительной **Главе 7**, в которой обобщаются результаты работы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Здесь автор еще раз пошагово рассматривает все этапы в рамках основного изучаемого им пути грамматикализации конструкций с ‘дать’ – от сочетания с полнозначным глаголом через пермиссив к модальному пассиву – и анализирует механизмы каждого отдельного перехода.

В частности, обсуждается природа семантического сдвига, приводящего к появлению пермиссивного значения. Этот сдвиг можно, с одной стороны, интерпретировать как метафору: в этом случае каузируемая ситуация осмысливается как объект передачи. С другой стороны, семантику пермиссива можно трактовать как конвенционализованную импликацию, развивающуюся на базе ситуаций с объектным участником, ср.: *Он дал ему книгу почитать*, где из факта передачи книги следует, что субъект способствует тому, чтобы адресат ее прочитал. Это значение затем распространяется и на безобъектные ситуации.

Как справедливо отмечает автор, на славянском материале выбрать одну из двух гипотез как более вероятную затруднительно, однако, как кажется, такую задачу интересно было бы поставить в типологической перспективе. Более надежной верификации поддается вторая гипотеза: для ее подтверждения необходимо, во-первых, чтобы в языке, в котором имел место данный переход, инфинитив имел целевое значение. Во-вторых, в диахронической перспективе конструкции с переходными глаголами должны появляться раньше, чем с непереходными. В славянских языках, как отмечает автор, процесс развития пермиссивного значения имел место до появления письменных источников, так что проверить очередность развития конструкций невозможно. Показательным в этом отношении был бы язык, в котором развитие пермиссива из ‘дать’ зафиксировано в период его письменной истории или представляет собой актуальный процесс.

Еще одним вопросом, который автор обсуждает в заключительной главе, является источник возникновения фактитивного каузативного значения: появляется ли оно на базе пермиссивного или же непосредственно от глагола 'дать'. Переход от пермиссива к фактитиву в принципе хорошо известен в типологической перспективе, однако для славянских языков, по мнению автора, этот путь грамматикализации по ряду причин представляется маловероятным.

Синтаксическая проблематика, связанная с эволюцией 'дать', включает прежде всего развитие предложных конструкций для кодирования каузируемого участника. Здесь автор обсуждает связь между употреблением предложных групп, соответственно, с *przez* в польском и *od* в чешском, в различных синтаксических контекстах (пассив, отглагольные имена, пермиссивный и фактитивный каузативы). Расхождение между польским и чешским в этой зоне – наличие дативного кодирования в польском и его исчезновение в чешском – автор объясняет сохранением в польской системе нерелексивного пермиссива, который полностью утрачен в чешском. Поскольку при нерелексивной конструкции каузируемый участник кодируется дативом и при этом носителями языка ощущается формальная связь между релексивным и нерелексивным вариантами конструкции, то датив продолжает использоваться и для релексивного пермиссива.

Наконец, отдельное внимание в Заключении автор уделяет роли немецкой конструкции с *lassen* в развитии каузативов с 'дать' в польском и чешском.

Монография имеет ясную и четкую структуру, каждая глава предваряется обзором, представляющим содержание ее частей, в конце каждого раздела резюмируются полученные результаты.

В целом работа представляет удачный пример корпусного лингвистического анализа такого рода, который иногда называют «корпусно обусловленным» (*corpus driven*) в противоположность исследованиям, «основанным на корпусе» (*corpus based*) (см. [Tognini-Bonelli 2001]). Первый подход, в отличие от второго, предполагает использование корпуса не просто как источника примеров или как инструмента для проверки априорных гипотез, но и как основы для формирования самих гипотез. Иными словами, работа начинается с массива данных, извлеченных из корпуса, и далее все обобщения и выводы строятся исключительно на этой эмпирической базе.

Более того, рецензируемое исследование применяет эту индуктивную корпусную методику трижды: на синхронном материале отде-

льных языков, на параллельном корпусе и на диахронических источниках. И все три перспективы замечательным образом подтверждают и уточняют друг друга, и в итоге вырисовывается общая стройная картина эволюции славянских конструкций вида «'дать' + инфинитив» в рамках одного пути их грамматикализации – через пермиссив к модальному пассиву.

Правда, другие направления развития данных конструкций интересуют автора в меньшей степени, так что они в работе обсуждаются не столь подробно (например, гортатив в русском) или не рассматриваются вовсе (как русская инхоативная конструкция со значением внезапного действия).

Менее детальны и разделы, посвященные одному из типов каузации – когнитивному, который также образует особую ветвь развития изучаемых конструкций. Этот класс рассматривается отдельно от остальных видов каузативных оборотов и определяется прежде всего принадлежностью инфинитива при 'дать' к некоторому списку глагольных лексем. Между тем критерии составления этого перечня не вполне понятны. В результате, например, на русском материале семантически и формально близкие конструкции оказываются помещенными в разные типы, ср. (5) и (6):

(5) *А только странная вещь — счастье. Сразу никогда себя не даст различить* (с. 100).

(6) *Следы пережитого давали себя почувствовать в самые неожиданные моменты* (с. 106).

В обоих предложениях использована релексивная конструкция и в позиции субъекта выступает неодушевленное существительное, но при этом (6) признается стандартным употреблением со значением когнитивной каузации, а (5) – исключительным примером релексивного имперсонального каузатива. Его исключительность, однако, обусловлена как раз проявлением свойств, характерных для когнитивного типа конструкций, а именно, допустимостью неодушевленного субъекта при релексиве. В целом, как кажется, особенности когнитивных каузативов с 'дать' заслуживают дальнейшего изучения, в том числе – в силу распространенности этого явления – и в более широкой типологической перспективе, и интересные наблюдения автора, касающиеся прежде всего эволюции таких конструкций в русском, будут здесь хорошей основой.

Важно, что в монографии подробно представлен тот фактический материал, с кото-

рым работает автор. Помимо статистических обзоров, отражающих встречаемость различных характеристик конструкций в собранном массиве, следует особо отметить обширные лексические данные. Для каждого семантического типа инфинитивных сочетаний с 'дать' в каждом языке приводятся упорядоченные по частотности списки глаголов, которые могут выступать в составе конструкций данного типа. Все это позволяет читателю не просто следить за ходом рассуждений автора, но и строить собственные гипотезы и ставить новые задачи на собранном им материале, что всегда делает процесс чтения более увлекательным.

Так, интересно было бы проверить поведение конкретных глагольных лексем в отношении формальных характеристик конструкции (наличие отрицания, форма вспомогательного глагола). Такой отдельный анализ автор проводит для глаголов ментальной и перцептивной сферы, но, по-видимому, и за пределами этой зоны статистика для некоторых лексических единиц может существенно отклоняться от общих закономерностей, которые автор выявляет на полном массиве данных. Представляется, что глаголы разных семантических классов тяготеют к различным грамматическим кон-

текстам, так что можно было бы выделить несколько подтипов общей конструкции «'дать' + инфинитив», каждый со своими формальными и семантическими ограничениями. И эти подтипы чрезвычайно интересно было бы сравнить по данным разных языков.

Но все это будущие задачи, сама постановка которых становится возможной во многом благодаря появлению монографии Рупрехта фон Вальденфельса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Haspelmath 1990 – *M. Haspelmath. The grammaticization of passive morphology // Studies in Language. 1990. V. 14. № 1.*
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.*
- Newman 1996 – *J. Newman. A cognitive linguistic study. Berlin; New York, 1996. (Cognitive linguistics research. 7.)*
- Tognini-Bonelli 2001 – *E. Tognini-Bonelli. Corpus linguistics at work. Amsterdam, 2001. (Studies in corpus linguistics. 6.)*

Т.И. Резникова

Сведения об авторе:

Татьяна Исидоровна Резникова
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
tanja.reznikova@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Обзор лингвистических проектов, финансируемых
Российским гуманитарным научным фондом в 2013 году**

Эта публикация представляет собой продолжение серии обзоров научных мероприятий, экспедиций и издательских проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

Конференции

В 2013 году РГНФ финансировал десять проектов, связанных с проведением конференций и научных семинаров. Шесть из них претворялись в жизнь в Санкт-Петербурге, что показывает особую роль, которую играет этот город в российской научной жизни. Многие из поддержанных конференций являются традиционными или по крайней мере входят в число регулярно проводимых научных мероприятий.

Одна из таких конференций – известные в среде индоевропейцев и филологов-классиков чтения памяти профессора И.М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII» – прошла в петербургском Институте лингвистических исследований (ИЛИ) РАН с 24 по 26 июня. Согласно аннотации мероприятия, его организаторы отдавали предпочтение обсуждению классических языков в сравнительно-историческом освещении. При этом, однако, отдельные доклады на чтениях затрагивали не только латинский и греческий языки, но и, например, индийские, анатолийские, готский, древнеармянский языки, а несколько выступлений были посвящены общей индоевропейской тематике.

Другая конференция, получившая поддержку фонда, – Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога академика РАН Э.Р. Тенишева, – в разной форме проходит ежегодно с 2006 года и собирает в первую очередь исследователей, которые занимаются историей тюркских языков. Это мероприятие состоялось в октябре в Казанском (Приволж-

ском) федеральном университете.

Две конференции, которые финансировал РГНФ, посвящены лексикографии, и обе они проводились на базе ИЛИ РАН, известного своей лексикографической школой. Первая из них – международная конференция «Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX вв.» (28–30 марта) – была посвящена 100-летию известного лексикографа Ю.С. Сорокина, чьи концепции построения исторических словарей, в частности, легли в основу «Словаря русского языка XVIII–XIX века» и «Словаря русского языка XIX века». Тематика конференции была весьма широка и включала, помимо докладов, обсуждающих собственно деятельность Ю.С. Сорокина, разнообразные вопросы лексикологии и лексикографии, историю русских слов и понятий XVIII–XIX вв., в том числе вопросы функционирования терминов и неологизмов в это время, а также проблемы описания языка художественной литературы Нового времени. Второе мероприятие – ноябрьская Всероссийская школа-семинар молодых ученых «Современная русская лексикография и лингвогеография». Это научное событие предполагало доклады около пятнадцати молодых исследователей, а кроме того, лекции ведущих лексикографов Санкт-Петербурга и других городов. Последним пунктом в программе школы значилось неординарное мероприятие – картографический семинар молодых лингвогеографов.

Несколько особняком среди научных конференций стоит постоянно действующий научный семинар «Проблемы библейского перевода», проводимый на протяжении многих лет Институтом перевода Библии (ИПБ) и уже не в первый раз поддерживаемый РГНФ. В 2013 году этот семинар, объединяющий сотрудников ИПБ и его партнеров из многих регионов Кавказа, Сибири, Крайнего Севера, был посвящен переводу поэтических книг Вет-

хого Завета. Проблематика заседаний семинара включала библейскую поэтику в контексте поэтических традиций и фольклора Ближнего Востока, интерпретацию поэтических книг в раввинистической и раннехристианской традициях, интертекстуальные связи в Ветхом Завете и другие темы. В результате семинар фактически был междисциплинарным, связывающим филологические исследования с философскими и религиоведческими.

Ряд конференций фокусируют внимание на общих вопросах коммуникации и речевого поведения. 23–25 мая в Красноярском крае в городе Лесосибирске на базе местного педагогического института – филиала Сибирского федерального университета – прошли IV Международные филологические чтения «Человек и язык в коммуникативном пространстве». Организаторами и участниками этого события выступили исследователи как из вузов Сибири, так и из образовательных и научных учреждений других городов России и зарубежья. Чтения с самого начала позиционировались как сопоставляющие разные научные парадигмы и привлекающие как лингвистов, так и литературоведов, психологов, журналистов и культурологов. В ходе работы конференции состоялись разнообразные круглые столы – «Человек в контексте современной интеркультуры», «Русский язык зарубежья» и «Современная журналистика: проблемы и перспективы». Еще одна крупная конференция, посвященная проблемам коммуникации, – «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (24 сентября 2013 г., Волгоградский государственный университет) – проводится ежегодно начиная с 2005 года. Помимо вопросов межкультурной коммуникации и перевода в круг интересов этой конференции входят также педагогические вопросы. Наконец, проблемы функционирования русского языка и поведения говорящих в разных социолингвистических ситуациях находятся в центре внимания организованной в петербургском учебно-издательском центре «Златоуст» конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (4–7 октября).

На фоне перечисленных мероприятий в списке поддержанных РГНФ конференций оказывается не так много конференций, посвященных собственно грамматическим вопросам. Организованная в ИЛИ РАН с 9 по 12 апреля конференция «Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики» объединила виднейших лингвистов, работающих в русле теории функ-

циональной грамматики, которая на протяжении нескольких десятилетий разрабатывается А.В. Бондарко и его последователями, а также в идеологически близких лингвистических направлениях. Любопытной чертой этой конференции стал особый интерес к корпусным и психолингвистическим исследованиям, который, надо полагать, характеризует постепенную смену научной парадигмы.

Вторая конференция, уделяющая особое внимание вопросам грамматики, – всероссийская конференция «Слово. Словарь. Словесность», проводимая с 1999 г. в Санкт-Петербурге кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета (РГПИ) имени А.И. Герцена. В нынешнем году это мероприятие, состоявшееся в середине октября, было приурочено к празднованию 90 лет со дня рождения С.Г. Ильенко, которая долгое время руководила кафедрой и создала здесь собственную школу функционального синтаксиса.

Лингвистические экспедиции

В то время как основная часть поддержанных РГНФ конференций связана либо с общими вопросами языкознания, либо с функционированием русского языка, среди экспедиций, которым фонд оказывает помощь, наоборот, большая часть исследует неиндоевропейские языки.

В отличие от некоторых предыдущих лет, фонд поддержал только две экспедиции по изучению русских диалектов и говоров. Первая из них – очередная экспедиция под руководством С.А. Мызникова (ИЛИ РАН) по сбору материала для «Лексического атласа русских народных говоров». В этом году диалектологи, подготавливающие атлас, описывали лексику 23 районов Брянской области. Примечательно, что помимо научных сотрудников среди участников экспедиции были заявлены также студенты Санкт-Петербургского государственного университета. Второй экспедиционный проект «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья» (руководитель О.Е. Кармакова) представляет работу по документации русских говоров, которую сотрудники московского Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН ведут с 2002 г. На 2013 год участники проекта запланировали выезды протяженностью от трех до одиннадцати дней в Белгородскую, Воронежскую, Рязанскую, Вологодскую, Владимирскую и Калужскую области России, а также в Ровненскую область Украины. Во всех этих местах диалектологи

записывали образцы спонтанной речи, причем не только от старшего поколения, но и от среднего и младшего поколений и не только от деревенских жителей, но и от жителей небольших провинциальных городов.

Две экспедиции при поддержке фонда направились на изучение северных языков. Летом 2013 года работала экспедиция группы лингвистов под руководством О.А. Казакевич (Московский государственный университет), которая продолжает свои многолетние исследования селькупского языка. На этот раз участники проекта выехали к селькупам Среднего Таза и Нижней Тольки в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа. В задачи экспедиции входили социалингвистическое исследование ситуации со среднетазовскими селькупскими говорами, а также аудио- и видеозапись языка. Примечательно, что в некоторых населенных пунктах О.А. Казакевич получила возможность сравнить социалингвистическую картину десятилетней давности, когда она уже обследовала этот район, с нынешней, уточнив тем самым динамику языковых изменений.

Второй проект, связанный с изучением северных языков, называется «Трансформация языковой ситуации в условиях межэтнических взаимодействий в Арктической Якутии», он осуществлялся сотрудниками петербургского РГПУ им. А.И. Герцена. Проектом руководит Е.Е. Беглова – автор мультимедийного словаря эвенского языка и нескольких учебных пособий по эвенскому языку. Однако участников проекта помимо эвенского языка интересуют также юкагирский и долганский. Объединяет эти языки, генетически не связанные между собой, то, что все они являются исчезающими, так что одной из целей экспедиции стало определение возможности их сохранения и развития. Для этого была разработана специальная социалингвистическая анкета, ответ на которую подразумевал между прочим и рассказ текста на родном языке. В результате, хотя на первый взгляд этот проект носит в большой степени социалингвистическую окраску, он способствовал и документации трех малых языков Якутии.

Наконец, еще три экспедиции, финансируемые РГНФ, проводятся региональными учреждениями в своих республиках. На базе Хакасского НИИ языка, литературы и истории организована трехнедельная экспедиция, целью которой является сбор данных по кызыльскому диалекту хакасского языка (руководитель Р. Д. Сунчугашев). Надо заметить, что кызыльцы – это самая малочисленная группа хакасов, которая насчитывает не более трех тысяч человек. При

этом свободно разговаривает на своем диалекте только старшее поколение кызыльцев. Проект включал запись образцов устной речи, создание электронного корпуса текстов на кызыльском диалекте и сбор социалингвистических данных. Отдельное место среди изучаемых в ходе экспедиции тем занял вопрос о соотношении кызыльского диалекта с литературным хакасским языком, основанным на сагайском и качинском диалектах. В связи с этим экспедиция предполагала несколько неожиданных экспериментов – таких, как перевод информантами перечня терминов, предложений и небольших текстов, включающих общественно-политическую, абстрактную и отражающую современные реалии лексику, распространенную в хакасских средствах массовой информации. Участники проекта полагают, что это поможет прояснить степень понимания кызыльцами литературного языка и осмысления ими литературных неологизмов.

Экспедиция «Топонимическое пространство Республики Калмыкия» (руководитель Д.Б. Гедеева) проводилась Калмыцким государственным университетом в период с мая по октябрь 2013 года. Цель проекта – составление каталога всех географических названий Калмыкии – «Топонимического словаря Республики Калмыкия». Существенно, что в данном случае имеются в виду не только калмыцкие топонимы, но и русские. Примечательно также, что в заявке проекта специально указывались задачи, которые показывали, что он не являлся узколингвистическим: участники экспедиции занимались сбором не только географических названий, но и связанных с ними легенд.

Еще более комплексный характер носила экспедиция по сбору материала по языкам, фольклору и традиционному искусству народов Дагестана под руководством директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН М.И. Магомедова. Однако в отличие от предыдущей экспедиции, разноплановые данные здесь собирались не в одних и тех же местах: в то время как собственно лингвистический материал, которым занимался проект, касался в первую очередь диалектов аварского языка, фольклорные тексты записывались на территории кубачинцев, крупного даргинского субэтноса, проживающего в Дахадаевском районе Дагестана, а данные о художественных промыслах и ремеслах – на территории Дахадаевского и Бабаюртовского районов республики. Как и во многих других экспедициях, особый акцент делался на установлении факторов, которые определяют угрозу исчезновения языка, хотя для этого про-

екта не меньшую роль играли и факторы, ведущие к утрате традиционного искусства.

Можно заметить, что в проектах, поддержанных РГНФ, все чаще говорится об угрозах для сохранения языков и культур и о процессах исчезновения языков, что объясняет выбор многих упомянутых выше проектов. Впрочем, это еще сильнее заставляет ощущать нехватку особой крупной программы, ставящей благородную цель сохранения языкового разнообразия в России и в первую очередь документации так называемых угрожаемых языков.

Публикации

В этом году в рамках раздела «Языкознание» РГНФ поддержал 22 проекта публикаций научных трудов (некоторые из них, надо сказать, ждали своего времени довольно долго).

Более трети поддержанных на конкурсе публикаций проектов – тома изданий, выпуск которых начался в предыдущие годы. Преимущественно речь идет о словарях, связанных с русистикой: это охватывающий лексику XIX–XXI веков «Большой академический словарь русского языка», «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XVIII века», «Словарь языка русской поэзии XX века», диалектологические издания «Словарь русских народных говоров» и «Архангельский областной словарь», а также оригинальное издание «Словарь истории русских слов», описывающее семантическую, морфологическую, синтаксическую и даже орфографическую «жизнь» лексики. К этим проектам примыкает и издание первого тома коллективной монографии «Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг.», включившей в себя словарь, который демонстрирует частоту слов и словоупотреблений в рассматриваемом пласте русской литературы.

Несмотря на большое количество ориентированных на русистов словарных проектов, неверно было бы считать, что фонд при рассмотрении издательских заявок ориентируется исключительно на русистику. Так, при поддержке РГНФ также выйдет очередной том разрабатываемого в Удмуртском государственном университете «Диалектологического атласа удмуртского языка». Кроме того, фондом поддержан составленный М.М. Магомедхановым «Словарь устойчивых словосочетаний Расула Гамзатова». Эта работа сама по себе представляет интерес, являясь двуязычным аварско-русским изданием, которое включает,

согласно аннотации, более двух тысяч «наиболее употребительных и широко используемых устойчивых словосочетаний» из сочинений известного дагестанского литератора.

В число словарных проектов, поддержанных РГНФ, вошло и издание, которое имеет особую ценность для специалистов по сравнительно-историческому языкознанию и, несомненно, будет оценено не только в России, но и за рубежом. Это публикация словаря недавно скончавшегося замечательного компаративиста Арона Долгопольского «Indo-European dictionary with nostratic etymologies» («Индоевропейский словарь с ностратическими этимологиями»). Труд Долгопольского охватывает около 1500 индоевропейских корней, которые удалось сопоставить с корнями, принадлежащими другим ностратическим семьям.

Среди проектов изданий, финансируемых РГНФ в 2013 году, можно увидеть сразу три тома очерков, публикуемых сектором ареальной лингвистики (ранее – группа «Языки мира») Института языкознания РАН. Речь идет об обзорах «Языки мира: Дравидийские языки», «Языки мира: Эфиосемитские языки» и «Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии». Особенность этих изданий состоит в единообразном построении очерков по конкретным языкам и языковым объединениям, что существенно облегчает поиск информации при межязыковом сравнении.

Основная часть несловарных монографий, которые поддержал фонд в этом году, являются авторскими. Важное исключение образует коллективная работа «Славянская лексикография», которую подготовила комиссия по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов. Этот труд во многом посвящен истории лексикографических исследований славянских языков, но, кроме того, пытается оценить современную разработанность вопросов описания славянской лексики.

Что касается авторских монографий, вошедших в число финансируемых РГНФ, они совсем не ограничиваются славистикой. Два исследования, которые, казалось бы, в большой степени связаны с материалом славянских языков, – работа Анны А. Зализняк «Русская семантика в типологической перспективе» и монография А.В. Циммерлинга «Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте» – наверняка будут интересны широкому кругу лингвистов. Оба автора известны как исследователи, уделяющие особое внимание материалу неславянских языков. В частности,

А.А. Зализняк в своей монографии излагает концепцию группы исследователей, которые в последние годы работали над составлением каталога семантических переходов в языках мира, а А.В. Циммерлинг с самого начала исследования исходит из понятийной системы, которая не направлена на обобщения внутри одной группы языков, но исходит из представлений об ограничениях, независимых от генетических объединений. С этими работами сопрягается монография Д.О. Добровольского «Беседы о немецком слове», которая во многом является сопоставительной: автор на материале параллельных корпусов и работ по лексикографии пытается сравнить значения и синтаксические особенности ряда немецких и русских лексем.

Остальные монографии, которые поддержал РГНФ, вероятно, будут интересны в первую очередь типологам и специалистам по неиндоевропейским языкам. В 2013 году РГНФ финансировал издание книги «Нигеро-конголезский праязык: личные местоимения» К.В. Бабаева, которая затрагивает лексический фонд крупнейшей африканской макросемьи (нигеро-конголезское единство до сих пор иногда оспаривается, так что работа становится еще одним шагом в деле его доказательства) и детально на материале множества языков рассматривает грамматические системы и явления, представляющие безусловный интерес для морфологов и синтаксистов. Фонд поддержал также публикацию двух собственно типологических работ. Монография А.Б. Летучего «Типология лабильных глаголов» – одна из нечастых работ, которые сочетают в себе интерес к лексической и грамматической семантике. Как показано автором, лабильность – допустимость употребления одного и того же глагола как переходного и как непереходного – совсем не является

экзотикой и отчасти коррелирует с другими свойствами языка. Монография В.Ю. Гусева «Типология императива» основана на рукописи, специально отмеченной международной Ассоциацией лингвистической типологии еще в 2007 г. Эта работа содержит множество нетривиальных обобщений, связанных с употреблением императива, причем не только его канонического представителя – повелительных форм 2-го лица, но и множества менее обсуждаемых конструкций. В результате хотя труд Гусева строится вокруг темы, которой посвящено немалое количество литературы, он остается новаторским даже спустя несколько лет после его появления.

Последнее издание, поддержанное РГНФ в качестве лингвистического проекта, которое следует упомянуть, – научная публикация перевода знаменитого памятника конца IV века н.э. «Исповеди» Блаженного Августина. По замыслу редактора, академика Н.Н. Казанского, в книгу помимо уже издававшегося ранее перевода, выполненного известной исследовательницей античной культуры М.Е. Сергеевко (1891–1987), должны войти также комментарии переводчика к тексту «Исповеди» и статьи, посвященные как самому литературному памятнику, так и деятельности Сергеевко.

Естественно, мы не готовы оценить, насколько хорошо выбор фонда отражает основные лингвистические дисциплины и направления: наверняка в работе РГНФ могут возникать и ситуации, когда содержательная заявка может не получить финансирование по формальным причинам. Тем не менее, на наш взгляд, представленная выше общая картина заявок показывает, что фонд пытается охватить проекты разной тематики и не концентрироваться на каких-либо узких областях и научных школах.

Ю.А. Ландер

Сведения об авторе:

Юрий Александрович Ландер
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН
yulander@yandex.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 2013 г.**

СТАТЬИ

Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации	4
Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика	2
Виноградов И.А. «Интерпретирующие» грамматические категории: К определению понятия	5
Всеголова М.В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке	6
Выдрин А.П. Две конструкции возможности в осетинском языке	2
Ганина Н.А. Реликты готской апеллятивной лексики в латинских памятниках	5
Гаттнар А. Конкуренция видов глагола в итеративных контекстах в зависимости от типа и позиции квантификатора	2
Горбова Е.В. Испанский перфект: еще перфект или уже перфектив / претерит?	4
Гришина Е.А. Указания головой как система	3
Ефимов А.Ю. Фонология языка каолан	6
Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг.	4
Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии	2
Инькова О.Ю. О семантике так называемых градационных союзов <i>не столько... сколько и скорее... чем</i>	1
Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Наречие <i>однажды</i> : неопределенный временной спецификатор	1
Кисилиер М.Л. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы	2
Коношенко М.Б. Лично-числовое маркирование в языке кпелле: к типологии согласования по лицу и числу	1
Крылов С.А. Опыт изучения современного монгольского языка в количественном аспекте	5
Кузнецова Ю.Л., Янда Л.А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян)	4
Макеева Н.В. Коммуникативные стратегии и коррелятивная конструкция в языке кландан и других южных манде	1
Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация	5
Никитина Е.Н. Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке)	2
Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей	4
Подлеская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи	3
Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии	2
Романов Д.А. О судьбе производных французского корня <i>flanc-</i> в русском языке	4
Татевосов С.Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола)	3
Урысон Е.В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей	3
Успенский Б.А. Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход	6
Федорова О.В. Об экспериментальном синтаксисе и о синтаксическом эксперименте в языкознании	1
Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь	1
Шкапа М.В. Клефт в ирландском языке: к типологии клефта и тетических предложений	5
Эдельман Д.И. Еще раз о фонемном составе общеиранского праязыка (фонологический статус *)	5

Эндресен А.А. Самостоятельные морфемы или позиционные варианты? Морфологический статус русских приставок *о* и *об-* в свете новых данных: корпус и эксперимент ... 6

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Кузнецов В.Г. Лингвистическая концепция Эрика Бюиссенса 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Красухин К.Г. Новые руководства по индоевропейскому языкознанию 6

Рецензии

- Алпатов В.М. *Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole (URSS, années 1920–1930) / Textes édités et présentés par I. Ivanova, traductions d'I. Ivanova at P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2012; I. Tylkowski. Vološinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoges: Lambert-Lucas, 2012* 4
- Бабаев К.В. *G. Dimmendaal. Historical linguistics and the comparative study of African languages. Amsterdam: John Benjamins, 2011* 3
- Вельмезова Е.В. Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И.А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011 2
- Выдрин А.П. *P. Samvelian. Grammaire des prédicats complexes: Les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier, 2012* 3
- Гусев В.Ю. *A.Y. Aikhenvald. Imperatives and commands. New York: Oxford university press, 2010* 1
- Даниэль М.А. *A.A. Kibrik. Reference in discourse. Oxford: Oxford university press, 2011* ... 5
- Клейн Л.С. Вопросы языкового родства / Под ред. В.А. Дыбо. 2013. № 9. М.: ЯСК, 2013. xii + 166 с. (Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Языкознание». 2013. № 5 (106).) 6
- Клейн Л.С. *Ю.К. Кузьменко. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011* 1
- Кожанов К.А., Ослон М.В. *В.В. Шановал. Цыганизмы в жаргонных словарях. Критерии достоверности описания. Saarbrücken: Lambert academic publishing, 2011* 2
- Люси́на В.С. *M. Maiden, J.Ch. Smith, M. Goldbach, M. Hinzelin (eds.). Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology. Oxford: Oxford university press, 2011* 2
- Майсак Т.А. *L. Johanson, M. Robbeets (eds). Copies versus cognates in bound morphology. Leiden: Brill, 2012* 5
- Минлос Ф.Р. *T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. Total reduplication: The areal linguistics of a potential universal. Berlin: Akademie Verlag, 2011* 1
- Николаева Т.М. *М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012* 4
- Никulichева Д.Б. *P. Durst-Andersen. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011* 1
- Резникова Т.И. *R. von Waldenfels. The grammaticalization of 'give' + infinitive. A comparative study of Russian, Polish, and Czech. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012* 6
- Русак А.Ю. *L. Jusufi. Die zentralgegische Mundartengruppe in Mazedonien. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2011* 3
- Стойнова Н.М. *J. Nørgård-Sørensen. Russian nominal semantics and morphology. Bloomington (Indiana): Slavica publishers, 2011* 5
- Шкапа М.В. *P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds.). Argument structure and grammatical relations: A cross-linguistic typology. Amsterdam: John Benjamins, 2012* 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Борисова Е.Г. Международная конференция «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве» 5

Гулида В.Б. Конференция «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык» .	5
Дубасова А.В., Мазурова Ю.В., Николаева Ю.В., Худякова М.В. V Международная конференция по когнитивной науке	3
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. XLIV Виноградовские чтения в МГУ	5
Иомдин Б.Л. Международная конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов»	4
Кабинина Н.В. II Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»	3
Капитанова Ю.С. Виноградовские чтения 2013 г.	5
Кожанов К.А., Оскольская С.А., Ослон М.В. Рабочее совещание по цыганскому языку в России	2
Ландер Ю.А. Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2013 году.....	6
Летучий А.Б. Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2012 году	1
Макарцев М.М. Конференция «Природа эвиденциальности» («The nature of evidentiality») и круглый стол «Документирование эвиденциальности» («Documenting evidentiality»). Лейден, 2012	2
Мищенко Д.Ф. IX Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей	5
Николаев Г.А. Международная научная конференция «Русский язык: функционирование и развитие»	1
Патронева Н.В., Кулева А.С. Международная конференция «Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы»	2
Супрун В.И. XIII Международная конференция «Ономастика Поволжья»	3
Тискин Д.Б., Шиморина А.С., Порицкий В.В. XXIV Европейская летняя школа по логике, лингвистике и информатике (ESSLLI 2012)	3
Циммерлинг А.В. II Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров»	4
Шалыпина З.М. X Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки»	4
Шелов С.Д., Цумарев А.Э. III Международный симпозиум «Терминология и знание». Москва 2012	1